

18+

ТАТЬЯНА
ХУРУМОВА

НЕВИННАЯ
ДУША

Майкла
Джексона

Татьяна Хурумова Невинная душа Майкла Джексона

<https://litres.ru/74502874>

ISBN 9785007108706

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В 2005 году суд присяжных оправдал Майкла Джексона по всем пунктам обвинения. Но пресса к тому времени уже вынесла свой приговор.

Эта книга открывает двери в зал суда: стенограммы, показания, перекрёстные допросы, противоречия свидетелей и семьи, требовавшие миллионы. Собранные вместе факты позволяют увидеть другую сторону истории Майкла Джексона — ту, что слишком часто оставалась за пределами газетных заголовков.

Содержание

Глава 1. Дело Чандлера	10
Глава 2. Дело Арвизо	122
Конец ознакомительного фрагмента.	244

Невинная душа Майкла Джексона

Татьяна Хурумова

Редактор Наталья Чистякова

Корректор Анастасия Казакова

Иллюстратор Алена Галайко

Дизайнер обложки Вера Филатова

Консультант Лиана Шаутидзе

© Татьяна Хурумова, 2026

ISBN 978-5-0071-0870-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кажется, Майкла Джексона знают все люди на Земле. Он — всемирно известный Король поп-музыки — побывал на большей части планеты и влюбил в себя миллионы людей. Один только факт, что Майкл Джексон как исполнитель 13 раз попадал в Книгу рекордов Гиннесса, делает его феноменом. На самом деле Майкл Джексон больше чем исполнитель, больше чем просто Король поп-музыки. Речь идёт не только о его музыкальных достижениях, но и о благотвори-

тельности¹. Его приезды в разные страны ни разу не обходились без посещения детских домов и больниц, а пожертвования на гуманитарные цели исчисляются миллионами долларов, по некоторым данным — больше половины миллиарда. Никто точной суммы назвать не может, так как Майкл никогда не афишировал своей благотворительной деятельности. Он поддерживал многочисленные фонды и создал свой под названием «Исцели мир»² (*Heal the world*). Особо стоит сказать о любви Майкла к детям: она не ограничивалась только денежной поддержкой. В 2001 году он зажёг многочисленную аудиторию в Карнеги-холле и в Оксфордском университете, где говорил о необходимости защиты детей от насилия в мире; и, конечно же, создал ранчо «Неверленд», куда регулярно приглашались дети разных сословий и которое стало для Джексона одновременно и счастьем, и проклятьем. Наивность, излишнее доверие к людям, невероятная доброта в принципе и безусловная любовь к детям вкупе с сумасшедшей мировой славой сыграли с ним злую шутку: он быстро стал доступной мишенью для злопыхателей. Журналисты, падкие до жареных фактов, порождали безумные слухи о личности Майкла Джексона; коллеги и случайные музыканты подавали на него необоснованные иски разного

¹ В 2000 году Майкл Джексон попал в Книгу рекордов как «поп-звезда, ведущая наиболее широкую благотворительную деятельность».

² Цель фонда — борьба с голодом, с жестоким обращением с детьми и бездомностью.

содержания. Также многим не давала покоя социальная активность певца: он не боялся говорить о проблемах в стране не только в своём творчестве — вспомним великую песню «Им плевать на нас» (*They Don't Care About Us*), — но и в публичных выступлениях против расизма (речь на стадионе «Эксетера»; речь в Гарлеме, в штабе-квартиры Эла Шарптона, штат Нью-Йорк).

Восприятие личности Майкла Джексона в мире двояко: есть те, кто думает, что Джексон — ангел во плоти, почти второй Христос, и есть те, кто считает его воплощением дьявола. Одним из самых спорных и обсуждаемых фактов является причастность Майкла к педофилии. У автора возникло желание разобраться в этой проблеме, преследовавшей артиста при жизни и связанной с его именем после смерти. Результат этого исследования послужил идеей написания книги.

Дополнительным мотивом стало исчезновение честной, независимой журналистики. СМИ повсеместно игнорируют вынесенный по всем 14 пунктам оправдательный вердикт суда 2005 года, поддерживая свой нарратив, который тянется с конца 80-х годов. До настоящего времени недобросовестные журналисты пытаются смаковать факты предполагаемой неадекватности певца: «Джексон хотел стать белым и поэтому отбелил себе кожу» и «Он сделал сотни пластических операций», не заботясь о правде (Майкл имел две серьёзные болезни кожи — витилиго и волчанку, в результате чего

его кожа потеряла пигмент; имея такие проблемы, даже при сильном желании он не смог бы сделать такого большого количества операций).

Нам предлагают забыть биографию певца, из которой абсолютно ясно, откуда у артиста появилось стремление вернуть детство (он всю жизнь пытался восполнить то, чего был лишён). Людям внедряют идею, что невозможно быть просто добрым, щедрым человеком, который без злого умысла и расчёта готов порадовать любого ребёнка. Журналисты продолжают множить слухи и домыслы, которые были опровергнуты в суде, но сейчас уже укоренились в сознании людей: Джексон дружил только с мальчиками, он построил парк развлечений «Неверленд», где растлевал детей и спаивал их, а сигнализация была гарантом его безопасности и тому подобное.

Наиболее популярной у недоброжелателей темой является разговор о том, что Джексон делил свою кровать с неродственными детьми. Автор не разделяет позиции певца по этому вопросу, но видит истоки этой привычки: Майкл вырос в многодетной (9 детей) бедной семье. Он жил с братьями и сёстрами в маленьком домишке в промышленном, богом забытом городе Гэри, где ему с младенчества приходилось делить комнату не только с братьями, но и со взрослыми неродственными ему людьми. Понятно, что и в зрелом возрасте он не видел в этом ничего особенного.

Цель данного труда — изложить историю обвинений, вы-

двинутых против Майкла Джексона, основанную на фактах из различных источников. Вы узнаете о первом деле 1993 года, связанном с Джорданом Чандлером, о деле Арвизо, которое рассматривалось судом в 2005 году, а также о делах Робсона и Сейфчака, которые выступили с обвинениями через несколько лет после смерти певца.

Источниками исследования здесь выступили статьи надёжных изданий, доступные материалы по делу 1993 года, транскрипты суда 2005 года и документы по делам Уэйда Робсона и Джеймса Сейфчака; информация из таблоидов бралась только в случае уникального контента, необходимого для исследования; книга члена семьи обвинителя Джордана Чандлера «Всё, что блестит: Преступление и сокрытие» (*All That Glitters: The Crime and the Cover-Up*) и книга Виктора Гутьерреса «Майкл Джексон — мой любовник. Секретный дневник Джордана Чандлера» (*Michael Jackson Was My Lover: The Secret Diary of Jordy Chandler*) использовались ради демонстрации лживых утверждений и сравнения с фактами. Также источниками явились книги, посвящённые обвинениям: «Майкл Джексон. Самый тёмный час короля поп-музыки» (*Michael Jackson: The King of Pop's Darkest Hour*) Лизы Ди Кэмпбелл, «Заговор» (*Conspiracy*) Афродиты Джонс, «Искупление» (*Redemption*) Джеральдины Хьюз, книга воспоминаний «Мой друг Майкл. Дружба с неординарным человеком» (*My Friend Michael: An Ordinary Friendship with an Extraordinary Man*) Фрэнка Кассио; сай-

ты, посвящённые исследованию дела Джексона: «Майкл Джексон невиновен» (*Michael Jackson innocent*), «Оправдывая Майкла» (*Vindicating Michael*), «Ежедневно о Майкле» (*Daily Michael*), «Майкл Джексон, обвинения» (*The Michael Jackson Allegations*); иски обвинителей Уэйда Робсона, Джеймса Сейфчака, Джейн Доу и транскрипт фильма «Покидая Неверленд» (*Leaving Neverland*).

Глава 1. Дело Чандлера

Чем более люди расположены ко злу, тем более способны верить ему. Вообще они легче верят вымышленному злу, чем действительному добру.
Тертуллиан

Аннотация

В данной главе книги раскрываются обстоятельства первого обвинения против Майкла Джексона, возникшего в 1993 году. Случайное знакомство певца с подростком Джорданом Чандлером и его родителями оказалось роковым событием, которое оставило тёмное пятно в биографии артиста и до сих пор болью отражается в сердцах его поклонников. Автор подробно повествует о тяжёлом испытании, выпавшем на долю исполнителя, — широкая огласка инцидента вызвала настоящую «охоту на ведьм», поддерживаемую СМИ и властями, а некоторые сотрудники Неверленда пошли на сделку с совестью ради быстрой наживы. В первой главе представлены события, демонстрирующие явную финансовую заинтересованность семьи обвинителя. Представленные автором факты дела свидетельствуют о невинности артиста.

Основные участники событий, изложенных в первой гла-

ве:

- Джордан (Джорди) — 13-летний мальчик, обвинитель;
- Эван Чандлер — отец обвинителя, бывший муж Джун Чандлер, стоматолог;
- Джун Чандлер — мать обвинителя, бывшая жена Эвана Чандлера;
- Рэй Чандлер — брат Эвана Чандлера, дядя Джордана. Автор книги «Всё, что блестит: Преступление и сокрытие»;
- Дэйв Шварц — муж Джун Чандлер, отчим Джордана Чандлера;
- Лили — сестра Джордана, дочь Эвана и Джун;
- Никки — сын Эвана Чандлера от второго брака;
- Виктор Гутьеррес — писатель-журналист, член организации бойлаверов *Nambla*;
- Барри Ротман — адвокат Эвана Чандлера, нанятый до подачи иска против Майкла Джексона;
- Ларри Фельдман — адвокат семьи Чандлеров, нанятый для выгодного соглашения в деле против Майкла Джексона;
- Том Снеддон — главный прокурор отделения прокуратуры Санта-Барбары.

Постараемся проследить хронологию основных событий, связанных с обвинениями Майкла Джексона в педофилии, узреть факты, говорящие о невинности Майкла, оставаясь при этом максимально объективными. Описываемый нами период охватывает более 25 лет: с 1993 года, когда певец

впервые был обвинён (что вызвало серьёзный многолетний общественный резонанс), по 2019 год, связанный с выходом фильма «Покидая Неверленд» Дэна Рида. Картина взбудоражила мировую общественность в тот момент, когда споры стали сходиться на нет, а мир оплакивал Майкла в десятую годовщину его ухода.

Первое обвинение в растлении малолетних было выдвинуто Джорданом Чандлером. Перед тем как приступить к рассмотрению истории обвинения, следует рассказать о лицах и документах: развитие отношений Майкла с семейством Чандлеров мы можем отследить по книге Рэя Чандлера «Всё, что блестит: Преступление и сокрытие» и по книге писателя Виктора Гутьерреса «Майкл Джексон — мой любовник. Секретный дневник Джорди Чандлера», а также по судебным документам. Сравнительный анализ этих источников позволяет отличить правду от лжи, так как сведения зачастую не совпадают.

Перед началом анализа надо рассказать о роли Виктора Гутьерреса в тяжбах Майкла по обвинениям в педофилии: этот человек является членом педофильской организации «НАМБЛА» (*NAMBLA*). Он много лет пытался создать впечатление, что Джексон также имеет порицаемое обществом отклонение. К сожалению, Майкл, ввиду постоянного контакта с детьми, как никто другой подходил на роль «звезды-педофила». Расчёт был на то, чтобы создать рекламу, способствующую нормализации нездоровых отно-

шений между взрослым мужчиной и ребёнком. Гутьеррес многократно давал прессе лживую информацию касательно Майкла Джексона. Например, известно о якобы обнаруженной им видеозаписи с растлением Майклом своего племянника — Джереми Джексона. Об этом впервые сообщила в утреннем шоу 9 января 1995 года на радио «Кэй-Эй-Би-Си-Эй» (КАВС-А) сотрудничавшая с обвинением журналистка Дайана Даймонд. Эта история не получила подтверждения, так как Гутьеррес не смог предоставить запись, а Маргарет Мальдонадо (мама Джереми) опровергла факт растления в своей книге «Семейные ценности Джексонов: воспоминания о безумии» (*Jackson Family Values: Memories of Madness*). В файлах ФБР, открытых в 2009 году, есть данные о том, что 27 декабря 1993 года с их офицером связался некий писатель (Виктор Гутьеррес) и заявил, что они в 1985—1986 годах расследовали дело о растлении певцом двух мексиканских мальчиков. Как написано в отчёте по расследованию, «никаких доказательств не найдено».

Самым мерзким поступком Гутьерреса, которым он попытался опорочить имя Майкла, стало написание и издание уже упоминаемой нами книги «Майкл Джексон — мой любовник. Секретный дневник Джорди Чандлера», выпущенной в 1996 году. В ней содержатся история знакомства Джексона с Чандлерами, документы и личные фотографии первого обвинителя (что свидетельствует о связи Гутьерреса с Чандлерами), а также подробное описание сексуальных ак-

тов Майкла с сыном Чандлеров Джорданом.

Исследователи дела Джексона считают, что Виктор Гутьеррес сыграл решающую роль в формировании обвинения, так как он был в контакте почти со всеми бывшими сотрудниками Неверленда, которые рассказывали грязные истории про Майкла в прессе. В сентябре 1993 года, после того как стало известно об обвинениях Чандлеров, появлялись статьи, в которых говорилось о соглашениях Джексона с семьями мальчиков, о его сексуальных отношениях с детьми (фигурировали имена Джонатана Спенса, Маколея Калкина, Брэндона Адамса). На страницах печатались отрывки этих соглашений. Они, безусловно, были проверены полицией и оказались фальшивыми. Язык историй и их содержание поразительно напоминают то, что содержится в книге Гутьерреса. Соответственно, скорее всего, именно Гутьеррес смог убедить отца Джордана в том, что Майкл — растлитель малолетних, предложив в доказательства эти фальшивые соглашения.

Последние обвинители 2013 и 2014 годов использовали книгу Гутьерреса при составлении описания сексуально насильственных действий по отношению к ним со стороны Майкла в фильме «Покидая Неверленд». Таким образом, Виктор Гутьеррес играл и продолжает играть важную роль в формировании образа Майкла как сексуального маньяка.

Далее рассмотрим конкретно историю и факты всех дел: Чандлера, Арвизо, Робсона, Сейфчака и Доу.

Череда неприятных событий началась для Майкла Джексона в один майский день 1992 года, когда он ехал по бульвару Уилшир в Лос-Анджелесе и его машина неожиданно заглохла. Он был вынужден обратиться в ближайший офис по прокату автомобилей. По воле судьбы начальником данной фирмы в то время был Дэвид Шварц, который являлся отчимом Джордана Чандлера. В качестве благодарности за оказанную помощь он попросил Майкла познакомиться с его пасынком, который был в то время его фанатом. Он позвонил супруге Джун и сказал поскорее приехать вместе с сыном, так как в его конторе находится Майкл Джексон. В интервью 1994 года для статьи «Был ли Майкл Джексон подставлен?» (*Michael Jackson Framed?*) журналистки Мэри Фишер работник фирмы Мел Грин заявил, что у него сложилось впечатление, будто Джун всеми силами навязывала своего сына Майклу Джексону, а тот, как мягкий человек, не смог отказать. Активная супруга выбила из Майкла обещание позвонить Джорди, а тот выполнил обещание, правда, только через месяц или два, как указывает сама Джун Чандлер в показаниях на суде 2005 года (Рэй Чандлер указывает, что звонок Майкла состоялся уже в том же месяце).

Вскоре Майкл уехал в турне по продвижению альбома «Опасный» (*Dangerous*), в котором пробыл до начала следующего года (1993). Как указывает в своей книге Рэй Чандлер, дядя Джордана, Майкл часто звонил мальчику из разных частей света, и Джордан, закрывшись в своей комнате,

подолгу — иногда до трёх часов — разговаривал с ним. Из допроса Джун Чандлер на суде 2005 года мы знаем, что до встречи в феврале Майкл позвонил приблизительно 8—10 раз (это больше чем за полгода) и что разговаривали они о видеоиграх, Неверленде и других невинных вещах. Мать при беседах присутствовала.

По прибытии Джексона в США в январе 1993 года общение происходило вживую. Джорди с мамой были приглашены в Неверленд (по показаниям Джун, в начале февраля)

Схожую информацию мы можем прочесть у Гутьерреса, только мальчик сидел не на коленях Майкла, а между ними, а поцелуи и объятия были взаимными. Также Гутьеррес говорит о том, как некомфортно себя чувствовал Джорди, так как испытывал ревность к таким «близким» отношениям. Не имеет смысла обращать внимание на эти несоответствия, так как показания свидетелей эпизода развенчивают вымысел. На суде Джун Чандлер была единственным свидетелем из этого семейства, который решился дать показания. Её конкретно спрашивали о случае в лимузине.

Прокурор: И когда вы поехали туда во второй раз, помните ли вы, каким образом вы туда приехали?

Джун: Насколько я помню, меня забрал Майкл Джексон.

Прокурор: На каком виде транспорта это было?

Джун: На его машине, лимузине.

<...>

Прокурор: <...> был ли кто-нибудь ещё в лимузине кроме

мистера Джексона и вас троих?

Джун: Да, там был Бретт Барнс.

<...>

Прокурор: И где в машине находился Бретт Барнс по отношению к мистеру Джексону?

Джун: Сидел рядом с Майклом Джексонем [5, 91].

Рэй Чандлер, который не мог присутствовать при этом эпизоде, разместил в книге информацию о том, что Майкл ласкал мальчика. В показаниях Джун таких подробностей нет. Откуда же Эван взял сведения для своей книги? Полагаем, источником был уже упоминаемый нами «выдумщик» Гутьеррес.

Разговор Джорди Чандлера с психиатром Ричардом Гарднером, который у ненавистников обычно считается доказательством вины Майкла, на самом деле при доскональном анализе скорее свидетельствует о его невиновности. В данном отрывке Джорди говорит об отношениях Джексона и Бретта Барнса, не упоминая этого так впечатлившего его (по словам Гутьерреса) эпизода в лимузине. Более того, он не говорит о том, что сам что-то видел, вводя условно-сослагательное наклонение и слово «некто».

Рэй Чандлер, изменив имя мальчика, выложил транскрипт беседы Джорди с психиатром, в которой они говорили о выступлении Барнса на телевидении, когда тот защищал³ Джексона.

³ Мы смогли установить, что Джорди говорит именно о выступлении Барнса

Психиатр: Кто, по-твоему, лжёт?

Джорди: Томми (Бретт Барнс).

Психиатр: Почему ты так говоришь?

Джорди: Потому что на публике, когда он с Томми, они очень близки друг другу физически и вербально. И если бы некто наблюдал за тем, как они вели себя друг с другом на публике, можно было бы прийти к выводу, что это нечто большее, чем просто дружеские отношения [7, 21].

В 2013 и 2014 годах Уэйд Робсон и Джеймс Сейфчак соответственно подали иски на возмещение морального ущерба Эстейтом Майкла Джексона за растление, учинённое музыкантом. Их адвокаты в 2016 году допросили Гэри Хирна, бывшего водителем Майкла в интересующий период, с целью выведать нужную информацию. Они не добились необходимого результата, зато поклонники Майкла получили ещё одно свидетельство того, как СМИ извращали и извращают слова приближённых к Джексону людей:

Гэри Хирн: То, что я слышал в новостях о деле Майкла, о его жестоком обращении с детьми, всегда противоречило моему впечатлению о мистере Джексоне. Я могу судить, так как очень тесно с ним работал, проводил с ним крайне много времени: каждый день, каждую неделю, каждый месяц...

В частности, Гэри Хирна спросили о поездках в лимузине:

Адвокат: Хорошо, а был ли мистер Джексон когда-нибудь

(несмотря на то, что имя изменено), так как существует находящаяся в открытом доступе запись этого выступления.

на заднем сиденье лимузина с детьми при закрытом стекле?

Гэри Хирн: Насколько я помню, нет.

Адвокат: Никогда?

Гэри Хирн: Я уже ответил, что не помню такого. Он редко поднимал это стекло [8].

Безусловно, важны показания в суде 2005 года самого Бретта Барнса, который специально приехал из Австралии, чтобы дать показания в защиту Майкла:

Прокурор: Мистер Джексон когда-либо прикасался к вам сексуальным образом?

Бретт Барнс: Никогда. Я бы такого не потерпел.

<...>

Прокурор: Касался ли мистер Джексон какой-либо части вашего тела таким образом, какой вы сочли бы неподобающим?

Бретт Барнс: Никогда. Я бы не потерпел этого [9, 226—227].

Нам осталось только упомянуть, что в ходатайстве по допуску предыдущих преступлений подсудимого со стороны прокуратуры не было упоминаний об эпизоде в лимузине, согласно которому Майкл неподобающим образом прикасался к Бретту. Таким образом, нашумевший эпизод, который мог обосновать обвинения, выдвинутые против Майкла, представляется нам вымыслом Рэя Чандлера и Виктора Гутьерреса. И этот вымысел далеко не единственный. Так, например, есть много вопросов к правдивости историй, свя-

занных с Лас-Вегасом. Об этом ниже.

Согласно показаниям Джун в суде, во время второго посещения Неверленда они были гостями вместе с Бреттом Барнсом, во время третьего — вместе с братьями Кассио. Во время третьего визита (конец февраля) Джорди стал усиленно проситься с ночёвкой в комнату Майкла: во время предыдущих визитов там спали другие дети, и мальчику было обидно, что ему мать запрещает.

Прокурор: А когда вы поехали на ранчо в этот третий раз, присутствовал ли мистер Джексон?

Джун Чандлер: Да, он был.

<...>

Прокурор: А где Джордан спал?

Джун Чандлер: В гостевом коттедже.

Прокурор: В какое-то время в течение одного из этих трёх визитов, которые вы описали присяжным, просил ли ваш сын позволить ему спать в комнате Майкла Джексона?

Джун: Да... [5, 107].

Важно отметить, что прокурор конкретно останавливался на воспоминаниях о третьем визите, избегая говорить о четвёртом (о последующих визитах спрашивал только адвокат Томас Мезеро⁴). Возможно, это связано с тем, что обвинители сомневались в выдвинутой Чандлерами версии о развитии дальнейших событий. Безусловно, есть основания для таких сомнений — о них будет рассказано позже.

⁴ Адвокат Майкла Джексона на судебном процессе в 2005 году.

С 28 марта по 1 апреля (даты мы знаем из документов суда 2005 года) Чандлеры по приглашению Майкла посещают Лас-Вегас. Благодаря статье, которую нашла основательница блога «Оправдывая Майкла» Елена Овчинникова, мы знаем, что делали Джексон и Чандлеры каждый день. Статья называлась «Тайная семья Майкла Джексона и его двое детей». Она была опубликована в «Нэшнл Энквайр» (*National Enquirer*) в мае 1993 года. В ней написано, якобы Майкл имеет одержимость женщиной и усыновил её детей. Начало их знакомства было подано так, будто именно Майкл был инициатором общения.

Там были пропущены детали, служившие доказательством обратного. Мы знаем, что появление Майкла в мастерской Шварца было случайностью, а Джун и Джорди приехали только потому, что узнали о неожиданном посещении Джексона; а в статье читаем: «Майкл арендует машины в „Рент э Рек“ (*Rent A Wreck*), чтобы быть менее заметным. Он был в офисе, когда Джун зашла с детьми, чтобы они увидели своего папу». [11]

Информацию для статьи дала сестра ближайшего друга Джун⁵ (Джун любила рассказывать о своих отношениях с Джексонном направо и налево). Информация также была почерпнута из воспоминаний работников гостиницы «Мираж» (*Mirage*), которые были в неопишемом восторге от то-

⁵ Это известно из книги Рэя Чандлера, в которой он описывал недовольство Эвана по поводу слишком длинного языка Джун.

го, что у них гостит сам Майкл Джексон и зафиксировали его действия во время пребывания по дням и по часам.

Итак, нам известно, что:

- 28 марта Джун с детьми (Джордан и Лили) и Джексон подъехали на лимузине к отелю «Мираж» и заселились в виллу. Майкл провёл спутникам экскурсию по отелю;
- 29 марта Майкл с Джорданом ходили по магазинам и плавали в бассейне с дельфинами;
- 30 марта Майкл и Джордан также ходили по магазинам, а вечером посетили шоу «Зигфрид и Рой» (*Siegfried & Roy*);
- 31 марта Майкл с Джорданом посетили китайский ресторан, а позже были на шоу Цирка дю Солей (*Cirque du Soleil*);
- 1 апреля Джексон и Джорди были в ювелирном магазине, где Майкл купил для Джун дорогой браслет.

Мы расскажем как о незначительных расхождениях, так и об определяющих, поскольку даже само количество этих расхождений показательно. При этом есть общая информация, которой придерживались все Чандлеры: именно в эти дни Джордан начал спать в одной комнате с Майклом.

Анализ начнём с изложения версии Джордана. События в Лас-Вегасе он относит к третьей стадии отношений. В своей беседе с психиатром Гарднером он вспоминает апартаменты в гостинице «Мираж»:

Джорди: Мама и Келли⁶ жили в одной комнате. У Майкла

⁶ Рэй Чандлер изменил в книге имя Лили на Келли.

была своя комната. Это был большой номер.

Психиатр: Келли жила в комнате с тобой?

Джорди: Нет, с мамой, а у меня была своя комната.

Также мальчик говорит о количестве проведённых в другом городе дней:

Психиатр: Как долго вы там были?

Джорди: Не знаю, может, неделю [7, 11—12].

Джорди обозначает предпосылки, приведшие к ночёвке в комнате Майкла: просмотр фильма «Изгоняющий дьявола» (*Exorcist*) перед сном, после чего Майкл разрешил ему остаться в своей комнате:

Джорди: После того, как моя мама и Келли заснули, мы пошли смотреть фильм «Изгоняющий дьявола». Мы были в его комнате, в его постели. После просмотра я почувствовал сильный страх. Майкл заметил и сказал: «Почему бы тебе не остаться здесь?» Я так и сделал, и ничего не произошло.

Психиатр: Когда ты говоришь, что остался в комнате...

Джорди: Я остался в той же постели.

Психиатр: Вы спали в одной постели?

Джорди: Именно так.

Психиатр: Когда вы спали в одной постели, был ли физический контакт?

Джорди: Нет.

Психиатр: Это была большая кровать?

Джорди: Да, я думаю, да.

Психиатр: Итак, физического контакта не было. Что ты

подумал, когда он сказал: «Давай спать в одной постели?»

Джорди: Ну, я был напуган и не думал, что что-то ещё может произойти.

Психиатр: Ты боялся его или фильма?

Джорди: Фильма. Поэтому я сказал: «Хорошо, отлично». Это было похоже на обычную пижамную вечеринку [7, 12].

На следующее утро, оставшись наедине с матерью, Джордан сказал: «Прошлой ночью я остался в кровати с Майклом». Джун была недовольна, но спокойно ему ответила: «Ну, просто не делай так больше».

Мы узнали, что, по версии Джордана, он ночевал в комнате Майкла без разрешения матери. Далее он рассказывает об эпизоде, который обсуждался на суде и сейчас вызывает много споров. Джордан рассказал Майклу об этом разговоре с матерью, из-за чего Майкл был так сильно расстроен, что даже заплакал:

Джорди: Когда я сообщил Майклу о том, что она сказала: «Не делай этого снова — не спи с ним в одной постели», — мы были одни, Майкл и я, и он разрыдался и сказал: «Она не может строить баррикады», и «Ничего не могло случиться, это всего лишь обычная пижамная вечеринка», и «В этом нет ничего плохого».

Психиатр: Он сказал: «Ничего не случится, в этом нет ничего плохого, и это похоже на вечеринку с ночёвкой?»

Джорди: Верно. И потом, когда он пришёл... Я не могу вспомнить, плакал я или нет, но он решил, что должен рас-

сказать маме о своих чувствах. Он пересказывал мне то, что сказал матери, так: «В том, что случилось, нет ничего плохого, ты должна позволить это, потому что это просто и весело, не надо возводить баррикад». Он заставил мою маму почувствовать себя настолько виноватой, что она заплакала и поверила, что всё в порядке. И вот с этого момента я был в его постели до конца наших отношений [7, 12—13].

Джорди говорит, что спал ещё две ночи в кровати Майкла в Лас-Вегасе (исходя из данных статьи), поэтому мы можем сделать вывод, что первая ночёвка с Джексоном произошла на третий день.

Психиатр: Ты сказал, что в Лас-Вегасе вы были неделю. Сколько раз ты спал в его кровати?

Джорди: Может, два или три [7, 13].

В показаниях Джун воспоминания о визите в Лас-Вегас звучат иначе. По версии Джун, Джорди переночевал у Джексона на второй день, а не на третий.

Прокурор: Значит, когда вы приехали в Лас-Вегас, у вас, очевидно, была комната...

Джун: Верно.

Прокурор: ... в отеле «Мираж». И кто был в вашей комнате, когда вы приехали? Кто спал в вашей комнате?

Джун Чандлер: Джордан, я, Лили и Майкл.

Прокурор: Все в одной комнате?

Джун Чандлер: Верно.

Прокурор: Это размещение изменилось в какой-то мо-

мент времени?

Джун: Да.

Прокурор: И когда оно изменилось?

Джун Чандлер: На вторую ночь ситуация изменилась [5, 110].

Джун не упоминала просмотра фильма «Изгоняющий дьявола», об этом её специально спрашивал адвокат.

Адвокат: Хорошо. В какой-то момент вы все видели фильм «Изгоняющий дьявола»?

Джун Чандлер: Нет.

Адвокат. Вы помните, чтобы кто-нибудь смотрел «Изгоняющего дьявола»?

Джун Чандлер: Мне сказали, что Джордан и Майкл смотрели фильм «Изгоняющий дьявола».

Адвокат: Хорошо. Вы когда-нибудь возражали против ночёвок Джорди в комнате Майкла во время той поездки?

Джун Чандлер: Да.

Адвокат: И что вы говорили?

Джун: «Джорди, когда придёшь домой, ложись в свою постель. Иди в свою собственную постель. Иди в нашу постель, а не в постель Майкла». Он сказал: «Мама, я хочу остаться там», и я была очень расстроена этим [5, 183].

Прокурор: Вы помните, как долго вы были в Лас-Вегасе в ту поездку?

Джун: Две или три ночи.

Разговор с Майклом Джун также осветила:

Джун Чандлер: <...> Было около одиннадцати вечера, и мне позвонил кто-то из Цирка дю Солей и спросил: «Где Майкл?» Я ответила: «Он должен быть там с моим сыном». Они сказали: «Его тут нет». Немного погодя был ещё звонок — он так и не пришёл. Они так и не пришли. Потом был стук в дверь: это Майкл и Джорди вернулись в номер.

<...>

Прокурор: В какое примерно время ваш сын Джордан и мистер Джексон вернулись в отель?

Джун Чандлер: Ну, я думаю, представление начиналось в 11 вечера, и я сказала бы, что Джордан и Майкл пришли где-то в 23:30.

Прокурор: Могли бы вы дать описание присяжным, каким было поведение мистера Джексона, когда он вернулся в номер?

Джун Чандлер: Он плакал. Его трясло.

Прокурор: Майкла Джексона?

Джун Чандлер: Да.

<...>

Прокурор: Хорошо. Расскажите присяжным, что он сказал.

Джун: Он сказал: «Ты мне не доверяешь? Мы же семья. Зачем ты это делаешь? Почему ты не позволяешь Джорди быть со мной?» И я сказала: «Он и так с тобой». Майкл возразил: «Но не в моей спальне. Почему не в моей спальне? Дети веселятся, мы засыпаем».

<...>

Прокурор: В какой-то момент времени вы сдались и позволили сыну спать с Майклом Джексонем в его спальне?

Джун: Да.

Прокурор: И это было после обсуждения, состоявшегося тем вечером?

Джун: Да.

Прокурор: Это был первый случай?

Джун: Верно [5, 111—112, 114].

Итак, в показаниях матери семейства мы обнаруживаем несколько расхождений со словами сына:

- Джорди говорит, что посещение Лас-Вегаса длилось около недели, Джун помнит только два или три дня;
- у Джорди этот разговор происходил явно утром (после нарушения им запрета спать в комнате с Майклом), у Джун — вечером, после ухода из цирка;
- по версии Джорди, он сначала провёл ночь в комнате Майкла по секрету от матери, затем только получил разрешение; а по версии Джун изначально было получено разрешение;
- в своих показаниях Джун говорила, что она была более чем настойчива в разговоре с сыном касательно запрета спать в чужих покоях («Иди в свою собственную постель. Иди в нашу постель, а не в постель Майкла»), а не просто сказала: «Ну, не делай так больше»;
- Джун привязывает разговор о ночёвке к посещению цирка;

ка, Джорди же о цирке не упоминает;

- Джун говорит, что Джорди присутствовал при разговоре с Майклом, мальчик же пересказывает разговор со слов Джексона и о своём присутствии не заявляет.

Безусловно, мы не можем отрицать, что Майкл мог заплакать при этих разговорах, учитывая его особую чувствительность, но у нас есть сомнения и на этот счёт. Подойдём к этому вопросу последовательно.

Вначале приведём разговор Мезеро и Джун о предыстории ночёвок Джорди в комнате Майкла.

Адвокат: Когда ваш сын Джордан впервые спросил, может ли он переночевать в доме Майкла Джексона?

Джун: Я бы сказала, начиная со второго или с третьего визита в Неверленд, потому что там всегда были мальчики, и они оставались в комнате Майкла. У Джорди возник вопрос: почему он не может? И вот тогда он начал просить [5, 185—186].

Указание на то, что Джордан действительно был расстроен отказом матери, есть в его же словах в разговоре с психиатром: «Я не могу вспомнить, плакал я или нет, но он (Майкл. — *Прим. авт.*) подумал, что должен рассказать маме о своих чувствах по поводу того, что она сказала».

Были ли причины для слёз уже у Майкла? Все недоброжелатели представляют Майкла мастером манипулирования, которому ничего не стоило просто заплакать, так что и репе-

тировать не было необходимости. Если слёзы были притворными, зачем Майкл плакал ещё и при Джорди? Логичнее возникновение другого вопроса: почему Майкл, если это было ему так важно, раньше не просил Джун разрешить Джорди ночевать у него? К моменту разговора Джорди в течение двух месяцев посещал Неверленд и ночевал в гостевом доме.

Скорее всего, Майкл поговорил с Джун после того, как Джордан пожаловался ему на запрет. Он захотел помочь мальчику, чтобы тот не расстраивался, — это весьма вероятно. Затронула ли его проблема мальчика до слёз — вопрос. Показания матери и сына настолько разнятся, что выяснить это не представляется возможным.

В книгах Гутьерреса и Рэя Чандлера версии начала ночёвок Джорди у Майкла похожи (согласно их истории, Джун утром обнаружила, что на кровати никто не спал, и увидела Джордана, выходящего из комнаты Джексона). Такое могло получиться только в случае, если они использовали один источник информации (скорее всего, речь идёт опять же о фантазиях Гутьерреса, так как его книга вышла раньше). И выходит занимательная история: личности, которые являлись героями событий, путаются в показаниях, а Гутьеррес и Чандлер, не имеющие к случившемуся никакого отношения, «поют как по нотам».

Отвечая на вопросы адвоката Томаса Мезеро, Джун отметила, что обсуждала с прокурором то, что будет говорить на суде. Версия событий с цирком впервые появилась в хо-

датайстве №1108 «О приобщении доказательств предыдущих сексуальных преступлений ответчика», которое было написано Снеддоном в декабре 2004 года, и, таким образом, напрашивается вывод, что Джун говорила на суде в феврале именно то, что написал в ходатайстве прокурор. Сейчас мы точно знаем, что эта часть показаний Джун ложна: в уже указанной нами статье «Нэшнл Энквайр», в которой очевидцами описано пребывание Майкла с Чандлерами в Лас-Вегасе, рассказано, что Майкл и Джорди посетили шоу Цирка дю Солей и досидели до конца. В статье даже были указаны места в секции 206 и написано, что Майкл купил мальчику сувенирную толстовку Цирка дю Солей! Понятно, что ненавистники певца скажут, что нельзя верить таблоиду, однако слова независимого инсайдера, заинтересованного в том, чтобы зафиксировать увиденное, в данном случае могут иметь вес против слов постоянно путающейся в показаниях матери обвинителя.

Как мы говорили ранее, даже прокуроры, вероятно, сами сомневались в версии Чандлеров, которая гласила, что Джордан стал ночевать с Майклом в Лас-Вегасе. Более правдоподобным, исходя из сравнения показаний Робсонов, Чандлеров и чтения книги воспоминаний Фрэнка Кассио, кажется то, что Джордан стал оставаться в спальне Джексона ещё в Неверленде.

В своей книге друг Майкла Фрэнк Кассио описывает знакомство с Джорди. Певец пригласил Фрэнка с братом и с

Джорди провести время в своём кондоминиуме в Сэнчурри-Сити в день вручения награды. Фрэнк Кассио в своих воспоминаниях описывает одну из ночёвок там. По его словам, он, его брат и Джордан Чандлер провели вечер за просмотром фильмов и уснули на полу в спальнях мешках. Кассио подчёркивает, что Джордан не вызывал у него настороженности и производил впечатление обычного дружелюбного ребёнка, способного по-детски шалить.

Фрэнк относит это время к летним каникулам, но благодаря двум фактам, которые мы приведём ниже, становится ясно, что эти события, скорее всего, относятся к февралю и ночь, проведённая в Неверленде, приходилась на выходные, 27—28-е числа.

- Кассио писал о посещении магазина игрушек «Тойз-Р-Ас» (*Toys-R-Us*), которое произошло на следующий день после встречи с Джорди. Из показаний Джун на суде и беседы Джорди с психиатром мы знаем, что их знакомство с братьями Кассио произошло в феврале.

- Фрэнк вспоминает, как он помогал Майклу выбрать наряд на церемонию вручения премии «Американ Мьюзик Эвордс» (*American Music Awards*). Эта премия в 1993 году проходила не летом, а 25 января. Однако из того факта, что в январе, по словам Чандлеров, их встречи с Джексоном ещё не начались, мы можем полагать, что Фрэнк имел в виду вручение не «Американ Мьюзик Эвордс», а «Грэмми» (*Grammy*) от 24 февраля. Воспоминания Фрэнка пока-

зывают, что Джорди спокойно спал в покоях Майкла задолго до конца марта и только на ранчо, когда Джун приехала в гости к Майклу, сын оставался с ней в гостевом коттедже.

О том, что Джорди оставался в спальне певца до Лас-Вегаса, свидетельствуют также и показания Уэйда Робсона, который упомянул, что один раз он ночевал у Майкла в комнате вместе с Джорданом Чандлером, Маколеем Калкиным и его братом Кираном в Неверленде.

Прокурор: Сколько раз вы встречались с Джорди?

Уэйд Робсон: Один раз.

<...>

Прокурор: А вы проводили ночь вместе с Джорди?

Уэйд Робсон: Да, мы все ночевали в комнате Майкла.

<...>

Прокурор: В тот раз, когда вы проводили ночь вместе с Джорди Чандлером, Маколеем и его братом, присутствовал ли там Бретт Барнс?

Уэйд Робсон: Нет.

<...>

Прокурор: Как много времени вы проводили с Маколеем Калкиным?

Уэйд Робсон: М-м... та поездка, о которой мы говорили, была длиной, по-моему, в пару дней. Думаю, я был с ним ещё раз в квартире в Сенчури-Сити, мы там ночевали.

Прокурор: Так, а поездка, которую вы описали, — что это

была за поездка?

Уэйд Робсон: <...> Это та поездка, когда в Неверленде был Джорди Чандлер.

Прокурор: Это было в Неверленде?

Уэйд: Да.

Прокурор: В какой период времени вы были там вместе? Только одну ночь?

Уэйд Робсон: Нет, это была пара дней.

Прокурор: Было более одной ночёвки?

Уэйд Робсон: Да.

Прокурор: И обе эти ночи вы оба проводили время в комнате мистера Джексона?

Уэйд Робсон: Да.

Прокурор: Так, а кто-либо из вас проводил тогда ночь в кровати мистера Джексона вместе с мистером Джексонном?

Уэйд Робсон: Нет. Я могу вспомнить только одну конкретную ночь, и, кажется, Киран Калкин спал на кровати Майкла, а Майкл спал на кушетке сбоку от нас, и Маколей заснул на диване или вроде этого [9, 170—171, 174, 176—177].

Уэйд не назвал даты, поэтому эти его слова оказались незамеченными на суде, но из показаний матери семейства и воспоминаний Кассио можно вычислить, что данная ночёвка вполне могла произойти в марте, в четвёртый или в пятый визит в Неверленд.

• Джун помнила, что в феврале или в марте, то есть в начале визитов в Неверленд, были выходные, когда она видела

на ранчо Уэйда Робсона и Маколея Калкина вместе. Фрэнк Кассио, описывая встречу с Джорданом, ни Уэйда, ни Маколея не называл; значит, это был другой эпизод. Таким образом, есть две подтверждённые ночёвки Джорди в комнате Майкла...⁷

Прокурор: Вы помните, когда вы встретились с Уэйдом Робсоном?

Джун: В одну из поездок в Неверленд.

Прокурор: И вы помните приблизительно, в какой из визитов это могло быть или в каком месяце вы встретились с этими людьми? (прокурор спрашивал о Уэйте и его матери — *Прим. авт*)

Джун: Это мог быть мой третий визит в Неверленд (до и после она говорила, что в третий визит были только братья Кассио, но дела это не меняет, так как она признала, что видела Уэйда на ранчо примерно в то же время; речь, очевидно, идёт о конце февраля или начале марта, учитывая, что посещать ранчо Чандлеры начали с начала марта по выходным. — *Прим. авт.*).

<...>

Адвокат: Сколько детей в Неверленде вы видели во вторую свою поездку?

Джун: Одного.

⁷ Из показаний Джой Робсон на суде мы знаем, что в неизвестную дату была ещё одна ночь, которую, вероятно, Джорди провёл у Джексона (Джой в 1993 году в показаниях по делу Чандлера говорила, будто Уэйд переживал, что он не может так же, как Джорди, остаться с Майклом и вынужден ночевать с матерью).

Адвокат: В третью поездку?

Джун: Третья... Фрэнк и Эдди Кассио.

Адвокат: Ещё какие-нибудь дети в третью поездку?

Джун: Мог быть ещё Маколей Калкин.

Адвокат: Окей. Вы встречали Маколея Калкина в Неверленде?

Джун: Да.

<...>

Адвокат: Вы видели его в Неверленде ещё раз?

Джун: Да.

Адвокат: Когда вы в следующий раз видели Маколея Калкина в Неверленде?

Джун. В четвёртый или пятый визит [5, 123, 187].

Итак, сравнение судебных транскриптов и чтение отрывка из книги Кассио в целом могут объяснить все несоответствия в воспоминаниях членов семьи Чандлеров и отсутствие вопросов прокурора о последующих визитах. Почему Чандлерам выгодно было лгать относительно «начала отношений»? Вероятно, из-за дорогого браслета, подаренного Майклом Джун в день отъезда из Лас-Вегаса, который удобно было подать как откуп за разрешение ночевать с Джорди и таким образом обвинить Джексона в растлении.

После прибытия в Лос-Анджелес Джун и Джорди ещё несколько раз посещали ранчо. Восьмого апреля радостная Джун позвонила Эвану и, согласно книге Чандлеров, сказала, что у неё нет никаких проблем, связанных с Майклом

(ещё раз под вопрос ставится описанное Джун неадекватно эмоциональное поведение Майкла), и что он пригласил их на ранчо Неверленд, где гостит германский князь Альберто с сёстрами. Также Джун произнесла слова, которые, видимо, обеспокоили Эвана: она сказала, что Майкл взял слишком много контроля над Джорди и если Эван ничего не предпримет, то он его потеряет.

На суде Джун подтвердила слова адвоката Джексона о том, что общение Майкла и Джорди её радовало:

Адвокат: И вы жаловались на то, что он не проводит достаточно времени со своим сыном, верно?

Джун: Верно.

<...>

Адвокат: В то время вы были счастливы, что Майкл Джексон рядом, потому что отец Джордана не проводил с ним время; а вы расстались с Дэвидом (отчим. — *Прим. авт.*), верно? (У Джордана рядом не было мужского примера. — *Прим. авт.*)

Джун: Правда [5, 194—195].

Джордан у психиатра говорил, что после приезда из Лас-Вегаса они очень сблизились со звездой: посещали Неверленд, вместе ездили во Флориду, а Майкл часто останавливался в резиденции Чандлеров и спал в комнате Джорди.

С 9 по 16 мая Чандлеры (Джун с детьми) вместе с Майклом посещают Монако и Париж. В Монако они присутствуют на церемонии «Ворлд Мьюзик Эвордс» (*World Music*

Awards). Весь мир тогда облетели кадры, на которых Майкл держит на коленях Джорди и несёт на руках Лили. По приезде домой Джорди позвонил отцу и пригласил его вместе с маленьким братом Никки на встречу с Джексонсом. В книге Чандлеры указывают, что Эван к этому времени разнёс новость о том, что его сын спит в одной кровати с Майклом Джексонсом: он обсудил это с пациенткой — знаменитой актрисой Кэрри Фишер — и с анестезиологом в своём врачебном кабинете: он стал испытывать беспокойство по поводу намерений Джексона, хотя доверял Джун.

В 2011 году вышла книга Кэрри Фишер «Шокаголик» (*Shokaholic*). В ней актриса рассказала о своём общении с Майклом и о том, как она оказалась клиенткой Эвана Чандлера. Она указывает, что не очень хорошо знала певца (хотя тот факт, что она была приглашена на последнее в его жизни Рождество, говорит о достаточно близких отношениях), но у неё никогда не возникало каких-либо подозрений относительно педофилии. Она объясняла особенности его поведения иначе и склонна была видеть эксплуатацию этих особенностей неблагонадёжными людьми. Из воспоминаний Кэрри мы узнаём, что её взволновал разговор во врачебном кабинете. Она посчитала неуместными восхищение дантиста красотой Джордана, а также радость, связанную с тем, что его сын спит в одной постели с Майклом Джексонсом. Эван позволял певцу это делать и только через несколько месяцев вдруг заявил, что подаёт в суд на артиста. Её эмоциям не бы-

ло предела: «Он поощрял это потому, что понимал, что однажды сможет сказать: „О боже! Я внезапно понял, что отношения моего сына и Майкла странные. Я в ужасе. Моему сыну может быть причинён вред! И единственное, что может исцелить вред, — это много миллионов долларов! Тогда он будет в порядке! И мы не станем ничего покупать для себя на эти деньги! Всё пойдёт на то, чтобы наш сын был в порядке!“» [13].

Двадцатого мая отец Джорди впервые встретился с Майклом. Певец стоял в углу комнаты, его губы были покрыты помадой, глаза подведены, длинные локоны свисали на лицо, на которое был наложен густой грим. Он смотрел в пол, и Эван даже почувствовал к нему жалость. Его удивило большое количество игрушек в комнате сына, которые, по его мнению, не подходили ему по возрасту.

Он подумал, что Джун потакает Джорди. Сам Эван в это время хотел сблизиться с сыном, но почему-то испытывал чувство вины и боялся, что помешает сыну общаться с его кумиром Джексонсом. Поэтому, несмотря на подозрения, якобы уже тогда возникшие, сам играл с Майклом в солдатиков, а на закате дня сказал Джун, что Майкл — отличный парень.

На следующий день Майкл пригласил отца семейства Чандлеров с сыновьями на квартиру в Сенчури-Сити. Он был очень любезен и одарил маленького Никки скульптурками из диснеевских фильмов, а Эвану вручил дорогие ча-

сы. В качестве «благодарности» Эван ошарашил Майкла вопросом: «Ты занимаешься с моим сыном сексом?» [4, 30]. Майкл в ответ хихикнул и ответил, что не знает, какова природа их отношений. Также он отметил, что его отношения с Джорди — «нечто космическое» [4, 30]. Затем разговор зашёл о компьютере, который певец купил для Джорди. Эван хоть и заревновал, что Майкл опередил его, но подумал, что, может быть, певец действительно заботится о его сыне.

Видимо, покупка компьютера перевесила все подозрения Эвана по поводу домогательств, так как Рэй Чандлер приводит цитату, в которой описывает совершенно иное впечатление отца Джорди от общения с Джексонсом: «Эван был очарован не только содержанием речи, но также мощью оратора. Таких способностей в этом похожем на ребёнка человеке он никак не ожидал увидеть. Он был способен вести умную дискуссию по широкому спектру тем — от классики до мультфильмов. К этому прибавлялось уважение, которое Эван уже испытывал к таланту и успеху Майкла. Отец был уверен, что такой человек может оказать только позитивное влияние на его сына» [4, 33].

В выходные дни 22 и 23 мая Майкл посещает дом Эвана и его супруги Натали. Майкл якобы так проникся общением с их семьёй, что предложил поработать вместе над сценариями у себя в Неверленде⁸, а ещё готов был пере-

⁸ Эван хотел стать сценаристом. Его единственной работой так и остался фильм «Робин Гуд: Мужчины в трико» (*Robin Hood: Men in Tights*) 1993 года.

ехать в дом Эвана с Джорди, в связи с чем сам предложил оплатить постройку дополнительного крыла. Сложно поверить, что Майкл, так много денег и фантазии вложивший в своё огромное ранчо Неверленд, был готов оставить его ради того, чтобы поселиться в пристройке дома отца Чандлера. Джун в показаниях на суде подтвердила слова адвоката Майкла касательно того, что не Майкл, а именно Эван предложил оплатить постройку крыла.

Адвокат: И вы помните, что ваш бывший муж хотел, чтобы Майкл Джексон финансировал крыло в его доме?

Джун Чандлер: Да.

Адвокат: И, насколько вам известно, Майкл Джексон никогда этого не делал, верно?

Джун Чандлер: Нет, не делал [5, 193—194].

В книге описан разговор, состоявшийся между Эваном и Натали после отъезда Майкла. В нём отец Джордана якобы говорил, что Майкл сделал ему предложение о сотрудничестве и выразил желание жить с Джорданом у них. При этом Эван находился в нерешительности, потому что жена сказала ему, что он будет работать «под колпаком», но всё-таки больше склонялся к решению начать сотрудничать, потому что не хотел расстраивать Майкла!

У Джексона действительно был разговор со старшим Чандлером о возможном сотрудничестве, однако впоследствии Майкл отказал Эвану в совместной работе. В воспоминаниях Фрэнка Кассио находим: «Когда я повзрослел, Май-

кл рассказал мне, что отец Джорди хотел, чтобы он (Майкл — *Прим. авт.*) инвестировал его фильм. Сначала эта идея заинтересовала Майкла, но советники выступили против. Они довольно резко отказали Чандлеру, и сам Майкл, избежавший конфликтов, тоже решил отказаться. Он был уверен, что именно этот отказ сильнее всего настроил Эвана Чандлера против него» [12, 47].

Общение продолжилось в следующие выходные, 28—29 мая. В субботу в доме Эвана было весело: Майкл и Джорди обсуждали книгу Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна». Обсуждение переросло в веселье и танцы. Натали говорила Эвану, что когда Джорди с Майклом, он даже не замечает его! Эван, в свою очередь, обратил внимание, что Джорди стал одеваться как Майкл и что Майкл стал называть его сына странными прозвищами типа «яблочная голова». В конце разговора Эван подумал: «Я думаю, мы должны дать этому разыграться до конца уик-энда и посмотреть, что из этого выйдет!» [4, 46].

Таким образом, Эван не был свидетелем подозрительных действий со стороны Майкла; он обозначил только желание Джорди подражать Джексону, как это делали тогда все подростки, на кого сильно повлияло творчество звезды, и указал на прозвища, которые Майкл применял ко всем детям вообще, в том числе к своим собственным.

Утром 29 мая, когда Эван занимался процедурами в ванной, прибежал Джордан и сказал, что Майклу требуется по-

мощь. Эван пообещал, что будет через минуту, но спросил: «Эй, Джорди! Вы с Майклом делаете это?» — «Это отвратительно! Мне это не нравится», — ответил мальчик [4, 46]. Далее Эван узнал, что певец, оставшийся ночевать в его доме, всю ночь страдал от ужасной головной боли, которая мучила его после операции, сделанной 16 марта.

Здесь сделаем небольшое отступление и скажем, что речь идёт об очередной операции на скальпе (две предыдущие, в 1984 и 1988 годах, были неудачными) с целью избавиться от лысины, которая осталась у Джексона после инцидента на съёмках рекламы «Пепси», или по крайней мере уменьшить её. Почему нам важно это сообщить? Поскольку далее мы переходим к описанию событий, в которых предположительно произошло растление, важно отметить, что в этот период певец испытывал очень сильную боль, которая не проходила несколько месяцев. Из показаний докторов Гордона Сасаки⁹ и Сидни Шнолла¹⁰ на суде Джексон против AEG¹¹

⁹ Court Transcript, August 13, 2013. Dr. Gordon Sasaki, Katherine Jackson v. AEG Live [Судебная стенограмма от 13 августа 2013 г. Показания доктора Гордона Сасаки по делу «Кэтрин Джексон против AEG Live»] [Электронный ресурс] // Scribd. — 2013. — Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/168406988/Transcripts-Dr-Gordon-Sasaki-August-13th-2013-Katherine-Jackson-V-AEG-Live> [дата обращения: 1.08.2026].

¹⁰ Court Transcript, July 3, 2013. Sidney Schnoll, Expert in Pharmacology, Neurology, Psychiatry and Addiction Medicine [Судебная стенограмма от 3 июля 2013 г. Показания Сидни Шнолла, специалиста в области фармакологии, неврологии, психиатрии и медицины зависимостей] [Элек-

(AEG Live) мы знаем, что даже в августе Джексон продолжал испытывать сильнейшую боль после вмешательства, которая была вызвана ещё и наличием невриномы. При этом Майкл носил накладки для волос и шляпу, скрывавшие следы операций, а врач рекомендовал ему оставлять оперированную область открытой. Так что ему явно было не до сексуальных развлечений с мальчиком.

Майкл попросил помощи у Эвана, работающего стоматологом. Тот предложил обычные лекарства типа аспирина, но Майкл отверг их как слабые для него. Эван, посоветовавшись со своим анестезиологом, предложил колоть <рецептурный препарат> и ввёл звезде полную дозу. Реакция организма Майкла была нетипичной: у него заплетался язык, он не мог выговорить ни слова. Из этого Эван сделал вывод, что Майкл что-то принял дополнительно или в его случае возник особый побочный эффект. Джорди, который никогда не видел своего друга в таком странном виде, сильно испугался. Отец убедил ребёнка, что не стоит волноваться, а надо просто следить за самочувствием больного. Также он добавил, что Майкл сейчас очень счастлив. Эван не постеснялся воспользоваться болезненным состоянием Майкла и, после

тронный ресурс] // Scribd. — 2013. — Режим доступа: <https://www.scribd.com/document/152188094/Jackson-V-AEG-Live-Transcripts-July-3rd-2013-Sidney-Schnoll-Expert-in-Pharmacology-Neurology-Psychiatry-Addiction-Medicine-Specialist> [дата обращения: 1.08.2026].

¹¹ Семья Майкла Джексона судилась с AEG Live, утверждая, что компания проявила небрежность при найме Конрада Мюррея и контроле за его работой.

того как тот смог членораздельно произносить слова, спросил в грубой форме, является ли он человеком нетрадиционной ориентации. Джексон, будучи ещё вне ясного сознания, промямлил: «Нет». Весь день Джорди провёл у кровати больного друга. Затем ночью в комнату пришёл спать Никки, и все трое заснули. Ночью, когда Эван в третий раз пришёл проведать Майкла, он обнаружил, что Джорди спит в одной кровати с ним. Рука певца лежала поверх одеяла в нижней части тела мальчика. Эван убедился, что оба полностью одеты. Этот эпизод спровоцировал у Эвана новый виток подозрений, и он решил, что ему срочно надо прекратить эти отношения. С этой целью он якобы сказал Майклу, что не может сделать пристройку к дому, на что тот ответил, что готов заплатить за новый дом.

На следующий день, согласно повествованию Чандлеров, заболел уже Джорди (у него были приступы астмы), и о нём заботился уже Джексон. Эван прибыл в дом Джун, его встретил Майкл в пижаме и в шляпе и сказал, что смотрит за мальчиком. Эван увидел, что на кровати кто-то спал (там якобы был глубокий отпечаток головы), и у него снова возникли подозрения. Эван осмотрел сына, поругавшись с бывшей супругой по поводу того, что Джексон сидит с её сыном, и просто ушёл!

Девятого июня, во время выпускного Никки, Эван отвёл Джордана в сторону, чтобы поговорить: отец настаивал на том, чтобы тот не ехал в турне с Майклом, но мальчик твёр-

до стоял на своём. Эван не придумал ничего лучше, чем сказать сыну, что тот умрёт через пять лет, если поедет с певцом в турне, потому что тот врёт ему заодно с матерью и Майклом... Логика тут и не вырисовывается, но таковыми были обычные манипуляции Эвана.

Важные события произошли 13 июня: в книге Чандлеры описывают первую встречу Эвана с адвокатом Барри Ротманом во врачебном кабинете. Считаю необходимым описать обстоятельства этого знакомства: доктор Чандлер посадил пациента в кресло, сделал ему обезболивающий укол, но вместо того, чтобы выполнить свою работу, рассказал адвокату историю отношений своего сына и Майкла Джексона. Ротман сказал, что лучшим решением будет забрать Джорди из лап Джексона, и он может это устроить, так как дело несложное. Мужчины договорились о сотрудничестве. (О реальных обстоятельствах встречи мы знаем из записанного разговора Эвана Чандлера со Шварцем; об этом позже.)

По словам Чандлера, 14 июня Ротман изложил ему свой план:

- 1) потребовать от Джун прекращения общения с Майклом под угрозой судебного ордера на него;
- 2) если условие не будет выполнено, то он будет подавать жалобу с целью отобрать у неё права на Джорди.

Джорди был так обижен на Эвана после разговора 9 июня, что не хотел с ним разговаривать, а Джун не вмешивалась.

Чандлеры пишут, что сын даже не поздравил его с Днём отца 20 июня. Известно, что в эти дни Джун и дети продолжали общаться с Джексоном: 21 июня они все вместе были в Нью-Йорке и потом ещё четыре дня во Флориде. Чандлеры сообщают о разговоре Эвана с Джун 30 июня, в котором он настаивал на общении с Джорди, а получив отказ, пригрозил, что она пожалеет об этом.

По словам Чандлеров, Эван посетил Дэйва Шварца в надежде получить финансовую и не только помощь в разрушении связи тройки Джун — Джорди — Майкл, но понял, что его задача крайне сложна для выполнения.

Седьмого июля Эван решил отправить сообщение на автоответчик, чтобы реализовать последнюю попытку добиться общения с Джорди. Он требовал, чтобы все (Джун, Майкл и Джорди) были в доме Джун 9 июля, и говорил, что это для их же блага. После того, как Джун прослушала запись и дала прослушать Майклу, тот связался со своим адвокатом по уголовным делам Бертом Филдсом. На следующий день Филдс привлёк детектива Энтони Пелликано. Согласно Рэнди Тараборрелли¹², 7 июля Эван подал заявление на изменение условий опеки и не побоялся рассказать суду и органам опеки о своих подозрениях.

При этом есть факты, которые могут подвергать сомне-

¹² Рэнди Тараборрелли — американский журналист и биограф знаменитостей. Написал биографию Майкла Джексона «Майкл Джексон: (1958—2009): Жизнь короля» (Michael Jackson: «The Magic, the Madness, The Whole Story, 1958—2009»).

нию, что заявление увидели в суде:

- Нет никакой информации о том, что сразу после подачи заявления проводилось следствие. Из стенограммы суда 2005 года известно только, что через месяц — 7 августа — Джун Чандлер имела беседу с представителями органов опеки. Прямой связи с заявлением не наблюдалось, поэтому есть вероятность, что документ так и остался в кабинете у Барри Ротмана.

- Согласно книге Гутьерреса, 6 августа Джун и Дэвид Шварц сообщили властям, что Эван задолжал почти 69 тысяч долларов алиментов на Джордана. Таким образом, выходит, что беседа с сотрудниками Департамента по делам детей и семьи не была связана с заявлением Эвана.

- Рэй Чандлер в книге откровенно говорит, что документы так и не дошли до суда, потому что Эван не хотел идти законным путём, а захотел использовать документ, чтобы отделить Джун от Майкла.

- Восьмого июля Дэвид Шварц имел с Эваном разговор по телефону, во время которого последний угрожал убить всю семью, включая детей. Эта агрессия так напугала Дэвида, что тот записал на диктофон три разговора с Эваном, которые стали доказательством вымогательства Чандлера. Ненавистники певца отрицают ценность этой записи, ссылаясь на новостные программы, в которых говорилось, что запись была специально отредактирована, чтобы создать впечатление вымогательства, а также на то, что Эван на записи не упоми-

нает денег. Действительно, отец мальчика на записи не говорит о них, но говорит о получении выгоды из ситуации.

Из записей Шварца мы узнаём следующее:

- Эван говорил: «Если дело получится, я выиграю по крупному. Я не могу проиграть. Я изучил это вдоль и поперёк <...> Я получу всё, что захочу, а их отношения будут навсегда разрушены. Они будут разрушены! Джун потеряет Джорди. У неё уже никогда не будет права его увидеть» [15, 2];

- Эван долго выбирал подходящего юриста, а не случайно встретил Ротмана: «Адвокат, которого я нашёл... я говорил с несколькими, и выбрал самого злобного <нецензурное выражение> <...> какого только смог найти; и всё, что он хочет сделать, это выйти на публику как можно скорее, как можно громче... и унижить так много людей, как только сможет, и у него ужасный <помехи, неразборчиво> ... он стоит мне кучи денег» [15, 1];

- из разговора выходит, что Эван действительно был настроен против Майкла и стремился уничтожить его: «Карьера Майкла Джексона, Дэйв. Он будет унижен просто невероятно. Ты не поверишь. Он сам не поверит в то, что с ним произойдёт. Хуже его самых ужасных кошмаров» [15, 5]. При этом Эван, обосновывая свои претензии, говорит не об опасной для ребёнка ситуации, а о злости на Майкла из-за разрушения семьи (которой и так уже не было, так как он раз-

вёлся с Джун в 1985 году. — *Прим. авт.*): «Так почему ты думаешь, что он нехороший?» — «Почему? Потому что он разрушил семью, вот почему» [15, 3];

- Эван говорил о свидетельствах против Джексона, которых почему-то за все годы расследования никто так и не увидел: «У меня есть свидетельства <...> придёшь в суд и увидишь это на огромном <нецензурное слово> экране...» Очевидно, это были либо какие-то воображаемые доказательства, либо материальные, но фейковые (учитывая связь Эвана с Виктором Гутьерресом, разумно предположить, что «свидетельства» были от него) [15, 3];

- Эван был раздражён тем фактом, что троица (Джун, Джорди и Майкл) с ним не разговаривает: «Нет причины, по которой им надо было отгородиться от меня, если они... если только им не нужно было быть от меня подальше, чтобы они могли делать определённые вещи, которые, я думаю, плохо делать» [15, 4];

«... Когда тебе говорят, что не хотят с тобой говорить... ты должен поговорить с ними... ты должен привлечь их внимание. Это вопрос жизни и смерти. Так я на это смотрю. Я должен с ними говорить» [15, 1];

- он не понимал, почему конкретно Майкл перестал с ним общаться: «У меня было хорошее общение с Майклом. Мы были друзьями, знаешь ли. Он мне нравился <...> Я уважал его за то, кто он есть. Не было никакой причины, почему он должен был перестать мне звонить. Он мог бы мне по-

звонить» [15, 4]. Странно, что Эван не видел причины: любой бы перестал жаждать общения с человеком, который не проявил даже минимальной тактичности и воспитания и за короткое время 1) попросил Майкла оплатить неожиданно возникшую фантазию по постройке крыла дома; 2) спросил, опираясь снова же на фантазии, занимается ли тот сексом с его сыном; 3) задал вопрос, который его, мягко говоря, совершенно не касался: поинтересовался, не гомосексуалист ли Джексон;

- Эван говорил о плане, в котором замешаны другие люди: «Есть и другие вовлечённые в это дело люди, которые ждут моего звонка. Они выполняют свою работу: я заплатил им, чтобы сделать это. Мне надо просто идти вперёд и придерживаться графика» [15, 5];

- Эван говорил Шварцу, что готов разрушить собственную жизнь ради сына, но при этом отметил, что для него не важно, как то, что он собирается предпринять, отразится на Джорди: «Для меня это не имеет значения» [15, 2];

- он признался, что не знает, растлевают Майкл его сына или нет: «То есть, ты думаешь, он занимается с ним сексом (в оригинале более грубое выражение. — Прим. авт.)?» — «Не знаю. Понятия не имею» [15, 3].

На следующий день Дэвид и Джун в присутствии детектива Пелликано и адвоката Филдса прослушивали кассету с записью разговора. Детектив сразу понял, что отец мальчика

хочет денег. Чандлеры в книге пытаются всех убедить, что это не так. По их мнению, из записи ясно, что Эван страдает и его цель не получение денег, а возвращение сына. Прослушав запись, они, однако, решили пойти на поводу у Эвана — оставить ему Джорди на неделю — и договорились об этом с адвокатом Чандлера.

В шесть часов вечера того же дня в квартире Майкла в Сенчури-Сити детектив Энтони Пелликано беседовал с Джорди. Чандлеры в книге утверждают, якобы Джорди рассказывал потом отцу, что Майкл готовил его к вопросам, пока Джун ехала к ним с детективом; певец якобы так старался, что напугал и взволновал Джорди. Однако доподлинно известно, что на все вопросы о возможном неподобающем поведении Джексона Джорди ответил отрицательно. Свидетельства детектива Пелликано о поведении мальчика во время беседы можно найти в статье Морин Орт: «Я смотрю ему прямо в глаза в поисках признаков страха или сомнения и ничего такого не вижу». Джорди нельзя было назвать напуганным ребёнком. Более того, мальчик несколько раз повторял одну фразу: «Он (отец. — *Прим. авт.*) просто хочет денег» [16].

Одиннадцатого июля Джорди был привезён к Эвану. По словам семьи Чандлеров, между отцом и сыном состоялся разговор, в ходе которого Эван настаивал на откровенности и утверждал, что прослушивал телефон Джорди и устанавливал устройства для записи в его спальне в доме матери.

Он давал понять, что осведомлён о происходившем между Джорди и Майклом, и требовал не скрывать правду. Несмотря на это давление, мальчик ничего не ответил, и Эван вновь решил, что его подозрения могли быть беспочвенными.

Двенадцатого июля Эван получил временную опеку над Джорди с условием вернуть сына матери через неделю. В документе были обозначены запрет на общение с Джексоном и запрет на вывоз сына за пределы Лос-Анджелеса без согласия отца. Также в этот день Барри Ротман был официально нанят Чандлером для дела против Майкла Джексона.

Чандлеры указывают, что 14 июля Эван и адвокат Барри Ротман решили показать Джорди психиатру, чтобы понять, что происходит между ним и Майклом. Однако для Эвана проблема личной встречи заключалась в том, что психиатр обязан докладывать обо всех предполагаемых случаях растления властям, а этого бы горе-отцу не хотелось, поскольку никто не мог подтвердить нужного ему факта, даже сам мальчик. Поэтому Эван связался с профессиональным психиатром Маннсом Абрамсом и рассказал ему историю о предполагаемом инциденте растления подростка. В ответ доктор написал двухстраничное письмо. Эван использовал эту бумагу в переговорах как инструмент торга, хотя знал её цену — она была написана без какого-либо контакта с самим «педофилом» и его «жертвой».

В своей книге Чандлер трактует письмо Абрамса. Из трактовки выходит, что мальчик находится в острой психоло-

гической опасности, а поведение тридцатилетнего мужчины с юридической стороны расценивается как непристойное по отношению к детям. В самом письме, текст которого приводится в книге, психиатр написал следующее: **«Существует разумное подозрение, что сексуальное домогательство (растление) могло иметь место <...> ребёнок, по видимости, находится в группе риска независимо от того, продолжатся ли его отношения со взрослым мужчиной или прекратятся»** [4, 94]. Из этой формулировки следует не столько вывод об остром психологическом состоянии мальчика, сколько оценка его общей эмоциональной уязвимости, внушаемости и зависимости от взрослых. Абрамс, по-видимому, видел проблему шире самих отношений с Джексоном: его беспокоило то, что ребёнок демонстрировал нездоровую привязанность к мужчине, которая могла сделать его уязвимым и в дальнейшем. В письме психиатр не говорит о психической травме мальчика, а перечисляет факты, сообщённые ему Эваном Чандлером, и даёт профессиональную оценку.

Рэй Чандлер рассказывает, что после посещения психиатра Эван почувствовал странное умиротворение, вызванное словами Абрамса о потере сына. Сравнив свои чувства со смирением, связанным с уходом родственника в мир иной, Эван понял, что, отдав Джорди матери, сможет зажить нормальной жизнью.

Отец решил проверить зубы своего сына, прежде чем тот

покинет его (уедет к матери, а затем в турне с Майклом). Во время процедуры 16 июля (события этого дня окутаны тайной) предположительно Джорди сказал то, что хотел услышать отец. Как говорится в книге, Эван сделал рентген и увидел, что кариозных дырок у Джорди нет, но надо вырвать молочный зуб. Джордан боялся процедуры и поэтому попросил его усыпить. Якобы через некоторое время после удаления зуба Джорди разговаривал с отцом. Чандлер и Гутьеррес приводят этот разговор в схожих вариантах.

Эван добивался от сына признания, заявив, что уже знает о сексуальной стороне его отношений с Майклом, и предупредил, что ложь может навредить певцу, тогда как правда — спасти. После Эван спросил сына, дотрагивался ли певец до того места, о котором обычно не говорят вслух, после чего тот якобы тихо ответил: «Да».

Итак, если мы принимаем за правду версию, рассказанную братьями Чандлерами, то в правдивость признания Джорди мало верится. Хотя в книге и нет упоминания о препарате для анестезии, однако слишком настойчивое желание Эвана выудить у сына признание о домогательствах кажется подозрительным.

Эван позвонил Ротману и рассказал, что не собирается возвращать сына Джун, так как открылись новые обстоятельства.

Исследователи спорят касательно версии, рассказанной Чандлером в книге, так как есть некие факты и много со-

мнительных утверждений, которые мешают принимать её за чистую монету. Разберём историю детально.

Благодаря иску, предъявленному Джексону Барри Ротманом, мы знаем, что содержалось в контракте от 12 июля, подписанном Эваном и адвокатом: «В июле 1993 г. Ротман был нанят мистером Ч. и его несовершеннолетним сыном, чтобы искать в суде возмещения за заявленные правонарушения, совершённые популярным певцом Майклом Джексонном в отношении мальчика. Ротман связался с Джексонном и начал переговоры от имени семьи Ч., но не подал гражданского иска сразу, поскольку семья мальчика желала оставить дело конфиденциальным» [17]. Здесь возникает вопрос: что мешало Эвану оплатить услуги адвоката раньше? Возможно, для подписания стороны хотели получить формальное признание Джордана (как раз за день до подписания договора Джордан переехал к отцу, и они якобы имели разговор, где Эван донимал сына расспросами).

Чандлер намеренно забыл в обвинениях против Джексона упомянуть о роли Виктора Гутьерреса, который, безусловно, к 16 июля уже связался с Эваном и поделился своими грязными фантазиями. Приведём несколько фактов:

- Эван: «Я знаю про поцелуи и дрочку, так что вряд ли ты скажешь мне что-то, чего я не знаю» [4, 91]. // Виктор: «Я знаю про поцелуи, мастурбацию и оральный секс, так что ты не можешь рассказать мне то, чего я ещё не знаю» [6, 102].
- В конце книги Рэй Чандлер пишет, как Эван заставил

Джорди согласиться: он называл имена других детей, которых мальчик сможет защитить своим признанием, что сделает его героем. Скорее всего, это те же имена, которые Джордан назвал в беседе с психиатром Гарднером: Уэйд Робсон, Бретт Барнс, Маколей Калкин и Джеймс Сейфчак, Джонатан Спенс. Якобы Майкл делал с ними то же самое, что и с ним. С первыми тремя Джорди был знаком, а вот с последними двумя он не встречался. Откуда же мальчик мог узнать о них? Джордан говорил Гарднеру, будто это сам Майкл рассказывал ему о действиях интимного характера, которые его юные друзья совершали в его присутствии. Если певец — преступник, не слишком ли ему рискованно было рассказывать об этом? Напрашивается мысль, что были названы имена, встречавшиеся в книге Гутьерреса.

- Есть вопросы, связанные с согласием на анестезию, которое выложено в книге Гутьерреса. Непонятно, как эта бумага оказалась у Гутьерреса. Если документ являлся обычным согласием на медицинские процедуры, то он должен был остаться в кабинете анестезиолога и Гутьеррес мог либо получить его от Эвана, либо вынести самовольно.

- В документе указана внутривенная анестезия, но нет вещества, которое вводилось. «Согласие» выглядит халтурно.

- Есть много нестыковок в показаниях разных людей: Чандлер не указывает способа введения анестезии, Гутьеррес говорит о газе (при этом на той же странице на скрине написано «внутривенная анестезия»), Тараборелли пишет о

внутривенной анестезии. Также Тараборелли почему-то отмечает, что Джорди побывал во врачебном кабинете 2 августа, а не 16 июля.

Особая путаница возникла после вышедшей в октябре 1994 года статьи Мэри Фишер «Был ли Майкл Джексон подставлен?» В ней говорилось, что репортёр канала «Кейси-би-эс-ти -ви» (*KCBS-TV*) (источник информации указан весьма приблизительно) сообщил, что Эван Чандлер ввёл сыну амитал натрия и именно после этого Джорди сознался. В свою очередь, Рэй Чандлер опубликовал опровержение, в котором говорилось о том, что амитал натрия можно вводить только со специальным разрешением и что, используя наркотический препарат, Торбинер (анестезиолог) и Эван рисковали лишиться лицензии. Дайана Даймонд в своей книге «Будь осторожен с тем, кого любишь» (*Be careful who you love*) пишет, что в записях Торбинера была комбинация робинула и вистарила (лекарство от астмы). Таким образом, сведения о препарате весьма расплывчаты и противоречивы.

Планировалось, что 20 июля Джун подпишет новое соглашение об опеке над Джорди, как этого хотел Эван. Джун пообещала Ротману подписать документ, если увидит в письме Абрамса слова, относящиеся Джорди к группе риска. Когда мама мальчика и Дэйв Шварц приехали и увидели «опасные» слова, то забрали письмо с собой, чтобы показать Пеллика-но. Эван был зол на Ротмана из-за того, что тот позволил

унести письмо: он не мог допустить, чтобы Джун встретилась с Абрамсом и рассказала свою версию. Чандлеры признают, что Эван больше всего боялся огласки (Абрамс мог в любой момент написать заявление властям, если появятся предположительные доказательства, подтверждающие факт растления), но был готов привести Джорди к психиатру в качестве самого сильного аргумента, в случае если Джун убедит того же психиатра в невиновности Майкла. Месяц спустя, как только возникла угроза возврата сына матери, он всё-таки привёл Джорди к Абрамсу.

Двадцать седьмого июля Барри Ротман пишет Эвану письмо, в котором содержатся указания, как сообщить о растлении ребёнка таким образом, чтобы родители не несли ответственности.

Первого августа Эван заставил сына позвонить Майклу и пригласить его на встречу. Майкл сначала отказался, но когда трубку взял Эван, певец согласился при условии, что будут присутствовать его адвокат Филдс и следователь Пелликано. Эван настаивал на том, что Джексону на встрече не нужен адвокат, так как он собирался говорить о вещах, которых не должны слышать другие люди. Также он сказал, что не хочет, чтобы у Майкла были проблемы.

Четвёртого августа Эван с сыном, Майкл и Пелликано встретились в отеле «Уэствуд Маркиз» (*Westwood Marquis*). Эван обнял поп-звезду, как только они вошли (со слов автора книги Рэймонда Чандлера); затем Эван сказал, что зна-

ет об интимных отношениях Майкла и Джорди, и попросил сына подтвердить — тот якобы уверенно кивнул. Пелликано описал это событие иначе: «Джорди смотрел в пол, а потом вскинул голову и посмотрел на Майкла с выражением „Я этого не говорил“. Такой у него был взгляд» [16]. Джексон сказал, что он ничего подобного не делал, и это по непонятной причине окончательно убедило Эвана в том, что Майкл — растлитель малолетних. Эван принялся читать текст письма Абрамса, чтобы придать вес своим словам, а затем выразил желание, чтобы Джексон прошёл детектор лжи, — детектив сказал, что его клиент не будет этого делать. Встреча завершилась криками Эвана, который, тыча в Майкла пальцем, грозился его уничтожить. Сильно напуган был не только певец, но и Джорди, который имел очень потерянный вид, так как явно не ожидал такого развития событий. После начались длинные переговоры Ротмана и Пелликано о выплате, которой требовал Чандлер за то, чтобы не доводить дела до расследования. Речь шла об оплате киносценария, который мог помочь наладить отношения между отцом и сыном на почве общей работы. Обвинитель требовал 20 миллионов долларов. Пелликано с целью снова сделать запись разговора, теперь с упоминанием о деньгах, начал торговаться. Со слов обвинителей, он сначала называл сумму 1 миллион; Эван отказался. Затем неожиданно Пелликано предложил выплату ещё меньше — 350 тысяч за один киносценарий (эти деньги должны были сблизить отца и сына, и не исклю-

чено, что Майкл действительно чувствовал вину, что разлучил их). Как и ожидал детектив, Чандлеры снова отказались, но к ним пришло понимание, что шанс ухватить большой куш из кармана певца минимален: они согласились на предыдущее предложение, но им пришёл отказ со стороны артиста. Секретарша адвоката Барри Ротмана Джеральдина Хьюз была свидетелем того, в какой ярости был детектив, выходя из офиса. Он кричал: «Это вымогательство!» [19]. Тринадцатого августа Пелликано, выходя от Ротмана, выкрикнул: «Никогда!» (очевидно, давая окончательный ответ на попытку Чандлера получить хотя бы 1 миллион). Таким образом, Майкл Джексон отказался выплачивать деньги, которые стали бы называться «деньгами за молчание». В книге Рэй Чандлер, конечно, делает акцент, что сторона Джексона тоже торговалась: «Никаких угроз, требований. Только переговоры» [4, 136], — пишет он. Он говорит о том, что Пелликано вёл двойную игру, когда «из кожи вон лез, чтобы заставить Эвана согласиться». Однако факт, что детектив опустил цену вместо того, чтобы поднять её, и факт, что в итоге Джексон вообще отказался платить, только подтверждают, что разговор о деньгах он вёл только для того, чтобы сделать запись, подтверждающую мотив обвинителей. Ему это удалось.

Есть несколько интересных мыслей, написанных Рэем Чандлером в книге:

- он называет ответственным за «уничтожение» Джексона

именно Энтони Пелликано, а не своего брата;

- он считает, что если бы они тогда договорились, то «Майкл последующие десять лет мог бы быть самым известным артистом эстрады, а не детским растлителем» [4, 128];
- он пишет, что Эван и Барри признались в полиции, что хотели получить от Джексона 20 миллионов долларов, «но не с целью вымогательства, <...> а в попытке урегулировать гражданские иски Джорджи к Майклу во внесудебном порядке» (что, по сути, то же вымогательство. — *Прим. авт.*) [4, 128].

Истинный растлитель малолетних, совершивший всё то, в чём пытаются обвинить Майкла Джексона и сейчас, вряд ли отказался бы выплатить 1 миллион за молчание жертвы. Сейчас многие упускают этот момент, не понимая, что певец поступил как невиновный человек. Джексон был готов дойти до конца, чтобы доказать свою невиновность.

Неожиданное событие для Эвана Чандлера случилось 16 августа: его бывшая супруга подала заявление на «Экс Парте» (*Ex Parte*)¹³, чтобы получить обратно опеку над Джорди. Адвокат Джун позвонил в офис Ротмана и сообщил, что на следующий день Эван Чандлер обязан явиться на слушание. Барри Ротман не был сведущим в юридических вопросах по

¹³ *Ex Parte* — заседание, проводимое без участия другой стороны, обычно в экстренных случаях. Постановление временное и может быть оспорено, прежде чем стать постоянным.

опеке, поэтому подал только декларацию от имени Чандлера.

Важно отметить, что в этой декларации не было указано ничего о сексуальных домогательствах Майкла Джексона к Джордану Чандлеру и вообще ничего такого, что могло бы заставить суд оставить Джорди на попечении у отца. Именно поэтому на следующий день суд обнулил договор, подписанный Джун 12 июля, и постановил немедленно вернуть сына матери.

Эван в тот же день повёл сына к психиатру — к доктору Абрамсу. У него не осталось выбора. Доложить о признании Джордана властям было единственным способом удержать сына при себе и получить свою выгоду.

Под давлением Эвана Джорди рассказал историю растления, в результате которой Абрамс подал рапорт в Департамент по делам детей и семьи. Было начато уголовное расследование против Майкла Джексона, которым занимались сразу два департамента полиции — Лос-Анджелеса и Санта-Барбары, а также Департамент по делам детей (*DCFS*); также было привлечено ФБР.

Были выданы ордера на обыск в Неверленде, в кондоминиуме Сенчури-Сити и в номерах в отеле «Мираж», где Майкл жил с Чандлерами. Обыски состоялись 21, 22 и 30 августа. Двадцать седьмого числа в прессе появились сообщения, что «предметы, изъятые из дома Майкла Джексона, не инкриминируют певца и что не хватает физических доказательств

растления...»¹⁴

Адвокаты Майкла подали встречный иск на Ротмана и Чандлера, обвинив их в вымогательстве. Джеральдина Хьюз видела, что иск заставил этих двух людей серьёзно нервничать: они долго обговаривали, что говорить следователям, как им преподать свою версию произошедшего. В своей книге «Искушение» она указывает, что 26 августа Эван и Джордан весь день просидели в офисе адвоката. В один момент она якобы даже услышала возглас старшего Чандлера: «Моя задница на кону, я могу попасть в тюрьму!» [19]. Но следствие было проведено явно недобросовестно: не было никаких обысков ни в офисе адвоката, ни в домах у Ротмана и у Чандлера, при этом расследование дела против Джексона шло полным ходом.

Тридцатого августа на место адвоката Ротмана пришла Глория Оллред, которая была готова бороться за справедливость, поскольку действительно была уверена, что произошло растление мальчика. Второго сентября она дала пресс-конференцию, где заявила следующее: «Мой клиент хочет <...> чтобы правда вышла наружу. Он готов свидетельствовать, он хочет и может свидетельствовать» [21]. Вскоре Оллред была уволена.

Чандлеры объяснили это тем, что им не понравилась стратегия нового адвоката, которая заключалась в давлении на

¹⁴ Однако на суде 2005 года неожиданно появились некоторые книги, изъятые якобы при обыске в 1993-м, которые были рассмотрены в качестве улик.

прокуроров при помощи общественного мнения с целью получить обвинительное заключение Большого жюри. Как позже оказалось, Чандлеры как раз больше всего и опасались, что Джексону выдвинут обвинения, поэтому предпочли двигаться в сторону быстрого урегулирования: новым адвокатом семьи стал Ларри Фельдман, который сразу приступил к задуманному.

После того как об обвинении стало известно, в прессе и на телевидении появились скабрёзные рассказы служащих Неверленда, и Майкл Джексон узнал, какие «честные и порядочные» люди его окружали. Например, супруги Квиндой, Марк и Офелия, работавшие на ранчо с 1989 по 1990 год в качестве мажордома и личного повара Майкла соответственно, 14 сентября в Маниле (Филиппины) провели пресс-конференцию, на которой Марк сообщил о неподобающем поведении певца с детьми. При этом супруги год назад уже выступали на телевидении на шоу «Хард Копи» (*Hard Copy*) Дага Брукнера и на шоу Херальдо Риверы «Сёрванц ту зе Старс» (*Servants to the Stars*), где рассказывали о том, какой Майкл застенчивый и как он отлично ладит с детьми. Теперь же их рассказ радикально изменился: Марк достал дневник, в который он якобы записывал все события на ранчо, и отметил, что в этой книжке описаны два случая сомнительного поведения мистера Джексона. История первая: в августе 1989 года певец предупредил супругов, что собирается принять джакузи (располагалось рядом с бассейном на ули-

це) с Джеймсом Сейфчаком. Марк Квиндой пошёл в здание игровых автоматов («Аркада»), которое находилось напротив джакузи, в нескольких метрах от него, чтобы проверить окна, и вдруг увидел, как Майкл запускает руку в трусы мальчика. История вторая: в феврале 1990 года Марк повёз Майкла и Уэйда Робсона в город Солванг в игрушечные магазины «Сёркит Сити» (*Circuit City*) и «К-В игрушки» (*K-B toys Store*). В зеркало заднего вида он наблюдал поведение Джексона по отношению к ребёнку, которое расценил как приставания сексуального характера. Квиндой, конечно же, привлекли внимание полиции, и поэтому два детектива прибыли в Манилу, чтобы допросить говорливых супругов. Однако на допрос перед Большим жури они даже не были вызваны¹⁵. Когда Квиндой с супругой появился в программе «Карент Афэр» (*Current Affair*), где повторял свои душевраздирающие истории, зрители передачи недоумевали, почему эти люди молчали и продолжали работать на растлителя малолетних. Ещё более этот факт смущает, когда знаешь, что Марк Квиндой по образованию юрист, поэтому, увидев такие действия со стороны артиста, в первую очередь должен был сообщить властям. Конечно, можно подумать, что

¹⁵ Свидетельства о сроке службы Квиндоев на ранчо сильно разнятся: на шоу в 1992 году Марк говорил о шести месяцах работы у Джексона; в ходатайстве обвинения даты работы определены с 5 мая 1989 года по 30 августа 1990 года; в книге Даймонд сроки ещё увеличены — с 1987 по 1991 год. Полагаем, это связано с тем, что не все истории супругов умещались в реальный срок работы у Майкла.

дело в деньгах: ведь зарплата сотрудников была очень приличной, но супругов никто не заставлял восхвалять Джексона как друга детей, что они дважды сделали на телевидении в 1992 году. Это говорит о жадности супругов: они готовы были рассказать что угодно, чтобы получить деньги. Когда их уволили, они подали иск на Майкла Джексона за сверхурочную работу на 283 тысячи долларов. В 1993 году, после того как Квиндои поняли, каким образом можно хорошо заработать, Марк захотел продать свой дневник за 15 миллионов фунтов стерлингов, преобразовав его в книгу «Зло в Неверленде». Как указывает Ян Гальперин, там также была информация о том, якобы Майклу Джексону в Лондоне хирургически удалили пятна витилиго на пенисе. В передаче «Фронтлайн» (*Frontline*) молодая тогда ещё журналистка, сделавшая себе карьеру на продвижении ложных обвинений в сторону Майкла Джексона, Дайана Даймонд сообщила, что изначально Квиндои требовали от источников СМИ 900 тысяч долларов, потом цена снизилась до 500 тысяч, затем до 250 тысяч. В результате рассказчики ничего дополнительно не получили (две таблоидные газеты, к которым обратились супруги, «САН» (*SAÑ*) и «Ньюс оф зе Ворлд» (*News of the World*), принадлежали одному человеку — Руперту Мёрдоку и, таким образом, были в одном объединении. Издание «Ньюс оф зе Ворлд», которое согласилось издать исправленную историю Квиндоев, отказалось выплачивать им сумму, сославшись на уже оформленный приблизительно в 1991 го-

ду, когда супруги ещё не говорили ничего плохого про Майкла, контракт стоимостью 25 тысяч с «САН»).

Другая супружеская пара, тоже решившая заработать, — Стелла и Филипп Лемарки — работала около года на ранчо на тех же должностях и, скорее всего, пришла на смену Квиндоям. Чтобы понять, что собой представляют Лемарки, надо знать следующее: так же, как и Квиндои, после увольнения они подали иск на Джексона, чтобы получить деньги за сверхурочные часы (деньги были нужны им на покрытие долгов на 455 тысяч долларов в ресторанном заведении, которое они открыли). Ещё в 1991 году Лемарки пытались продать в «Нэшнл Энквайр» историю про растление Майклом Маколей Калкина, но у них не получилось. В 1993 году, после скандала, Филипп обратился к таблоидному брокеру и бывшей порнозвезде Полу Баррези и за 100 тысяч долларов предложил ему напечатать историю о том, как Джексон дотрагивался до интимных частей мальчика через шорты. Постепенно цена увеличивалась и история изменялась: за новую версию, где рука певца была уже в шортах мальчика, Лемарки требовали 500 тысяч долларов. Ребёнком оказался Маколей Калкин, который на суде 2005 года яро отрицал обвинения. Баррези собирался совершить сделку с Лемарками (уже имел договорённость с «Нэшнл Энквайр»), но бывшие служащие наняли адвоката, который пообещал им лучшую в финансовом плане сделку. В итоге Баррези решил отомстить: он взял у Лемарков целое интервью и отнёс его в

таблоиды и в полицию, не заплатив рассказчикам ни цента. Также, согласно автору Рэймонду Стрейтону, поделился записью с Пелликано, заметив, что несоответствия в истории служащих только помогут оправдать Джексона.

Группа охранников поместья «Энсино» (Лерой Томас, Моррис Уильямс, Дональд Старкс, Фред Хэммонд и Аарон Уайт), которая вошла в историю как «Хейвенхёрст-5», подала иск на Майкла за незаконное увольнение. Эти люди работали не на певца, а на его родителей и судились с Джозефом и Кэтрин, но проиграли. Однако после появления обвинений Чандлера они вдохновились и решили подать повторный иск уже на Майкла, объяснив это тем, что их уволили из-за того, что «они слишком много знали».

Двадцать третьего ноября на телевидении появились два охранника из этой группы — Лерой Томас и Моррис Уильямс. Они говорили намёками, ничего конкретно не обозначая. Например, рассказали историю о том, как часто Майкл по секрету от своих родителей навещал поместье в Энсино вместе со своими маленькими друзьями: охранники указали, что Майкл звонил им и узнавал, дома ли родители. Если те были дома, то он туда не приезжал, а просил охранников подержать мальчиков у себя в караульном помещении до момента, когда родители уедут или пойдут спать, и тогда он зайдёт за ними. Эти заявления сомнительны: мать артиста указывала, что Шон Леннон (один из названных охранниками мальчиков) часто посещал с Майклом их дом. Отца же

Джексон действительно мог избегать ввиду сложных отношений (это подтверждает в своей книге Рэнди Тараборелли).

Одна выдумка, рассказанная Лероем Томасом, быстро распространилась в СМИ и до сих пор будоражит умы ненавистников Джексона, хотя сама по себе кажется абсурдной. Охранник 1 октября на допросе в полиции рассказывал, что как-то ночью ему позвонил Майкл Джексон и попросил его уничтожить в ванной комнате поляроидную фотографию голого мальчика-блондина; затем в Энсино при обыске 8 ноября якобы была обнаружена фотография, которая соответствовала описанию охранника. Здесь есть несколько странностей: во-первых, новости об изъятой фотографии мальчика «просочились» в прессу практически одновременно с сообщениями о том, что ещё в конце октября адвокат певца Берт Филдс написал письмо в лос-анджелесское отделение полиции с жалобой на следователей: «Мне сообщили, что ваши офицеры рассказали испуганным подросткам возмутительную ложь, такую как: „У нас есть ваши фотографии, где вы в голом виде“, чтобы подтолкнуть их к обвинениям против мистера Джексона. Конечно, таких фотографий этих молодых людей нет <...> Но ваши офицеры, похоже, готовы использовать любое средство, чтобы собрать потенциальные улики против мистера Джексона» [26]. Во-вторых, новости о фотографии появились только через девять дней после обыска, хотя обычно такие вести разлетаются мгновенно. И в-третьих, самый главный вопрос: как полиции удалось об-

наружить уничтоженное фото? Позже Лерой Томас решился пройти детектор лжи на шоу Мори Повича и провалил его. Яркое продолжение эта история с фотокарточкой получила во время последующих обвинений.

Стоит ли верить рассказам охранников? Они признались, что ничего подозрительного не видели. За участие в программе «Хард Копи» им заплатили 150 тысяч долларов. В суде, который шёл три с половиной года, они проиграли и не получили ни копейки.

Также важно, что Старкс в 2016 году на допросе по делам Робсона и Сейфчака описал Джексона как достойного человека, а значит, он не видел у него извращённых наклонностей.

Ещё одним человеком, решившимся рассказать свои истории прессе, была горничная Бланка Франсия. Она работала на ранчо с 1988 по 1991 год (на Джексона — с 1986). Девятого декабря Бланка была гостем программы Дайаны Даймонд «Хард Копи», за участие в которой ей было заплачено 20 тысяч долларов. После этой передачи в СМИ появились статьи, в которых утверждалось, что «горничная ушла из-за чувства омерзения». В сентябре 1993 года Бланка была опрошена полицией, в декабре и в январе её допрашивал Ларри Фельдман по гражданскому делу. Широкой публике не было сообщено, что именно Франсия сказала в полиции, но пресса, недолго думая, решила выдать ту версию, что Франсия дала в передаче: однажды она слышала шум

воды в душе, вошла и увидела хихикающих Майкла Джексона и мальчика. Теперь достоверно известно, что позже, в декабре 1993 года, Бланка не сказала ничего компрометирующего в отношении певца. В январе 1994 года она сообщила Фельдману, что присутствие в душевой кабинке мальчика было её предположением. Стекло было запотевшим, она не видела и не слышала мальчика, а видела и слышала только Майкла. Предположение якобы было вызвано тем, что рядом с душем лежало детское нижнее бельё (допрос по делу Робсона в 2016 году).

В интервью на телевидении Бланка пошла даже на то, что не только рассказала различные истории, которые зачем-то хранила два года, но и заявила о подозрениях, что певец домогался её сына. Встаёт вопрос: почему же женщина не обратилась в полицию, а спокойно продолжала работать на растлителя?

Первого сентября 1993 года Джордан был допрошен в офисе зампрокурора Лос-Анджелеса Лорен Вейс. В ходатайстве прокурора «О допуске доказательств...» указано, что мальчик дал показания и детальное описание тела певца.

Четырнадцатого сентября Ларри Фельдман от имени Чандлеров подал гражданский иск против Майкла Джексона, обвиняя его в сексуальном насилии — соведении Джордана Чандлера.

Шестого октября Джордан беседовал с психиатром Ричардом Гарднером, который являлся специалистом по ложным

обвинениям. К нему мальчика отправил Ларри Фельдман, чтобы тот отрепетировал свою речь перед показаниями в полиции. Именно благодаря записи этой беседы, любезно выложенной Рэем Чандлером, мы смогли сравнить, что говорили о пребывании в Лас-Вегасе Джун и Джорди, узнать, что Джорди без запинки называет имена незнакомых ему мальчиков, с которыми Майкл якобы делал то же самое, что и с ним. Кроме этого, есть и другие моменты, которые явно свидетельствуют о неприкрытой лжи в рассказе мальчика:

Джорди утверждает, что растление произошло во Флориде (22 апреля) и в Монако (9—12 мая), что по датам противоречит им же изложенной хронологии развития событий. Мальчик делит отношения с Джексонсом на несколько стадий:

- первая стадия, с мая 1992 по январь 1993 года, — телефонные разговоры;
- вторая стадия, с конца января до конца февраля, — живое общение с Майклом без сексуального контекста;
- третья стадия, с конца февраля до середины мая, — невинных ночёвок у Майкла, начало которым положил визит в Лас-Вегас;
- четвёртая стадия, с начала (середины) мая до конца июня, — первое объятие Майкла (Джордан указывает, что это было после Лас-Вегаса) и более серьёзные интимные отношения, начало которым было положено во Флориде.

Третья стадия развития отношений с Майклом, если опираться на рассказы Джорди, заняла три с половиной месяца. При этом в действительности данные события могут быть отнесены только к промежутку меньше месяца — с 28 марта (отъезд в Лас-Вегас) по 22 апреля (отъезд во Флориду) — 21 день. Самих ночей с Джексоном мальчик также «припоминает» невероятно много: несколько на ранчо, в Сенчури-Сити, и в доме мамы около 15. Следует учесть, что в этот период Майкл уезжал на восточное побережье в деловую поездку с 10 по 18 апреля и, соответственно, не мог проводить время с Джорди в Лос-Анджелесе. Эту информацию мы находим в книгах Чандлера и Тараборелли («Майкл Джексон. Волшебство и безумие»). Поэтому из 21 дня нужно вычесть 9, получится 12. К тому же Джун отмечала на суде, что её сын не пропускал школы; таким образом, на встречи с Майклом могло быть отведено ещё меньше времени, а значит, количество совместных ночей тоже нещадно тает.

Таким образом, растление во Флориде приходится на стадию невинных ночёвок, а визит в Монако (9 мая), где якобы произошли самые худшие вещи, приходится на самое начало интимной связи, что сложно представить, если учесть, что, по версии Джордана, развитие отношений происходило последовательно: это были вначале ночи с объятиями, затем к объятиям добавились поцелуи в щёки, потом в губы, постепенно они с Майклом дошли и до прочих непристойностей... Забавным представляется эпизод, в котором Майкл

умудрился поцеловать мальчика в губы, одновременно засунув язык ему в ухо!

Сейчас беседа Джордана с Гарднером неподготовленными и предубеждёнными людьми воспринимается как прямое доказательство вины Майкла Джексона, так как они считают, что ребёнок не мог так убедительно врать. Ненавистники певца помогают людям прийти к этому мнению, утверждая, что психиатр поверил мальчику; однако и это утверждение сомнительно.

Ричард Гарднер издал книгу «Правдивые и ложные обвинения в сексуальном насилии над детьми», в которых описал несколько своих постулатов. Вот некоторые из них:

- «Ребёнок, который имитирует сексуальное насилие, как правило, не испытывает страха перед предполагаемым преступником и обычно не испытывает напряжения в присутствии преступника. Если какое-либо напряжение и возникает, то оно связано со страхом, что преступник накажет ребёнка за ложное обвинение. Ребёнок, подвергшийся настоящему насилию, будет испытывать сильный страх перед преступником как в кабинете экзаменатора, так и за его пределами» [31, 137]. На вопрос Гарднера, боится ли Джорди Майкла, тот ответил, что ему нечего скрывать, и сказал, что единственное, чего он боится, это перекрёстного допроса;

- «Дети, которые действительно подверглись жестокому обращению, часто могут избегать общения с другими людьми <...> в школе и в других местах. В школе учителя

описывают их как людей, которые отдаляются от других и проявляют мало интереса к учёбе и даже общению со своими одноклассниками. <...> людей, которые ложно обвиняют, обычно не называют замкнутыми; они, как правило, общительны и прямолинейны. Дети, которые подверглись насилию, часто ведут себя обособленно, избегают встреч с одноклассниками» [31, 166]. Чандлер заявил психиатру, что он много времени общается с девочками и даже ухаживает за одной из них;

- «Дети, которые действительно подверглись жестокому обращению, с большей вероятностью смогут рассказать о конкретных деталях сексуального насилия, поскольку они могут сослаться на внутренний визуальный образ, связанный с опытом жестокого обращения <...> Это включает в себя подробную информацию о месте, где произошло жестокое обращение, часто примерное время дня (или ночи), присутствие (или отсутствие) других лиц, а также заявления, сделанные насильником, ребёнком и другими лицами, которые, возможно, присутствовали при этом. Когда ребёнка спрашивают о подробностях жестокого обращения, он способен предоставить эти подтверждающие подробности. Напротив, у детей, чьи обвинения являются ложными, гораздо меньше шансов создать такой внутренний визуальный образ, потому что у них не было реального опыта, который они могли бы осознать. Соответственно, когда их просят описать детали жестокого обращения, например что именно было ска-

зано, кто во что был одет и кто находился поблизости, им трудно предоставить подтверждающие подробности. Когда их просят сообщить эти подробности, они могут сказать: „Я забыл“, „Я не помню“ или „Спросите мою маму. Она помнит эти вещи лучше, чем я“. Последний ответ, конечно, „открывает все тайны“ и убедительно доказывает, что ребёнок был запрограммирован» [31, 142]. Трудно посчитать, сколько раз Джордан у Гарднера сказал: «Я не помню» или «Спросите маму»;

- «Дети, выдвигающие ложные обвинения, могут ссылаться на жестокое обращение в общих чертах и даже использовать терминологию взрослых, такую как „я подвергся сексуальному домогательству“ или „я подвергся сексуальному насилию“» [31, 143]. Фразы Джордана очень схожи со сложными фразами, которые произносил Эван в разговоре с Дэйвом Шварцем. Джордан: «Это был вроде как странный вид любви. Он (Майкл) любил меня эгоистично. Он продолжал несмотря на тот факт, что его действия могли причинить мне вред» [7, 37]. // Эван: «Проблема в том, что он (Майкл) к тому же причиняет ему вред, очень сильный вред, его побуждения эгоистичны. Он не такой альтруистичный и добрый, каким кажется <...> здесь эгоистичные мотивы» [15, 4].

Таким образом, видно, что речь мальчика была во многом отрепетирована. И это указывает на то, что Джорди лгал, когда сказал, что после признания никогда не обсуждал рас-

тления с отцом.

Исходя из вышеизложенного, маловероятно, что Ричард Гарднер поверил мальчику. Это также подтверждается тем фактом, что отчёта Гарднера никто не видел, а к делу был приложен отчёт другого специалиста — Стэнли Катца, который не общался с Джорди, а просто прослушал запись его разговора с Гарднером.

С октября полиция беседовала с теми (около ста человек), кто когда-либо, будучи в детском возрасте, находился в окружении Джексона. Одним из опрошенных был молодой человек по имени Кори Фельдман. Кори не сказал ничего компрометирующего о Майкле. В 2017 году Кори был гостем на шоу доктора Оза, где впервые были представлены широкой публике небольшие отрывки записи беседы Фельдмана с офицерами полиции.

Сержант Линден: Мы получили информацию, что Джон Гриссом был вашим ассистентом, и когда Майкл проявлял к вам много внимания, он злился и ревновал, потому что вы тусили с Майклом, а не с ним.

Кори Фельдман:.. Хм...

Сержант Линден: Я попала в больное место? (*Смех.*)

Кори Фельдман: Хм, во-первых, я знал Майкла задолго до того, как познакомился с Гриссомом. И Джон Гриссом был тем парнем, который растлевал меня.

Сержант Линден: М-м-м...

Кори Фельдман: Так, я не знаю, откуда вы взяли факты, но

я говорю, что всё перепутано и Джон Гриссом был тем парнем, который растлевал меня. И он, я уверен, был, вероятно, ревнив к тому факту, что я очень сильно уважал Майкла и много с ним общался. И фактически он мог думать что угодно насчёт Майкла. Я мог бы представить, как такой больной думает.

Сержант Линден: Сколько вам было лет, когда это случилось?

Кори Фельдман: Пятнадцать.

Сержант Линден: Вы знаете, вы не должны... Мы не спрашиваем вас об этом [32].

Из этого фрагмента видно, что сотрудники полиции не были заинтересованы в рассказе Кори о настоящем педофиле, их тогда интересовал только Майкл Джексон. Кори сказал о певце то, что считал нужным, несмотря на давление со стороны Линден. В программе у доктора Оза Корри повторил то, что он говорил следователям в 1993 году: «Я сказал им: „Он не тот парень“. Они ответили: „Возможно, ты просто не понимаешь своего друга“. Я снова сказал: „Нет, я знаю разницу между педофилами и теми, кто не педофилы, потому что был растлён. Вот имена. Расследуйте“» [32].

Хвала Кори Фельдману, что он тогда не сломался под напором полицейских, но есть другой пример, в котором опрашиваемый не выдержал подобного психологического давления: это был сын горничной Бланки Франсии Джейсон Франсия. Третьего ноября Джейсон не сказал ничего плохого об

артисте, несмотря на прессинг; тем не менее на втором допросе, в марте, состоявшемся уже после того как его мать получила 200 тысяч на шоу журналистки Дайаны Даймонд и после урегулирования дела Джексона и Чандлера, Джейсон поведал историю о том, якобы Майкл его щекотал, в том числе в интимных местах. Это было единственное, чего достигли следователи в результате своих агрессивных вопросов.

Согласно книге Гутьерреса, 22 октября по заявлению сержанта Деборы Линден был выдан ордер на досмотр, фотографирование и видеозапись тела Майкла Джексона. Если верить ходатайству прокурора Снеддона от 25 мая 2005 года, на допросе, состоявшемся 1 сентября 1993 года, мальчика в присутствии помощника окружного прокурора Лорен Вейс, детектива Ферруфино и судебного стенографиста «попросили нарисовать эрегированный пенис Майкла Джексона и обозначить на этом рисунке любые отметины, которые он помнит» [33]. Есть не только моральные причины сомневаться в том, что это было на самом деле: во всех источниках, в том числе в книге обвинителей, не было ни слова про рисунок (только про описание тела Джексона); о рисунке первый раз упомянула журналистка Морин Орт в своей статье «Джексон джайв» (*Jackson jive*) только в сентябре 1995 года! Странно, что рисунок, якобы созданный ещё в самом начале расследования, не был пущен в ход. Сомнений также добавляет тот факт, что в книге Гутьерреса мы находим якобы нарисованный Джорданом Чандлером рисунок, датированный

24 октября. Даты расходятся, и принять безоговорочно сведения о наличии рисунка очень сложно.

В прессе о предстоящем испытании для Джексона заговорили после 15 ноября. Когда адвокаты певца Берт Филдс и Говард Вейцман выступали на пресс-конференции, их спросили о втором ордере (на первый ордер Майкл не отреагировал) на досмотр тела певца. Они ничего не знали об этом, посмеялись и ответили, что это всё чепуха. Пока происходили эти события, Майкл, находившийся на гастролях за рубежом в туре «Опасный», прервал выступления, чтобы пройти лечение от лекарственной зависимости. В США медиа писали о том, что певец скрывается от полиции и не собирается возвращаться на родину. На фоне этого безумия его адвокат Берт Филдс заявил на той же конференции, что Джексон «не имеет намерения избегать возвращения в США», и отметил, что Майкл «едва способен функционировать на интеллектуальном уровне» [20, 12].

Двадцать третьего ноября Филдс на заседании заявил, что в Санта-Барбаре уже созвано Большое жюри для рассмотрения доказательств и что скоро будут предъявлены обвинения. Практически то же самое было сказано Филдсом на пресс-конференции. К сожалению, адвокат принял желаемое за действительное; эта информация была опровергнута Говардом Вейцманом.

Защита подала в суд просьбу о приостановлении гражданского дела и продвижении рассмотрения уголовного дела. У

них были убедительные доводы: поскольку в гражданском деле приняты менее строгие требования к доказательствам и допускаются слухи (что было удобно для Эвана), то проведение гражданского процесса перед уголовным может привести к нарушению прав обвиняемого. Ходатайство было подано Филдсом ещё 29 октября; тогда суд постановил, что решение будет принято 23 ноября и до этого времени слушаний по гражданскому делу проводиться не будет.

В назначенный день было удовлетворено другое ходатайство — адвоката Чандлеров Ларри Фельдмана о рассмотрении первым делом иска жертвы, а артисту было приказано дать показания в гражданском процессе до 31 января 1994 года. Лиза Кэмпбелл в своей книге объясняет причины рассмотрения сначала гражданского иска: «При назначении даты суда Ротман¹⁶ следовал правилу ускоренного судебного разбирательства Калифорнии в течение 120 дней, которое требует, чтобы дата судебного разбирательства была назначена в течение 120 дней, пока предполагаемая жертва моложе 14 лет» [27, 106]. Стало быть, возраст Джордана, которому в ноябре было ещё 13 лет, позволял его адвокатам использовать законодательное право на ускоренный судебный процесс гражданского иска. Если бы день рождения мальчика был всего лишь на два месяца раньше, то решение суда могло бы быть иным: тогда уголовное дело шло бы первым,

¹⁶ Это не Барри Ротман, а Дэвид М. Ротман — судья, ведущий дело Джексона в 1993—1994 годах.

и для Майкла Джексона всё было бы по-другому.

Таким образом, артисту было отказано в возможности вернуть себе доброе имя прежде вовлечения в гражданское разбирательство. Это событие повлияло на исход гражданского дела (об этом позже), но желание певца добиться правосудия в уголовном процессе говорит само за себя. Стал бы виновный человек рисковать своей свободой и требовать проведения уголовного разбирательства прежде гражданского?

Через месяц после того, как суд принял решение в пользу обвинения, было объявлено, что дело Джексона покинули адвокат Берт Филдс и детектив Энтони Пелликано. Вокруг Пелликано, имеющего репутацию одного из самых «грязных» детективов (он не сторонился незаконных методов работы, за которые отсидел 13 лет), ходит несколько ложных слухов, вызванных статьями СМИ; один из них гласит, что детектив ушёл из дела Джексона, потому что нашёл компромат на певца. Эта ужасная лжеинформация пошла после интервью Пелликано журналу «Ежедневный зверь» (*Daily Beast*) от 2011 года, где он якобы сказал очень странную фразу: «Майкл Джексон делал с детьми худшие вещи, чем приставал к ним», а также изрёк, что нашёл какие-то тайны в деле Джексона и отказался от него, потому что почувствовал отвращение. Слова явно сфальсифицированы недобросовестными журналистами, поскольку в этом же самом журнале на другой странице напечатана табличка, содержащая

информацию обо всех бывших клиентах детектива, где сказано: «Столкнувшись с обвинениями в растлении, Майкл Джексон обратился к Пелликану, который утверждает, что нашёл „убийственную“ информацию об обвинителях» [35]. Авторитетная газета «Лос-Анджелес таймс» приводит заявление Энтони после отставки: «Ни в коем случае моя отставка не означает, что Майкл Джексон виновен <...> Майкл Джексон невиновен, и всё, что я говорил в прошлом, я подтверждаю!» [36]. Скорее всего, он ушёл, потому что, как и Филдс, не смирился с новой политикой адвокатов артиста (быстрое урегулирование).

Другой слух активно и сейчас распускается на различных ресурсах ненавистников Майкла Джексона. Он связан с обыском у артиста: якобы команда Джексона знала об обыске 21 августа и поэтому подготовилась к рейду, уничтожив все серьёзные улики. Этот мерзкий слух пошёл от слов следователя Билла Дворина, который был в составе полицейских, участвующих в обыске Неверленда. Полиция признала тот факт, что ничего инкриминирующего не было найдено, но следователи были так разочарованы, что решили увековечить в прессе псевдоисторию об уничтожении доказательств перед обыском. Потом описание чистки появилось в книге Виктора Гутьерреса и Рэнди Тараборелли, где написано, как сотрудники Неверленда помогали Пелликану устранять улики.

Недоброжелатели певца любят доказывать этот «факт»

историей о том, как водитель Гэри Хирн по приказу Энтони Пелликано вывез из кондоминиума в Сенчури-Сити чемодан с уликами до обыска полиции и привёз к нему. Этот миф пошёл в СМИ в результате исковерканных слов водителя в показаниях перед Большим жури в 1994 году, где он сказал о том, что действительно вывез сумки с кассетами (он логично предположил, что это были записи певца) из квартиры, но это было **после** обыска. Опровержение было опубликовано в разных источниках, но прошло незамеченным. В 2016 году, в уже упоминаемом допросе по делам Робсона и Сейфчака, Хирн повторил то же самое, что сказал в 1994 году.

Адвокат: Вы не подумали про себя: «Ого, я, возможно, делаю здесь что-то плохое? Я не знаю, что в этих сумках, но, похоже, я помогаю ему что-то спрятать». Не мелькало подобных мыслей?

Гэри Хирн: Нет, действительно, потому что это место только что обыскала полиция <...> Если бы вы открыли шкаф, то увидели бы их там, на полке, на самом видном месте. Позже во время показаний Большого жури мне показали фотографию, сделанную полицией, и вы могли видеть портфель прямо там [8].

Кроме подтасованной истории с чемоданом ненавистники часто приводят другой рассказ. Он исходит от начальника службы безопасности Майкла Джексона Роберта Вегнера, ставшего одним из многочисленных бывших сотрудников, которые продавали грязные истории таблоидам, но по-

шедшего ещё дальше: Роберт написал книгу о своей службе на ранчо под названием «Мои три года работы на Майкла Джексона, с декабря 1990 по декабрь 1993 года». В интервью в 2004 году Вегнер заявил, что он по просьбе Пеллика-но, высказанной по телефону, вывез гостевую книгу (запись имён всех детей, которые посещали ранчо с 1990 по 1993 год), чтобы она не досталась полиции. Но дело в том, что разговор с частным детективом, по словам самого Вегнера, был во время обыска, когда он сидел в спальне Джексона в присутствии полицейских!

Данные в записной книге не являлись чем-то инкриминирующим для полиции:

- Роберт Вегнер не был допрошен Большим жюри в 1994 году (спустя 10 лет он сослался на то, что у него болела спина после травмы и поэтому он не мог дать показания). Это явно слабое оправдание: если данные в книге действительно были инкриминирующими, прокуратура нашла бы способ допросить важного для них свидетеля.

- Майкл никогда не скрывал сведений о том, кто из детей посещал Неверленд и общался с ним. Раз певец вообще вёл такую книгу, то это должно быть понятно. Более того, на суде 2005 года книга была представлена благодаря Брайану Бэррону, который вёл такие записи. Если верить недоброжелателям, получается, что Джексон вёл дневник посещений, потом вдруг в день рейда решил его уничтожить, затем опять стал за чем-то вести (продолжая растлевать детей, как

уверяют нас). Действия однозначно непоследовательные.

- Полиция опросила более 60 детей, так что очевидно: для полицейской службы не было проблемой найти нужных им маленьких друзей обвиняемого.

- Энтони Пелликано, имеющий девятерых детей, в интервью 2011 года признался, что когда Майкл нанимал его на работу, то он сказал ему: «Не беспокойся о копах или адвокатах. Если я найду что-то на тебя, я сам тебя <...>» [35]. Непохоже на то, что детектив планировал покрывать клиента.

- Если бы Пелликано хотел помочь Джексону избежать правосудия незаконным путём и действительно подозревал певца, то он просто не дал бы делу Чандлера ход.

- Если была чистка, почему не были уничтожены две якобы обнаруженные сомнительные книги в закрытом ящике шкафа, которые обсуждались на суде? То есть мы должны поверить в то, что помощники певца уничтожили всё незаконное, но почему-то оставили две законные, но бросающие тень на Майкла, спрятанные под замком книги.

- Если допустить, что Хирн и Вегнер на самом деле уничтожили важные вещдоки, то почему Пелликано и сам обвиняемый не удосужились этого сделать намного раньше? Как вы помните, 8 июля была сделана запись разговора Эвана Чандлера с отчимом Джорди, и Пелликано на следующий день услышал угрозы отца мальчика в сторону Майкла Джексона; 4 августа же Эван уже угрожал Майклу лично. Так

что же могло помешать Пелликану сделать это без спешки?

- Немаловажно упомянуть, что мы имеем судебные показания, в которых сказано, что на ранчо никто заранее не знал об обыске. Это подтвердила даже неблагосклонно настроенная в отношении певца горничная Адриан МакМанус, которая на суде 2005 года повествовала о том, что была свидетелем развратного поведения Джексона с Маколеем Калкиным. Другая горничная, Гейл Гоффорд, на допросе по делам Робсона и Сейфчака в 2016 году также подтвердила сказанное. Кроме того, Гоффорд отметила, что она даже не была в курсе обвинений, не то что надвигающегося обыска! Пришествие полицейских вызвало большой переполох у персонала ранчо, о чём также говорила и третья горничная, Джуди Бриси, в интервью в 2020 году.

Реальных доказательств, что команда Джексона уничтожила улики, пока артист был на гастролях, нет.

Между тем в команду адвокатов Майкла Джексона вошёл Джонни Кокран, который теперь составлял пару Говарду Вейцману. Сразу же произошла смена курса: новые защитники певца были за быстрое урегулирование.

Смену адвокатов в стане Майкла Джексона восторженно встретили Чандлеры, которых обрадовал Ларри Фельдман: он сообщил, что Вейцман и Кокран собираются пойти на сделку и поэтому не будут допрашивать никого из семьи обвинителей. Как написал в книге Рэй Чандлер, именно во вре-

мя этого разговора Эван, понявший, почему Фельдман не хочет, чтобы Майклу предъявили обвинения (ведь тогда уголовное дело пойдёт первым), воскликнул: «Господи Иисусе!», представив ситуацию, в которой он может не получить денежной выплаты.

Жизнь певца ещё больше осложнилась, когда его сестра Ла Тойя выступила 8 декабря на конференции в Тель-Авиве, где сообщила о своих подозрениях в отношении брата. Речь касалась чеков на крупные суммы, которые она якобы видела ещё в 1984 году в Энсино. Хейтерами выступление сестры Майкла всегда использовалось в качестве доказательства вины, но особенно актуальны её слова стали после фильма «Покидая Неверленд» из-за обвинений Джеймса Сейфчака.

При этом она упоминала, что чеки были на семью, в которой глава семейства — владелец компании по вывозу мусора, и даже назвала имя мальчика — Джеймс Сейфчак. Сейчас, зная историю Джеймса, мы можем точно знать, что Ла Тойя лгала¹⁷. В этом она самолично призналась, когда ушла от своего мужа Джека Гордона; она говорила, что обвинить брата её заставил супруг. И действительно, в один момент она была поймана с наушниками, через которые Гордон указывал ей, что говорить в одном из интервью. Ла Тойя отмечала, что супруг так сильно ненавидел Майкла, что угрозами убить знаменитого брата понудил её к бессовестной лжи, ко-

¹⁷ Подробный анализ речей Ла Тойи и сравнение её версии событий с версией Сейфчаков — в третьей главе.

торая коснулась не только обвинений. В одном шоу Ла Тойя отрицала информацию, которую Майкл, сдерживая слёзы, рассказал в знаменитом интервью Опре Уинфри в феврале 1993 года. «У нас в семье ни у кого не было заболевания витилиго» [42], — сказала Ла Тойя, подразумевая, что она подтверждает заголовки жёлтой прессы о том, что её брат сменил цвет кожи, чтобы стать популярным. После данных событий Майкл и Ла Тойя не общались много лет.

С 1996 года Ла Тойя стойко стоит за невиновность брата: она поддержала его в суде 2005 года и не промолчала в 2019 году после выхода фильма, когда вышло море лживых статей с заголовками «Сестра Майкла Джексона подтвердила его виновность». Сейчас Ла Тойя из всех Джексонов наиболее подвержена нападкам со стороны прессы и хейтеров, потому что она неоднократно признавалась во лжи и говорила о том, как жалеет, что так поступила с братом: «Последствия моей пресс-конференции обошли весь мир. Это было на пике славы Майкла. Он был суперзвездой самого широкого масштаба, но большая часть мира неправильно понимала его после десятилетий ложных историй, которые сделали его эксцентричным и эмоционально нестабильным <...> Тот факт, что его собственная сестра высказалась, стал огромной новостью <...> Гордон ревновал, потому что чувствовал близость Майкла к Богу, и он ненавидел моего брата, так как считал, что я поклоняюсь Майклу. Однако это было не поклонение, это была любовь! Гордон ликовал из-за того,

что имя Майкла запятнано... Все в этой ситуации победили, кроме Майкла и меня <...> Если бы я могла вернуться в прошлое, я бы предпочла лучше умереть от руки Гордона, чем отдать ему брата» [43], — написала Ла Тойя в своей второй книге.

С середины ноября в прессе не прекращались сообщения о предстоящем досмотре тела певца. Во всех сообщениях указывалось, что мальчик дал полиции некие характеристики половых органов Джексона.

Двадцатого декабря на ранчо Неверленд состоялся уничижительный для Джексона осмотр, который включал и фотографирование интимных частей тела, чтобы понять, насколько соответствует действительности описание Джордана. То, через что прошёл Майкл в этот день, любят рассказывать неблагосклонно настроенные к нему журналисты (Дайна Даймонд, Гутьеррес и Тараборелли). В книге Даймонд наиболее подробно описано то, что произошло на ранчо в тот день, так как она имела на руках полицейский отчёт Гери Шпигеля. Из её книги мы узнаём, что Майкл впал в истерику: ему не нравилось большое количество людей в комнате. В итоге в комнате остались два доктора (Стрик и Кляйн) и два полицейских фотографа (Шпигель и Свейн). Никто из них даже не представился Майклу; из присутствующих он знал только доктора Кляйна, у которого много лет лечился от витилиго. Когда певца просили снять халат, он запротестовал. По мнению Шпигеля, поведение Джексона было агрессив-

ным, и он даже подумал, что обвиняемый может отказаться сотрудничать. Майкл всё время спрашивал: «Зачем вам нужно меня осматривать? Зачем вам осматривать мой пенис? У меня витилиго, ну и что?» [44]. Кроме нужного органа были сфотографированы ягодицы, грудь и спина. Опустим описание унижительного осмотра и сфокусируемся на дальнейших событиях. Майкл категорически прекратил съёмки, но прокурору Снеддону требовались фотографии крупным планом. В результате переговоров с адвокатами он добился разрешения Джексона, чтобы фотографии были сделаны в кабинете врача в отсутствие сотрудников полиции. Однако реализации не последовало (вероятно, по причине того, что уже имеющиеся фотографии не демонстрировали сходства с описанием, данным мальчиком. В противном случае не было смысла упускать доказательство).

Важно понимать, насколько незаконным было исполнение данного ордера и как унижительно полиция обошлась с певцом: осмотр гениталий является мерой, которая применяется в очень редких случаях. В статье 4030 уголовного кодекса Калифорнии приведены условия проведения осмотра тела для людей, которые были или арестованы, или задержаны:

- «Раздевания, осмотры тела должны проводиться в уединённом месте, чтобы за обыском не могли наблюдать лица, не участвующие в обыске. Лица допускаются к участию в обыске, если их служебные обязанности требуют их непосредственного присутствия во время проведения обыска»;

- «Осмотр тела должен проводиться в санитарных условиях и только врачом или практикующей, дипломированной, лицензированной медсестрой или специалистом скорой медицинской помощи II уровня, имеющими лицензию на практику в этом штате <...>» [45].

Если для заключённых и арестованных есть такие ограничения, то как должен регулироваться обыск с раздеванием для людей, которым даже не предъявлено официально обвинений? Снеддон нарушил правовые нормы, когда проводил досмотр: процедура должна была проводиться во врачебном кабинете медицинским работником. Вместо этого Снеддон отправил туда двух полицейских из полиции Санта-Барбары и одного из отделения Лос-Анджелеса, снабдив их древним фотоаппаратом, требующим для обслуживания обязательно присутствия двух специалистов, что увеличивало количество наблюдателей. Вряд ли в данном случае можно говорить о том, что он думал о психологическом состоянии подозреваемого.

В запросе Линден на последний ордер на досмотр, который приводится в книге Гутьерреса (он написан языком, далёким от языка автора книги, что может говорить о его большей достоверности), мы можем прочитать, что «Майкл Джексон должен быть уведомлён, что он не имеет права отказать от осмотра и фотографирования. Любой отказ сотрудничать будет допущен к использованию в суде как при-

знак его вины».

Кроме этого, там же мы читаем, что осмотр проводился для того, чтобы «определить посредством мнения медицинского специалиста в дерматологии существование какого-либо кожного заболевания, включая витилиго или другую депигментацию или физическое состояние кожи» [6, 168—169]. Те же слова произнёс Майкл Джексон, выступивший с заявлением 22 декабря, в котором заявил о своей невиновности: «Предположительно они искали изменение цвета, пятна и другие признаки заболевания витилиго, о котором я раньше говорил. Ордер также предписывал мне сотрудничать при любом осмотре моего тела их врачом, чтобы определить состояние моей кожи и есть ли у меня витилиго или другие проблемы с кожей» [46].

Таким образом, вопросы, которыми Майкл засыпал сотрудников полиции во время досмотра, доказывали тот факт, что ему не сказали правды и обманом заставили согласиться на исполнение ордера! Майкл не стал оспаривать исполнения ордера в надежде, что это принесёт ему оправдание, несмотря на то что пресса гудела об этом событии уже в течение долгого времени, жаждала крови.

Чтобы понять, совпали ли описание и якобы созданный рисунок Джордана с реальной картиной, не нужно углубляться в многочисленные комментарии, данные в книгах и ходатайствах; достаточно сравнить то, что говорили (или чего не говорили) в прессе до и после досмотра.

Начиная с ноября 1993 года в СМИ появлялись сообщения, подобные тому, какое можно прочесть в статье из газеты «Рейтерс» (*Reuters*) от 16 ноября: «Мальчик сказал властям, что Джексон имеет некие особые характеристики»; «Поговаривают об обесцвеченных пятнах на его пенисе». В 1995 году в статье Морин Орт впервые появилось более конкретное описание, взятое из того же отчёта Шпигеля. То есть Снеддон не постеснялся рассказать всему миру, что **«на нижней левой стороне пениса Джексона есть тёмное пятно»**. Также говорилось, что «мальчик, который обвинил Джексона в сексуальном домогательстве к нему, <...> смог нарисовать — сначала для окружного прокурора, а затем для своих собственных адвокатов — точную картину тёмного пятна на пенисе Джексона» [34]. Однако ни о какой точности речь не шла.

Чандлер, когда писал книгу (она вышла в свет в 2004 году), мог знать информацию о тёмном пятне; тем не менее он сообщает, что описание было примерно таким: **«На половых органах Майкла были многочисленные специфические отметки и обесцвечивания**, и мальчику было трудно объяснить, где в точности они находились, какого они были размера и формы. Дело было не в памяти мальчика: он видел гениталии Джексона много раз и с разных ракурсов... Проблема была в том, чтобы объяснить детали. Но они (представители власти. — *Прим. авт.*) продолжали настаивать. И в конце концов смогли прийти к описанию, ко-

торое, как оказалось, точно соответствовало изображениям на фотографиях, сделанных властями Санта-Барбары...» [4, 210]. При этом Снеддон в судебном ходатайстве от 2005 года опять же говорит только об одном пятне, которое якобы совпало, хотя предположительно мальчик должен был нарисовать много пятен. Обратите внимание, что Снеддон указывает другое расположение пятна относительно того, что написал Шпигель в отчёте: «Фотографии показывают отметину **на правой стороне пениса подсудимого** приблизительно в том же относительном месте, что и тёмная крапина, обозначенная Джорданом Чандлером на его рисунке эрегированного пениса подсудимого» [33].

Как видите, о точном описании речь явно не шла: сомнительно совпало только одно пятно, при этом были опущены такие яркие характеристики, как наличие обрезания, а также форма, размер и цвет органа. Указывается, что сравнение делал лично прокурор Снеддон. И это единственный документ, на который ссылаются люди, верующие в виновность Джексона. Правда, есть ещё утверждения шерифа Санта-Барбары Джима Томаса, детектива Билла Дворина, помощника окружного прокурора Лос-Анжелеса Лорен Вейс и единственного независимого человека — доктора Ричарда Стрика, но их высказывания ничего не доказывают. Так, Томас в интервью в 2005 году заявил о совпадении, но отметил, что отказался смотреть на фотографии (удивительное дело, что начальник не проверяет слов подчинённых!), а Ричард,

также в интервью, отметил, что ему сказали, будто описание совпало (он видел гениталии при осмотре, но не видел описания). Никто из них не говорил, что лично видел фотографии. К тому же Джил Гарсетти — прокурор Лос-Анджелесского округа, непосредственный начальник Лорен Вейс — в сообщении для прессы после закрытия дела заявил, что «Майкл Джексон считается невиновным человеком, как любой другой человек в комнате, если ему не предъявлены обвинения» [50].

Так что же описал мальчик? Во время разговора с Пелликано Джордан упомянул, что Майкл однажды ему показал пятна на животе (витилиго). Соответственно, предположения Чандлеров исходили из того, какой преимущественно цвет кожи Джексона Джордан смог увидеть. В 2005 году, в разгар судебного процесса над Джексонсом, появилась статья «Говорящее пятно» (*Telltale Splotch*) на таблоидном сайте «Смокинг ган» (*Smoking gun*)¹⁸. В напечатанном отрывке аффидевита¹⁹ сержанта Линден было написано, что мальчик описал пенис Майкла как обрезанный и что описание включало в себя «специфические „кляксы“ на ягодицах и одну на пенисе, светлого цвета, похожего на цвет его лица». Ненавистники не только оспаривают правдивость статьи, но

¹⁸ Из-за того, что источник является жёлтой прессой, ненавистники сейчас отрицают правдивость этой информации, хотя до 2009 года, наоборот, бросались ею как доказательством вины.

¹⁹ Аффидевит — письменное заявление, данное под присягой.

и указывают, что из данного предложения нельзя сделать однозначный вывод: говорится о «кляксе» или о пенисе. Это на самом деле так, однако следующее предложение и логика подсказывают нам, что речь идёт о пятне: «Информация мальчика была настолько точной, что он даже указал, где **эта „клякса“** оказывается, когда пенис Джексона находится в эрегированном состоянии, длину лобковых волос певца и то, что он был обрезан» [51].

То, что Джорди говорил об обрезании, подтверждают ещё три человека: Дайана Даймонд в комментарии к своей статье «Загадка, которой был Майкл Джексон» (*The Enigma That Was Michael Jackson*), Гутьеррес и Тараборелли в своих книгах. Никто кроме полиции не знал, что мальчик не угадал с обрезанием, пока в результате вскрытия тела певца в 2009 году не было обнародовано, что Джексон не был обрезан.

Таким образом, Рэймонд Чандлер говорит о многочисленных отметках, а Том Снеддон — об одном пятне; тот же прокурор говорит о тёмном пятне, а в аффидевите Линден указано пятно светлого цвета; местоположение пятна различно в отчёте Шпигеля и в судебном ходатайстве прокурора в 2005 году. Обрезание не подтверждается. Становится понятно, что описание, данное мальчиком, было весьма далёким от действительности.

- После досмотра в прессе появилось несколько сообщений, что фотографии не совпали с описанием. Это было отмечено в четырёх источниках: в газетах «Рейтерс» (*Reuters*),

«Ю-Эс-Эй Тудей» (*USA Today*) «Зе Орландо Сентинел» (*The Orlando Sentinel*) и «Зе Гáрдиян» (*The Guardian*);

- Если бы обнаружилась такая важная улика, как сходство фотографии с описанием, Джексон был бы сразу арестован. Однако этого так и не произошло.

- Двадцать восьмого декабря 1993 года (спустя неделю после досмотра) адвокатом Ларри Фельдманом было создано новое заявление Джордана Чандлера, в котором не было ни слова о мастурбации. Из беседы Джорди с психиатром мы знаем, что он заявлял о многочисленных актах с мастурбацией, и поэтому считаем, что должен был заметить, что Майкл был не обрезан.

- Снеддон в ноябре подал запрос на получение медицинских карт Майкла, чтобы убедиться, что тот не изменил цвета своих гениталий во время реабилитации, и из них получил информацию, что подобных манипуляций не производилось.

- Нет никаких сомнений в том, что семья обвинителей была связана с педофилом Гутьерресом. На это указывают предоставленные им в книге документы, личные фотографии Джордана, а также выражения, схожие с выражениями из книги Чандлера. В пользу того, что описание Джорди было чистым гаданием, говорит рисунок на салфетке, опубликованный в книге Гутьерреса. На изображении, о котором идёт речь, изображено нечто, больше похожее на гриб, чем на мужской половой орган. Рядом есть обрывочные записи:

«Моя теория», «Майк обрезан», «Корова — пятна розовые, белые / коричневые; не белые, а розовые» <...>, упоминается имя Ориетта (Мердок) — она, как и многие другие работники ранчо, сотрудничала с Гутьерресом. Виктор расшифровывает и дополняет это описание: «Майкл обрезан. У него короткие лобковые волосы. Его мошонка с отметинами розового и коричневого цвета. Как у коровы: не белого, а розового цвета. Его тело пахнет маслянисто. У него коричневые участки на заднице, на его левой ягодице. Описание включало рисунок пениса Джексона с тёмными отметинами. Копия этого рисунка эксклюзивно напечатана в этой книге» [6, 159]. Важно понимать, что данное описание хорошо стыкуется с данными из статьи, содержащей цитату из аффидевита с сайта «Смокинг ган»: там тоже говорится, что мальчик указал длину лобковых волос, пятна на ягодицах и то, что певец был обрезан. Исследователи не без основания считают, что текст, написанный на салфетке (явно на скорую руку), принадлежит Эвану Чандлеру: в той же книге содержатся другие документы с пометками, сделанными тем же почерком.

• Версии того, что описал мальчик, принадлежат людям, находящимся исключительно на стороне обвинения. Этих версий немало, и они почти не совпадают. Реальность лучше, как нам кажется, отражена в описании доктора Стрика, который смотрел медицинские записи в ноябре (за месяц до допроса): «Гениталии были причудливого цвета, с тёмной кожей и светлой кожей...» [53]. Пятна витилиго действительно

имеют размытый контур, и их крайне сложно описать.

- В статье в «Эль-Эй Таймс» (*LA Times*) была информация, что Фельдман подал ходатайство о «множественном выборе»: «Джексон может предоставить копии полицейских фотографий, может согласиться на повторный досмотр, или суд может исключить фотографии из свидетельств в судебном разбирательстве по гражданскому иску» [54]. Смущает то, что здесь Фельдман формулирует мысль так, будто фотографии находились у Майкла, хотя из ходатайства адвокатов певца о необнародовании изображений следует, что они были всё-таки у полиции. Само заявление свидетельствует о смятении, в котором пребывал Ларри Фельдман после того, как фотографии показали несовпадение. Следует предупредить людей, не имеющих возможности разобраться в юридических тонкостях, чтобы они не велись на уловки хейтеров артиста, утверждающих, что данная просьба адвоката была обычным действием в процедуре «открытия» — обменом вещдоками перед началом суда. Это ходатайство Фельдмана не имеет ничего общего с «открытием», так как об уголовном суде ещё не было и речи!

- Десятого января Фельдман отдал суду новое заявление Джордана о растлении вместе с запросом на доступ к финансовой документации певца, а на следующий день передал копию заявления в издательство «Ассошиэйтед Пресс» (*Associated Press*). Все эти действия говорят о том, что адвокат пытался воздействовать на будущее жюри при-

связных и на общественное мнение; ему необходимо было создать отрицательный облик Майкла Джексона, после того как тот выступил с ярким заявлением о своей невинности и выразил надежду на справедливое решение суда.

- Из книги Виктора Гутьерреса мы знаем, что 11 января он встретился с Ларри Фельдманом; адвокат сказал Гутьерресу, что он искал встречи с ним уже три месяца, так как ему трудно найти детей, которые свидетельствовали бы против Майкла.

- Двадцать пятого января Чандлеры подписали соглашение с Джексонсом, в результате которого Джун и Эван получили всего лишь 3 миллиона долларов на двоих (по информации Дайаны Даймонд), а Джордан — 15 миллионов. Деньги в трасте контролировались специальным опекуном, поэтому родители мальчика не могли взять денег. До суда по гражданскому делу оставалось меньше двух месяцев, и в случае выигрыша семья могла получить изначально запрашиваемую в иске сумму. Но это было бы возможно только при предъявлении доказательств — совпадения фотографий и описания в том числе.

- Надо иметь в виду, что пятна витилиго довольно быстро изменяются. Джорди последний раз мог видеть Майкла голым в июле, фотографирование же тела было 20 декабря. Учитывая лечение, которое проходил певец, пятна могли значительно измениться за полгода.

Об этом факте даже упоминают сами обвинители в своей книге:

— О да, Лорен Вейс сказала мне сегодня, что эта болезнь, о которой Майкл говорит, — витилиго, — способна меняться везде, куда бы вы ни посмотрели, так что всё, что говорит Джорди, не имеет значения. Всё может очень быстро измениться с этим заболеванием.

— Чёрт, у этих ребят, кажется, есть ответ на все вопросы.

— Нет, это хорошо для нас!

— Почему?

— Потому что если он прав — он прав. И если он не прав, у нас есть объяснение! [4, 202].

Как видите, обвинители совершенно не огорчились из-за изменений, которые могли затронуть тело Джексона, и признали, что вариант оправдаться в случае несовпадения описания Джорди с реальностью их полностью устраивает. Но поскольку дело до суда не дошло, логично предположить, что несовпадение было слишком критично, чтобы что-либо объяснять.

• Весной 1994 года адвокаты Джексона попытались получить фотографии гениталий, чтобы обезопасить своего подопечного от публикации их в СМИ, а также потребовали от суда предоставления им affidavits Линден с целью рассмотрения законности основания досмотра. Из прессы известно, что прокуратура выдала адвокатам affidavits с замазанным текстом. Фотографий и affidavits с полной ин-

формацией Кокран и Вейцман так и не получили. В 2019 году жёлтая газета «Зе Сан» (*The Sun*) опубликовала фрагменты аффидевита, где текст был замазан именно в месте предполагаемого описания. Вероятно, именно в таком виде адвокаты Майкла и получили документ от прокуратуры.

- В статьях агентства «Ассошиэйтед Пресс», где освещалась битва адвокатов певца за получение фотографий гениталий и аффидевита, не было ни слова о том, что фотографии совпали с описанием. В июньской статье *Jackson's papers to be released* («Документы Джексона будут выпущены»), в которой говорилось о том, что аффидевит будет опубликован (адвокаты оспорили это решение), написано следующее: «Прокуроры Санта-Барбары и Лос-Анджелеса утверждают, что просмотр интимных частей Джексона мог подтвердить заявления 13-летнего мальчика» [57]. Но «мог подтвердить» и «подтвердил» не одно и то же.

- Кэтрин Джексон была вызвана на допрос на заседание Большого жюри, где ей задали вопрос: «Изменял ли ваш сын вид своих гениталий, чтобы они не соответствовали описанию?»

Все данные свидетельствуют о том, что описание не совпало, как бы прокурор Снеддон и некоторые другие сотрудники правоохранительных органов ни утверждали иного.

Сейчас хейтеры Майкла Джексона делятся на два типа: те, кто ещё настаивает на том, что описание совпало, продол-

жая доверять рассказам сотрудников прокуратуры в СМИ; другие всё же признают, что описание не совпало, но пытаются всеми способами оправдать ошибку Джордана. Они берут основную идею прокуратуры, с помощью которой та пыталась скрыть вопрос обрезания под термином «эрегированный» — якобы мальчик принял эрегированный пенис за обрезанный. Согласно медицинским источникам, это действительно возможно в случаях, если мужчина имеет короткую крайнюю плоть. Однако при такой аргументации упускаются два обстоятельства. Во-первых, Чандлер заявлял о многочисленных эпизодах, во время которых, согласно его версии, имел возможность рассмотреть интимные части тела певца. Следовательно, существенную анатомическую особенность ему было трудно не заметить. Во-вторых, внешний вид этой части тела может существенно различаться в зависимости от физиологического состояния, что также необходимо учитывать при оценке точности описания.

Двадцать пятого января между семьёй Чандлеров и Майклом Джексонсом было подписано соглашение. Майкл Джексон объявил себя невиновным в домогательствах к Джордану. Также в документе указано, что «Майкл Джексон лично и от имени своих агентов, наследников <...> навсегда освобождает Чандлеров от ответственности...» Это не случайно. По словам секретаря Ротмана Джеральдины Хьюз, перед подписанием соглашения Эван Чандлер попросил Майкла Джексона отказаться от обвинений в вымогательстве. Его

просьба выглядит на первый взгляд странно: ведь за день до подписания стало известно, что дело о вымогательстве закрыли из-за отсутствия доказательств. Зачем же на следующий день стороны включили в соглашение такой пункт? Это можно объяснить только тем, что обвинители боялись, что Джексон может снова подать иск о вымогательстве и выиграть дело. Условия сделки конфиденциальны, все источники называли разные суммы, от 10 до 50 миллионов, но исходя из копии соглашения в таблоидном источнике «Смокинг ган», сумма составила 15 331 250 долларов. В документе было условие, которое включало запрет на разглашение информации о деле. Соглашение предусматривало, что артист не признаёт за собой уголовных правонарушений, а выплата производится в качестве возмещения ущерба от причинения вреда из-за халатности. То есть Майкл не признавал себя виновным в сексуальных домогательствах.

Обе темы (описание и урегулирование) являются основными в вопросе дела Чандлера. Ненавистники певца верят сотрудникам прокуратуры, которые говорили о точном совпадении только в медиапространстве; выплата для них также является одним из главных аргументов вины в деле Майкла Джексона. Многие утверждают (благодаря нечестным журналистам в том числе), что певец купил таким образом «молчание» мальчика, не дав ему свидетельствовать. Этих людей нужно спросить: почему расследование продолжилось и Джордан сотрудничал со следствием ещё почти полгода,

если выплата «вывела жертву из игры»? Это желание прекратить доступ СМИ к материалам и вопросам, порочащим честь и достоинство Майкла, о чём мы подробно расскажем ниже.

Сначала осветим вопросы, которые подлили масла в огонь. Речь пойдёт о выступлении Карла Дугласа (ассистента Джонни Кокрана) на семинаре юристов 2010 года. Дуглас представил себя как хорошего знакомого Майкла, почти друга, потом долго и самозабвенно рассказывал о том, как он гордится своим участием в защите великого человека, при этом не сказал ничего конкретного, что могло указать на невиновность его подзащитного. Вместо этого были произнесены выражения, которые звучат двояко. В частности, намёк на то, что работа с фотографиями гениталий певца — это то же, что наличие трёхсотпудовой гориллы в комнате (аналогично идиоме «слон в посудной лавке». — *Прим. авт.*), сейчас преподносится ненавистниками как признание, что изображение, запечатлённое на фотографиях, совпало с описанием, данным жертвой. Однако о совпадении в речи Дугласа не было речи, а сравнением он только подчеркнул одну из основных причин, по которой Майкл решил урегулировать конфликт, — утечка информации в СМИ и, как следствие, бесконечная её интерпретация. Для доказательства вины певца хейтеры любят использовать и другое выражение Дугласа: «Нам надо было заставить мальчика замолчать». Недалёкие люди воспринимают это буквально, как

признание ассистента адвоката в незаконных мерах, которые принудили семью обвинителей не давать показаний против «могущественного» певца. При этом данное высказывание так же логично объясняется: все члены стороны защиты Джексона знали, чего требовал Эван Чандлер изначально, и понимали, что крупная выплата, скорее всего, приведёт к решению конфликта, то есть заставить замолчать мальчика — это, по сути, заставить замолчать его меркантильного отца. Людей, которые хорошо знают дело артиста, речь Дугласа убедила только в том, что как таковая защита у Майкла в 1993 году после ухода Филдса отсутствовала.

Для того чтобы понять, почему Майкл решил так быстро пойти на урегулирование, важно учитывать юридическую сторону ситуации. Соглашение было заключено в рамках гражданского процесса и никак не влияло на уголовное расследование, которое шло своим чередом. Джордан не отказывался свидетельствовать до июля и мог дать показания в любое время. Так зачем же тогда певец заплатил? В интервью Майкл говорил, что ему не хотелось проходить через долгий, нескончаемый процесс, который пагубно влиял бы на его психику и физическое здоровье, тем более что именно в этот период певца мучила зависимость от обезболивающих препаратов, а адвокаты не могли дать ему гарантии на непредвзятых присяжных. Также была возможность того, что будет открытое разбирательство, и тогда дело могло дойти до показа интимных кадров по телевидению, и Майкл мог

бы просто не пережить такого позора.

Кроме этого, есть юридические причины, которые могли повлиять на исход. Всё дело в пятой поправке, истолкование которой различно в гражданском и уголовном кодексах США.

- Разница состоит в стандарте доказывания вины: в уголовном правосудии вина подсудимого должна быть доказана вне всяких сомнений, то есть обвинение должно точно доказать, что преступление было совершено; в гражданском же процессе защита может проиграть, даже если за обвинительный вердикт проголосовала только половина присяжных, — поэтому страховщики и адвокаты почти всегда выступают за урегулирование дела.

- В уголовном деле пятая поправка позволяет обвиняемому хранить молчание и исключает возможность самооговора, в данном случае отказ свидетельствовать против себя не расценивается как признак вины (именно этой поправкой воспользовался Майкл в 2005 году на суде); в гражданском же деле отказ свидетельствовать может быть воспринят присяжными как признак вины и повлиять на вердикт. Именно поэтому адвокаты Джексона пытались не допустить первым проведение гражданского процесса.

Итак, уголовное расследование продолжалось. Гражданское урегулирование никак не повлияло на развитие уголовного расследования — в документе стоял запрет только на

общение со СМИ. Джорди продолжал сотрудничать с обвинением до 6 июля, при этом он так и не дал показаний. Из слов Джорди в разговоре с психиатром Гарднером мы знаем, что наибольшим страхом для него было оказаться на перекрёстном допросе. Рэй Чандлер в книге написал, что в апреле 1994 года Том Снеддон стал убеждать Эвана, чтобы Джорди дал показания на заседании Большого жюри (Рэй писал, что брат и племянник отказались выполнять просьбу прокурора, так как не были зачислены в программу защиты свидетелей). Таким образом, сам Рэй Чандлер подтвердил, что его семья могла дать показания после урегулирования!

В другом интервью он же говорил о том, что в решении не давать показаний сыграли роль угрозы со стороны фанатов Джексона, хотя в своей книге ненароком показал испуг брата, связанный с допросом:

— Эван Чандлер: Вы имеете в виду, что если ему предъявят обвинение, уголовного дела не миновать?

— Ларри Фельдман: Да.

— Эван Чандлер: Господи Иисусе!

— Ларри Фельдман: Правильно! Так что мы этого не хотим [4, 201—202].

В США решение о передаче дела в суд принимается по результату расследования Большого жюри или предварительных слушаний. Оба вида заседаний являются проверкой работы прокурора: он подаёт жюри обвинительный акт, и члены должны решить, насколько он обоснован. Важно отме-

тить, что жюри не решает, виновен ли человек, а только есть ли основания для выдвижения дела. По результату заседаний жюри выносит решение: *true bill* — обвинение поддержано, или *no bill* — нет оснований для выдвижения дела. При этом жюри даже при наличии доказательств может не одобрить обвинительного акта.

В случае с делом Майкла Джексона было созвано два жюри, они заседали с февраля по май в Санта-Барбаре и в Лос-Анджелесе. Важно обозначить особенности проведения заседаний Большого жюри: прокуратура обеспечивает присяжных всеми доступными доказательствами, включая показания свидетелей. Важно учесть, что на заседаниях Большого жюри нет стороны защиты, таким образом, жюри предоставляется информация об обвиняемом, не разбавленная оправдательными фактами. Вероятность передачи дела в суд очень высока по статистике, так как для этого не нужно стопроцентных доказательств.

По правде говоря, никто не знает, что в целом происходило на слушаниях, связанных с делом Майкла, и какие вещдоки были представлены: все документы дела засекречены, есть только отдельные сведения. Жюри должно было рассмотреть сомнительные книги и фотографии голых мальчиков, возможно фотографии с осмотра и описание гениталий, данное Джорданом (на заседаниях Большого жюри в Лос-Анджелесе обсуждали описание и фотографии, поскольку с

этим вопросом был связан вызов Кэтрин Джексон²⁰).

Несмотря на то, что заседания проходили в закрытом режиме, из газет мы знаем имена некоторых людей, которые были вызваны свидетельствовать: детектив Энтони Пеллика-но, личный водитель Майкла Гэри Хирн, друг Марлон Брандо, Джеймс Сейфчак — старший (отец одного из последних обвинителей), Джой Робсон (мать одного из последних обвинителей), Джун Чандлер, и, как уже упоминалось ранее, мать Майкла — Кэтрин Джексон, и многие другие знакомые и сотрудники Неверленда. В итоге оба созыва Большого жюри разошлись без предъявления обвинений, которые могли последовать в случае наличия весомых доказательств. В репортаже «Шоубиз тудей» (*Showbiz Today*) от 2 мая 1994 года было сказано: «Один из присяжных сообщил *CNN*, что не слышал никаких компрометирующих показаний во время слушаний». Снеддон лично распустил Большое жюри, и это говорит нам о том, что достаточного количества улик против артиста собрано не было: члены жюри до последнего старались найти их и даже просили разрешения на продление периода заседания.

Дело было закрыто далеко не сразу: о том, что Джексону так и не будет предъявлено обвинений, было официально объявлено только 22 сентября 1994 года. Том Снеддон, видимо, был так разочарован фактом отсутствия улики, что вскоре после роспуска Большого жюри улетел в Мельбурн (Ав-

²⁰ См. страницу 63.

стралия), чтобы лично допросить Бретта Барнса (это было связано с тем, что один из охранников ранчо, Ральф Чакон, рассказал, что был свидетелем непристойной сцены между Майклом и Барнсом. Спустя более чем год прокурорам двух округов пришлось признать, что доказательств растления нет, несмотря на то что было вложено много денег и были опрошены сотни свидетелей (по словам Снеддона, 400 человек). Слова окружного прокурора Джила Гарсетти были напечатаны в газете «Нью-Йорк Таймс» (*New York Times*): «У нас есть очень важный свидетель, который сказал нам: „Прошу прощения, я не хочу и не буду давать показания“. И я гарантирую вам, что если он через месяц, через два месяца и так далее скажет: „Я готов дать показания“, мы тогда пересмотрим это дело» [50]. В статье также было сказано, что Том Снеддон заявил о ещё двух «жертвах» Майкла Джексона, отметив, что «один из них проходит терапию и попросил не вмешивать его в это дело, а другой был за пределами страны и в целом отрицал правонарушения мистера Джексона». Под первым подразумевался Джейсон Франсия, который после натиска полиции сознался в том, что Джексон его щекотал; под вторым явно имелся в виду Бретт Барнс, который до сих пор настойчиво отрицает любые обвинения в адрес певца. По завершении дела прокурор Лос-Анджелеса не преследовал Майкла Джексона, чего не скажешь о его коллеге из ближайшего региона; Том Снеддон, кажется, не хотел оставлять певца в покое: его заявления часто появлялись в прес-

се. На следующий год газета «Сэтердэйз Тудей» (*Saturday's Today*) сообщила о том, что прокурор Санта-Барбары разговаривал с Присциллой Пресли (тёщей Майкла) на тему отношений зятя с мальчиками. В том же году Снеддон проинструментировал журналистку Дайану Сойер, которая взяла интервью у Джексона и его супруги Лизы Мари Пресли. Именно в этом интервью впервые были упомянуты сомнительные книги, якобы найденные в запертом шкафу певца; также обсуждались темы досмотра и урегулирования. Ответы защищающегося Майкла так возмутили Снеддона, что он через журналистку Морин Орт обвинил певца во лжи и заявил о точном совпадении пятен на гениталиях с рисунком мальчика.

Как уже говорилось, недоброжелатели Джексона пытаются убедить несведущих людей в том, что дело развалилось из-за отказа мальчика давать показания. Однако это только половина правды. Важно, что и весомых доказательств у полиции не было. Нежелание обвинителя свидетельствовать против певца действительно ограничивало прокуратуру: в уголовном деле не допускаются показания свидетеля вне суда, а также показания с чужих слов (это расценивается как слухи). Было проблематичным допросить Джордана в уголовном процессе в отсутствие Джексона из-за шестой поправки, защищающей права обвиняемого. Однако Снеддон мог собрать предварительные слушания, где жертва могла быть допрошена обеими сторонами. По неизвестной при-

чине прокуроры даже не пытались это сделать. Подвергнуть мальчика перекрёстному допросу можно было и в гражданском деле, где допрос жертвы случается более часто. Согласно гражданскому кодексу, обвиняемый имеет право требовать допроса обвинителя и присутствовать при нём. Об этом даже заходила речь (Берт Филдс собирался допросить Джордана, но до дела так и не дошло). Но, к сожалению, мальчик не был допрошен ни в уголовном деле, ни в гражданском. Если бы Джордан дал показания под присягой и на перекрёстном допросе на стадии расследования, их могли бы использовать в его отсутствие на суде. Джексону не только так и не предъявили обвинений до 6 июля (когда мальчик ещё сотрудничал), но даже не арестовали по подозрению, что точно бы случилось до созыва Большого жюри, будь у полиции важные доказательства.

Нам осталось только рассказать, какие события, связанные с семьёй Джордана, происходили после подписания соглашения. Это поможет ещё лучше понять мотивы обвинителя.

Через несколько дней после урегулирования соглашения Рэй Чандлер начал предлагать свою книгу издательствам. Это стало известно из интервью Джудит Риган от 15 июля 2009 года на радио «Сириус Экс-Эм» (*Sirius XM*). Издательница поделилась неприятным впечатлением от разговора с дядей мальчика: она не понимала, как человек, семья которого буквально вчера заключила конфиденциальное согла-

шение, может просить напечатать историю о растлении ребёнка. Джудит сделала предположение, что Чандлеры — семья оппортунистов.

В 1995 году Джорди решил эмансипироваться от родителей. Он некоторое время жил с бывшей женой Эвана Натали, её новым мужем и со сводными братьями. Согласно книге Рэя, Эван не уделял внимания своим младшим детям, а общался только с Джорданом, который помогал ему финансово.

В 1996 году Эван подал иск на Майкла Джексона и его супругу Лизу Мари Пресли за нарушение конфиденциальности в уже упоминаемом нами интервью Дайане Сойер, где певец отстаивал свою невиновность. Теперь финансовое требование Чандлера увеличилось до 60 миллионов долларов. На эти деньги он планировал выпустить музыкальный альбом под названием «ЭВАНстори» (*EVANstory*) о предполагаемом растлении сына. В иске Эван пишет о причинённом ему эмоциональном вреде из-за того, что Майкл в своём новом альбоме «История» (*History*) использовал тему обвинений.

Действия Эвана противоречат заявлениям Рэя в телевизионных интервью о том, что они хотели спокойной жизни и поэтому не желали давать показания. Создаётся впечатление, что они, наоборот, искали внимания общественности. В судебных документах иска Эвана к Майклу Джексону и его экс-супруге есть ходатайство адвокатов Лизы Ма-

ри, в котором содержится следующее: «Основываясь на спекулятивных и необоснованных обвинениях в „заговоре“, истец Эван Чандлер ненадлежащим образом втянул ответчицу Лизу Мари Пресли в этот судебный процесс, который на самом деле ведётся только между Чандлером и бывшим супругом Пресли — ответчиком Майклом Джексон. Недавние действия Чандлера доказывают, что причиной его неправомерного предъявления иска Пресли является в чистом виде жажда публичности для него самого и его адвоката. Две недели назад Чандлер ознакомился с показаниями Пресли и тайно позвонил средствам массовой информации, чтобы сообщить им, когда и где мисс Пресли будет допрошена. Когда Пресли и её адвокат прибыли на дачу показаний, то неожиданно подверглись осаде прессы» [71].

Когда по иску Эвана был назначен арбитражный суд, мужчина подал ещё один идентичный иск против Джексона, только уже от имени сына и в другом округе. Сторона певца попросила объединить эти иски. В результате судом был вынесен вердикт, что нарушения соглашения со стороны артиста не было.

Джексон подал встречный иск, заявив, что Эван Чандлер нарушил условия мирового соглашения, сотрудничая с Виктором Гутьерресом. Суд обязал Чандлера компенсировать судебные расходы и гонорары адвокатов *ABC*, Дайаны Сойер и Лизы Мари Пресли.

Майкл судился с Виктором Гутьерресом в 1995 году из-за

выдуманной истории о мнимой видеокассете²¹ и выиграл. Горе-писателя обязали выплатить Майклу 2,7 миллиона долларов США за моральный вред, но тот в 1998 году сбежал из страны, чтобы не платить, успев в 1996 году издать свою клеветническую книгу. Кроме книги самого Гутьерреса, грязных историй после 1994 года больше не было.

Двадцать восьмого сентября 2004 года следователи просят Джордана Чандлера (которому уже 24 года) дать показания в предстоящем суде против Майкла Джексона. В файлах ФБР содержится информация, согласно которой Джордан отказался и заявил, что «будет юридически бороться с любыми попытками» заставить его сотрудничать со следствием, и добавил размытое высказывание: «Я свою часть уже отыграл».

Двенадцатого сентября 2004 года Рэй Чандлер наконец-то публикует книгу «Всё, что блесит: Преступление и сокрытие». Это происходило во время подготовки к судебному разбирательству и активного очернения Джексона в СМИ.

Девятнадцатого сентября Рэй Чандлер был вызван в суд по требованию защиты, чтобы он предоставил доказательства вины Джексона, о которых говорил в интервью, когда рекламировал свою книгу. Рэй отказался явиться в суд, сославшись на закон, который защищает журналистов.

Одиннадцатого апреля 2005 года Джун Чандлер дала показания в суде. Её показания были нейтральными для обеих

²¹ См. страницу 9

сторон. Она сказала, что не видела своего сына в течение 11 лет. Также из её показаний мы знаем, что она никогда не видела никаких противоправных действий со стороны певца, но она сожалеет о том, что доверяла ему.

После суда адвокат певца Томас Мезеро сообщил о свидетеле, который мог подтвердить, что Джордан говорил с друзьями о невинности Майкла. Благодаря документальному фильму «Начало: Майкл Джексон» (в оригинале *Square One*) 2019 года мы знаем, что этим свидетелем была Жозефина Зохни.

Седьмого июля 2005 года, меньше чем через месяц после дня оправдания Джексона по всем пунктам обвинения, между Джорданом и отцом произошёл конфликт: Эван ударил сына по голове гантелей (весом 5,6 килограмма), брызнул в лицо слезоточивым газом и пытался задушить. Причины столь агрессивного поведения неизвестны, но скорее всего причина крылась в деньгах (24 июля Эван подал судебный иск против Джордана, чтобы получить доступ к трастовому фонду сына). Дело было закрыто через два года; Эван проиграл.

Джорди также подал в суд на отца, обвиняя его в покушении на убийство. Молодой человек был так напуган, что просил у суда постоянного ордера, запрещающего отцу приближаться к нему, но суд выдал только временный.

На следующий день после смерти Майкла (26 июня 2009 года) в интернете появилось написанное якобы Джорданом

Чандлером сообщение о том, что он оклеветал певца. Это стало широко известным мифом, на который повелась даже семья Джексонов. К сожалению, Джордан никогда не признавался в клевете на артиста публично.

Пятого ноября 2009 года Эван Чандлер покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в голову. Предсмертной записки найдено не было, но вероятной причиной самоубийства является болезнь. Согласно Рэндаллу Салливану,²² Эван Чандлер страдал от болезни Гоше; его последние годы были омрачены постоянной болью в костях, что вместе с биполярным расстройством приводило к ещё более частым переменам настроения и агрессии. К 2009 году Эван жил в одиночестве, не общаясь часто даже с братом Рэем. На похоронах, как сказали люди из похоронного бюро, никого не было.

Рэй Чандлер продолжил «дело» своего брата: он так же старательно зарабатывал деньги на личности Майкла Джексона. Рэй издал книгу, предположительно именно он опубликовал секретные материалы²³, несколько раз появился в передачах во время нового расследования в 2004 — 2005 годах. Кроме того, он вызвал ненавистническое отношение к певцу среди членов своей семьи, убедив их в ужасных дей-

²² Рэндалл Салливан — американский писатель и журналист, написавший книгу «Неприкасаемый: странная жизнь и трагическая смерть Майкла Джексона» (Untouchable: The Strange Life and Tragic Death of Michael Jackson)

²³ Запись разговора Эвана и Дэвида, транскрипция беседы Джордана с психиатром Гарднером.

ствиях певца по отношению к Джордану. Джорди надеялся, что две смерти подряд (отца и Майкла) поспособствуют тому, что от него наконец отстанут и он получит «некоторую анонимность и свободу» (согласно книге Р. Селливана). Однако постоянные проклятья фанатов и разговоры в семье продолжались, и поэтому Джордан уехал из США. Он никогда ничего не комментирует по делу Джексона и даже своим близким сказал, что каждый может верить в то, во что хочет. Говорят, что Джордан занимается музыкой и его даже видели в футболке с изображением Джексонсов и шляпе-федоре.

После отказа прокуратуры выдвинуть обвинения Майкл старался жить спокойной жизнью, надеясь, что кошмар, который ему пришлось вынести, никогда не вернётся. Пройдя через испытание, Джексон продолжал помогать детям со всего мира, безгранично творя добро. Однако в то же время он сильно изменился: стал меньше доверять людям, улыбка заметно реже появлялась на его лице. Его творчество также поменялось: теперь артиста намного больше стали волновать темы свободы, несправедливости и угнетения личности.

К несчастью, «страшный сон» вернулся к Майклу в 2003 году и имел более разрушительные последствия, чем 10 лет назад.

Глава 2. Дело Арвизо

Если бы вы знали, как редко нас правильно понимают, вы бы чаще молчали.

Gême

Аннотация

Во второй главе речь идёт о втором обвинении Майкла Джексона в растлении, которое, в отличие от первого, было доведено до суда и рассматривалось под прицелом всего мира. Вторым обвинитель — мальчик Гевин Арвизо — познакомился с певцом во время своей болезни. Он и его семья получали от Майкла всяческую поддержку, однако в 2003 году Арвизо выступил с обвинениями — ровно через 10 лет после Джордана Чандлера. Это событие ознаменовало для Джексона начало конца: полный крах репутации, которую он так хотел восстановить, падение творческой популярности. Новое испытание он, с одной стороны, прошёл — суд его оправдал, а с другой стороны, проиграл — общество осудило Джексона ещё до суда и вердикт не изменил мнения людей.

Основные участники событий, изложенных во второй главе:

- Гевин Арвизо — обвинитель Майкла Джексона в 2003 году, сын Джанет Арвизо, старший брат Стара Арвизо;
- Стар Арвизо — младший брат Гевина Арвизо, сын Джанет Арвизо;
- Джанет Арвизо — мать Гевина, Стара и Дэйвеллин Арвизо;
- Дэйвеллин Арвизо — старшая сестра Гевина и Стара Арвизо, дочь Джанет Арвизо;
- Дэвид Арвизо — первый муж Джанет Арвизо, отец Гевина, Стара и Дэйвеллин Арвизо;
- Джей Джексон — второй муж Джанет, отчим Гевина, Стара и Дэйвеллин Арвизо, майор ВВС США;
- Мартин Башир — журналист, взявший у Джексона серию интервью и снявший фильм «Жизнь с Майклом Джексон» (*Living with Michael Jackson*), давший почву для возникновения вымышленной базы доказательств педофилии Майкла Джексона и возникновения судебных разбирательств;
- Дитер Визнер — бизнес-партнёр Майкла Джексона, «сообщник-немец»;
- Рональд Коницер — бизнес-партнёр Майкла Джексона, «сообщник-немец»;
- Фрэнк Кассио — помощник Майкла Джексона, друг, его «сообщник»;
- Винсент Амен — помощник Майкла Джексона, его «сообщник»;

- Марк Шаффель — бизнес-партнёр Майкла Джексона, продюсер, его «сообщник»;
- Том Снеддон — главный прокурор округа прокуратуры Санта-Барбары;
- Рон Зонен — прокурор округа прокуратуры Санта-Барбары;
- Гордон Очинклосс — прокурор округа прокуратуры Санта-Барбары;
- Томас Мезеро — главный адвокат Майкла Джексона;
- Роберт Сэнгер — адвокат Майкла Джексона;
- Марк Герагос — главный адвокат Майкла Джексона, предшественник Томаса Мезеро.

Перед тем как приступить к рассказу о событиях 2003—2005 годов, необходимо проанализировать те факторы, которые привели к ним.

Ко времени знакомства со вторым обвинителем, Гевинот Арвизо (лето 2000 года), Майкла уже нельзя было встретить, как раньше, в компании с другими детьми. Радость в общении с друзьями младшего возраста ему заменили родные дети (Принс и Пэрис)²⁴. Но ужас, который артист пережил в 1993 году, не ожесточил его сердца; как и раньше, если Майкл узнавал, что с ребёнком случилась беда, он никогда не мог пройти мимо и принимал непосредственное участие. Сейчас это невероятное чувство эмпатии певца искажают и

²⁴ Сын Майкла Бигги родился в 2002 году.

преподносят как стремление загладить свои грехи, не обращая внимания ни на слова артиста, ни на его действия, ни на добрые отзывы самих детей, с которыми он дружил, ни на мнение взрослых, которые имели возможность наблюдать за этой дружбой. К сожалению, эта особенность Майкла, служившая ему радостью в жизни, стала и источником проблем.

Именно она была одной из причин недопонимания с первой супругой — Лизой Мари Пресли. «У неё не вызывало это (занятие благотворительностью. — *Прим. авт.*) трудностей, но у нас было несколько крупных споров, потому что она была собственницей по отношению к своим детям. Её дети были её основной заботой... а я говорил: „Нет, все дети — наши дети“, и ей не нравилось слышать это от меня» [78, 217], — признавался Майкл. В записях раввина Ботича Шмули мы находим сокровенные мысли певца о боли за детей всего мира: «Я прошёл через два тяжёлых развода, и я только что выбрался из второго. Даже когда был женат на этих женщинах, я шёл спать с болью. Мне было больно. Я плакал прошлой ночью перед сном и плохо спал. И я плакал, Шмули <...> и если ты не веришь, спроси Фрэнка (Кассио. — *Прим. авт.*). Фрэнк знал, как мне было больно. Я просто чувствовал всё горе детей, которые страдают, и мне было очень больно. Поэтому я пытался помочь любому ребёнку, которого я знаю и которому больно» [78, 214—215].

Самыми яркими примерами того, как Майкл отдавал любовь детям, являются истории Райана Уайта, Белы Фарка-

ша и Дэвида Ротенберга (Дейв Дейв). Их истории показывают, что журналистский нарратив о том, будто Майкл Джексон общался только с такими красивыми детьми, как Джорди Чандлер, Уэйд Робсон и Джеймс Сейфчак, абсолютно ложный.

Райан Уайт — мальчик, который страдал гемофилией и заразился ВИЧ-инфекцией во время переливания крови. Он стал изгоем в классе, ему пришлось уйти из школы, его притесняли соседи. Майкл предложил ему свою дружбу и был с ним до самого конца. В сети есть записи невинных телефонных разговоров звезды с подростком, от которых веет только душевным теплом: заметно, как по-отцовски нежно Майкл относится к больному мальчику. Безусловно, певец знал, что Райан обречён, но всего за несколько месяцев до его ухода в мир иной он исполнил его желание — подарил красный кабриолет «Мустанг». Когда Майкл заехал к Уайтам, чтобы выразить свои соболезнования по поводу кончины сына, во дворе стоял подаренный певцом «Мустанг», а плеер был остановлен на песне «Человек в зеркале» (*Man in the mirror*). «Понимаете, это такие моменты... Люди понятия не имеют об этой стороне натуры Майкла Джексона», — вспоминала мама Уайта спустя годы [79].

История Белы Фаркаша была рассказана самим Майклом в его домашнем видео. Будучи с супругой Лизой Пресли в поездке в Будапеште в 1994 году, во время посещения госпиталя Майкл увидел малыша, имеющего очень болезнен-

ный вид. Он оказался сиротой: мать отказалась от него из-за того, что он с рождения был обречён. Майкл твёрдо решил спасти ангельского ребёнка, которому срочно требовались печень и дорогостоящее лечение. В итоге он не только нашёл орган для трансплантации, но и постоянно оплачивал лечение в течение 10 лет. Майкл продолжал общаться с Белой до своей смерти, посылал ему разные подарки, Бела отвечал стихами и открытками. Во время встречи в 1996 году мальчик признался, что Майкл стал ему как отец: «Ты мне как папа. Благодаря тебе я родился во второй раз» [79]. Смерть певца в 2009 году Бела воспринял как личную потерю.

Дэвид Ротенберг в возрасте шести лет пострадал от жестокости своего отца, который облил его бензином. У ребёнка сгорело 90% кожи, он стал уродом. Никто не хотел на него смотреть и прикасаться к нему. Как только Майкл узнал о трагедии, он связался с мальчиком и окружил его своей добротой и заботой. Дэвид всегда ценил, что певец обращался с ним, как с человеком с обычной внешностью: мог и целовать, и обнимать, не отводя глаз, как это делали все другие. Как и в случае с Белой, они общались до кончины Майкла, и Дэвид также считал певца своим отцом.

Гевин Арвизо мог стать в один ряд с этими и многими другими детьми, которые были просто благодарны артисту за спасение жизни или постоянную поддержку. Однако жадность и бесстыдство, свойственные его семейству, разрушили жизнь Майкла Джексона, а Гевина сделали единственным

ребёнком, которого артист ненавидел (согласно книге Рэнди Тараборелли).

Итак, Майкл познакомился со вторым обвинителем летом 2000 года. Гевин Арвизо — десятилетний мальчик, который страдал от тяжёлого онкологического заболевания и имел желание познакомиться с Майклом Джексонем. Это желание помог ему осуществить друг семьи — бизнесмен и комик Джейми Массادا, который являлся основателем клуба «Фабрика Смеха» (*Laugh Factory*); этот клуб посещал мальчик. Сначала Майкл звонил Гевину (около 20 раз), помогая ему душевно восстанавливаться после химиотерапии, удаления почки и селезёнки. Несколько раз они были на ранчо, где Майкл лично возил Гевина в инвалидной коляске. В одну из ночей Гевин и его брат Стар ночевали в комнате Майкла. Описание того, как это вышло, мы находим в книге Фрэнка Кассио «Мой друг Майкл»: «Наступила ночь, когда Гевин и его брат Стар стали умолять Майкла позволить им спать с ним. „Мы можем спать в твоей комнате эту ночь? Можем спать в твоей кровати?“ — умоляли мальчики. „Моя мама сказала, что для неё это нормально, если ты согласен“. <...> Майкл, которому всегда тяжело было говорить „нет“ детям, ответил: „Конечно, нет проблем“, но подошёл ко мне. „Она спихивает на меня своих детей“, — сказал он обеспокоенно. У него было дурное предчувствие». Фрэнк попытался отговорить детей от идеи, но они продолжали просить. Затем к Майклу подошла мать детей — Джанет Арвизо: «„Они

действительно хотят остаться с тобой. Я не против“. Майкл смягчился. Он не хотел расстраивать детей. Его сердце противоречило его разуму, он полностью осознавал риски. Он сказал мне: „Фрэнк, если они останутся в комнате, ты останешься со мной. Я не доверяю этой матери. Она испорченная“» [12, 269].

После данного события Майкл стал постепенно отдаляться от семьи Арвизо. По словам Гевина на суде, он в течение двух лет не видел Майкла после наступления ремиссии. Тем не менее певец не переставал помогать им: семья могла находиться в Неверленде сколько угодно, Гевину было разрешено делать там переливание крови, также Майкл подарил им белый фургон и компьютер (которые были возвращены певцу, когда сломались). Майкл и Гевин встретились вновь на съёмках фильма «Жизнь с Майклом Джексон» (*Living with Michael Jackson*) осенью 2002 года.

Начало 2000-х годов не было простым для Майкла Джексона. Здоровье было подорвано: певец уже давно страдал от бессонницы и принимал лекарства, чтобы уснуть. Кроме этого он принимал сильнейшие обезболивающие препараты. Частично это было вызвано несчастным случаем в Мюнхене в 1999 году, когда во время концерта Майкл чуть не погиб (мост, на котором стоял артист, упал с высоты, и Джексон тогда сильно повредил спину, но допел «Песню Земли» (*The Earth song*) и даже смог исполнить ещё «Ты не один» (*You are not alone*), несмотря на сильные боли).

Сильные душевные переживания и постоянный стресс только сильнее провоцировали развитие физических болезней: в 2001 году Майкл из всех сил боролся с корпорацией «Сони» (*Sony*) за продвижение своего нового альбома «Непобедимый» (*Invincible*). Тот же Фрэнк Кассио был свидетелем тех событий. Однажды он встретил своего друга с семьёй на вокзале в ужасном состоянии: Майкл не мог пошевелиться. Фрэнк никогда за всё время знакомства не видел певца в таком виде. Когда артист пришёл в себя, то признался, что выпил <транквилизатор> и запил его водкой. Он испытал огромный стресс из-за того, что звукозаписывающая компания «Сони», с которой он выпускал альбом, отказалась его дальше рекламировать, а его управленческая фирма не прикладывает усилий, чтобы воздействовать на неё. Певец был уверен, что его компания и лейбл вступили в сговор, чтобы отобрать у него права на каталог «Битлз» (*Beatles*), который он приобрёл в 1985 году («Сони» владела половиной каталога и имела права выкупа второй половины). Конфликт между артистом и корпорацией зашёл далеко: 15 июня 2002 года на мероприятии «Киллер Триллер Фэн Пати» (*Killer Thriller Fan Party*) в Лондоне Майкл Джексон обвинил главу «Сони» Томми Моттолу в расизме в отношении чернокожих артистов. Некоторые считают, что эти речи могли стать одной из причин для возникновения могущественного заговора против певца (в заговоре был уверен и Майкл).

Не прекращались издевательства со стороны прессы.

Джексона называли странным, эксцентричным, постоянно обсуждали его внешность. Тема обвинений также часто всплывала. Например, в 1999 году знаменитый сейчас английский журналист Пирс Морган взял у Майкла интервью. На вопрос, смог бы он когда-нибудь нанести ребёнку вред, Майкл со слезами произнёс слова, которые повторит через три года в связи с новым обвинением: «Я бы скорее <способ самоубийства>. Никогда бы не смог» [83]. Есть и другие слова Майкла, они определяют роль детей в его жизни и в контексте трепетного отношения звучат вполне закономерно: «Если бы не дети, я бы сдался. Я бы покончил с собой. Я бы не хотел жить. Они дают мне вдохновение, они дают мне его... они вдохновляют меня. <...> Всё, что я делаю: каждую песню, которую я пишу, танец — всё, что я делаю, — они пытаются использовать это против меня, и это просто так несправедливо. Я очень расстроен из-за этого» [83].

Итак, к 2002 году Майкл был уже сыт по горло образом, который имел в обществе благодаря СМИ: фрик, урод, растлитель малолетних. Он искал честного журналиста, которому смог бы довериться и показать себя настоящего, ничего не утаивая. Одиннадцатого июня певец через друга-фокусника Ури Геллера познакомился с журналистом Мартином Баширом. Башир очаровал Майкла разговором о принцессе Диане, у которой когда-то тоже брал интервью. Диану Майкл обожал и, как признался Шмули Ботичу, был в неё влюблён. Её гибель стала шоком для артиста. Певец всей душой дове-

рился журналисту и решил с ним создать фильм «Жизнь с Майклом Джексон»²⁵. Башир получил уникальный доступ к личной жизни Майкла: посещал Неверленд, общался с его детьми, ездил с ним в поездки в течение восьми месяцев.

К сожалению, излишняя доверчивость снова подвела Джексона: как человек, который всю жизнь был очень внушаемым, он не мог предположить, что его открытость с, казалось бы, порядочным журналистом обернётся для него новой катастрофой в жизни.

Во время просмотра фильма не исчезает чувство, что Майкл вывернул свою душу наизнанку, говоря о тревожащих его душу вещах — об одиночестве, о славе, о желании вечно оставаться молодым в душе, о сострадании к детям, о своей любви к ним, о желании усыновить как можно больше детей со всех континентов, об отношениях с отцом и детстве и, по роковому стечению обстоятельств, о ненависти к журналистам. Ни одному журналисту Майкл настолько не раскрывался. При этом Башир всё время ставил его в неловкое положение, пытаясь выудить всё больше личной информации, из-за чего Майкл не всегда был честен. Например, журналист расспрашивал певца о пластических операциях. Приведём факт, подтверждающий крайнюю болезненность этой темы для Джексона. В 2001 году у певца случился нервный

²⁵ Хотя режиссёром фильма выступила Джули Шоу, автором идеи, главным интервьюером и повествователем стал Мартин Башир. Именно его имя прочно ассоциируется с данным проектом, поэтому в дальнейшем мы будем ссылаться на него как на фильм Башира.

срыв в связи с тем, что режиссёр клипа для альбома хотел загримировать его нос краской, чтобы тот казался больше. Майкл тогда спрятался в ванной и разнёс её, после чего долго плакал. Неудивительно, что певец, скорее всего, был не совсем искренен в этом вопросе, стараясь приуменьшить количество операций.

В сентябре в Неверленде состоялись съёмки фильма Башира, в которых участвовал Гевин Арвизо. В кадре мальчик, держась за руку Джексона, самодовольно рассказывал, какой Майкл добрый, как он помог ему во время болезни и как они спорили на тему того, кто будет спать на кровати, а кто на полу в его спальне.

В итоге Майкл якобы сказал фразу, которую сейчас истолковывают как «признак педофилии»: «Если ты меня любишь, на кровати будешь спать ты». При этом сам Джексон спал на полу. Речи о том, чтобы в спальне также находился Фрэнк Кассио, не было. Данная сцена вызвала сумбур в прессе — были написаны сотни негативных статей, и сейчас эта сцена также популярна у хейтеров. Никого не заботит, что эпизод был подстроен Баширом. По словам журналистки Афродиты Джонс, присутствующей на суде Джексона и написавшей книгу «Заговор» (*Conspiracy*), именно Башир настоял на том, чтобы в кадре оказался определённый мальчик (с которым певец был знаком относительно недавно), и лично срежиссировал сцену, в которой Гевин держался за руку певца, положив голову на его плечо.

В последнем интервью, которое певец дал Мартину Баширу, также затрагивалась тема детей. Майкл беззаботно рассказал, как в его спальне спали Маколей Калкин с братом и как они просыпались вместе и любовались закатом. «Когда ты приглашаешь детей в спальню, ты никогда не знаешь, что произойдёт», — взгляд Башира говорит о том, что он искренне не понимает, как это возможно, чтобы сорокачетырёхлетний мужчина делил свою кровать с чужими детьми. Позиция Майкла разительно отличается: «Когда ты говоришь „кровать“, ты думаешь о сексе, ты подразумеваешь секс. Здесь нет ничего сексуального. Мы просто ложимся спать, я подтыкаю им одеяло, включаю тихую музыку, читаю книжки. Горит камин, я приношу им горячее молоко, мы едим печенье, и это очаровательно! Весь мир должен делать это...» [84]. Вот так певец без стеснения выразил свою неординарную позицию.

Девятнадцатого ноября Майкл совершил ещё одну роковую ошибку, которая возбудила общественность. В Берлине, куда он приехал с тремя детьми, он увидел под окнами гостиницы море фанатов, как всегда желающих видеть своего кумира. Поддавшись чувству, он решил показать им своего малыша. Майкл крепко держал Бланкета (сейчас Бигги) под мышки, но, поняв, что ноги сына свисают за балкон, быстро ретировался. Артист понял, что совершил большой промах, и был расстроен. Он знал, что СМИ опять будут показывать его в ужасном свете, и был прав. На каналах этот

эпизод крутили по несколько раз, акцентируя внимание на том, как безответственно Майкл подверг опасности жизнь своего ребёнка. Специально показывая момент в замедленной съёмке, они создавали впечатление, что артист чуть ли не намеренно хотел убить своего сына, хотя на самом деле эпизод длился буквально секунду. Мартин Башир, к несчастью, также присутствовал в Берлине. Этот эпизод будут называть позже «балконным инцидентом». На следующий день Башир сопровождал Майкла с детьми в Берлинском зоопарке. В фильме Башир (за кадром) выражает беспокойство по поводу этого посещения (Майкл с детьми «попали в лапы папарацци») и потом спрашивает певца, не лучше ли было бы для безопасности детей отправить их в зоопарк вместе с телохранителями или с няней, добавив при этом, что Принса кто-то ткнул в глаз. «Если что-то случится, лучше пусть это будет по моей вине» [84], — ответил Майкл. Башир в фильме специально не говорит о том, что Майкл был обманут (зоопарк обещали закрыть для его визита, но этого не было сделано): журналист показал Джексона безответственным отцом, ещё усугубив отрицательное отношение к нему в обществе. Башир не только не сделал облик Джексона более привлекательным, но, напротив, максимально прибрилизил судьбу человека к краю пропасти. Он целенаправленно создал тот образ Майкла Джексона, каким его хотели видеть журналисты: странный человек, который себя обезобразил; безответственный, одержимый детьми человек, име-

ющий странную привычку позволять всем незнакомым детям оставаться в своей спальне. «Неверленд — опасное для детей место» [84], — говорил в фильме Башир за кадром, убеждая всех в мире, что Майкл Джексон — монстр. Майкл после подписания контракта с Мартином постоянно повторял, что решающее слово будет за ним, и был уверен, что фильм должен показать его настоящим. В действительности Башир исчез, так и не дав герою своего фильма посмотреть, что общество узнает о нём.

То, что покажут в фильме, волновало сотрудников и друзей Джексона; из Великобритании, где 3 февраля — на три дня раньше, чем в Америке — состоялась премьера фильма «Жизнь с Майклом Джексон», им позвонили, чтобы предупредить: на артиста надвигается буря. Плохие вести доносились до Майкла, но он от них отмахивался.

Шестого февраля 2003 года Майкл смотрел фильм со своим менеджером Дитером Визнером. «И он просто сломался, таким я его никогда раньше не видел. Он не мог поверить, что что-то подобное могло произойти снова. Он выглядел так, как будто собирался умереть. Он не мог говорить. Он не мог произнести ни слова» [77, 28], — таким запомнился Визнеру Майкл после просмотра «шедевра» Башира.

Фильм имел ошеломительный отклик в прессе и обществе. Сайт «Смокинг ган» в день эфира опубликовал заявление Джордана Чандлера от декабря 1993 года, очевидно полученное через окружного прокурора Снеддона; оно до

сих пор есть в Сети. В тот же день Снеддон распространил пресс-релиз, в котором призвал всех, кто считает себя возможной жертвой или располагает достоверной информацией о возможном преступлении, обращаться на горячую линию Департамента социальных служб или в Управление шерифа округа Санта-Барбара.

Майкл был совершенно опустошён. Его приближённые озадачились вопросом, как помочь певцу. Друг и деловой партнёр Марк Шаффель взял ситуацию под контроль. Спасло ситуацию то, что разговоры с Баширом снимал и собственный оператор Майкла — Хамид Мослехи (журналист его не контролировал). Шаффель подписал контракт на фильм-опровержение с частями, которые были выкинуты Баширом, куда хотели включить также интервью с семьёй Арвизо. Фильм-опровержение должен был развеять тягостное, мрачное впечатление от фильма английского журналиста.

Съёмки интервью проходили ночью с 19 на 20 февраля. Сидя перед камерой, семья из четырёх человек (Гевин, его сестра Дэйвеллин, брат Стар и мать Джанет) восхваляла Майкла Джексона. Гевин воодушевлённо вспоминал, как он познакомился с артистом и что он при этом чувствовал. Также Гевин поделился впечатлением о ночи, которую он провёл в огромной королевской кровати Джексона, упомянув, что сам хозяин спал с другом Фрэнком на полу. Джанет говорила о том, что взаимоотношения между Майклом и её

сыном «начались из боли (болезнь Гевина. — *Прим. авт.*) и развились во что-то совершенно чудесное». Она говорила о Майкле как об отце мальчика, ей вторил Стар: «На самом деле он был нам роднее, чем наш биологический отец» [114, 28]. Таким образом, вроде бы для Майкла тогда ничего ещё не предвещало беды.

Пока окружение Джексона пыталось поднять моральный облик артиста в обществе, началось расследование полиции: 20 февраля, наутро после съёмок интервью в поддержку Джексона, к семье Арвизо пришли люди из Департамента Лос-Анджелеса по делам детей и семьи (*DCFS*), потому что учитель Гевина написал заявление о растлении своего воспитанника после просмотра фильма Башира. Члены семьи продолжили защищать Майкла. Примерно в то же время адвокат Глория Оллред и психиатр Кэрол Либерман после просмотра фильма Башира подали независимые жалобы на Майкла Джексона. Все жалобы в результате расследования не были удовлетворены. Дело было закрыто.

В итоге интервью семьи в фильм не вошло, но и без этого получилась достойная работа: фильм «Майкл Джексон, дубль два: кадры, которых вы никогда не должны были увидеть» (*The Michael Jackson Interview The Footage You Were Never Meant To See*) уменьшил часть негатива по отношению к артисту и принёс хорошую прибыль, поэтому с компанией «Фокс» (*Fox*) был заключён второй контракт — на создание фильма «Домашние фильмы Майкла Джексона» (*Michael*

Jackson's Private Home Movies). В нём Майкл лично показывал видео из своего домашнего архива, рассказывая о себе. Действительно, когда смотришь на эти кадры, не отпускает мысль, что Джексону изначально надо было сделать нечто подобное, не полагаясь на недобросовестных людей. Майкл по-домашнему вспоминал детство, триумф с альбомом «Триллер» (*Thriller*), знакомство с принцессой Дианой, снятое на видео веселье с Маколеем Калкиным; при этом его душевную тревогу явно выдавали грустные глаза, которые оставались такими, даже когда он широко улыбался, — до грома среди ясного неба оставалось полгода.

Плохие для звезды события завертелись в феврале 2003 года, когда Джанет Арвизо познакомилась с адвокатом Уильямом Дикерманом. Причинами найма в следующем месяце стали возвращение предметов одежды, мебели и документов из хранилища, куда они были помещены на время проживания семьи в апартаментах Майкла Джексона, а также стремление избавиться от назойливого внимания СМИ после выхода фильма Башира. В мае Уильям Дикерман познакомил Джанет с Ларри Фельдманом — адвокатом семьи первого обвинителя Майкла. Мы не можем знать, что перевернулось в сознании Арвизо при знакомстве с юристом, который вёл дело Чандлеров, но вскоре Гевин обвинил Майкла в растлении. Свою историю он впервые рассказал 29 мая психиатру Стэнли Катцу, который также участвовал в деле Джорди (именно Катц дал заключение, которое, видимо,

устроило Эвана Чандлера, в отличие от заключения психиатра Гарднера).

Однако Фельдман и Кац не спешили писать доносы. Только 12 июня психиатр сделал устное заявление в Департаменте по делам детей и семьи, а на следующий день Ларри Фельдман сообщил об обвинениях, выдвинутых Арвизо в Управление шерифа Санта-Барбары.

Тем временем Майкл жил своей обычной жизнью, не подозревая, что механизм роковой «машины» против него уже запущен. С 25 октября Майкл находился в Лас-Вегасе, где отметил Хэллоуин с семьёй, посетил концерт Селин Дион, побывал на церемонии награждения «Чарити Эвордс» (*Charity Awards*), где представил клип на песню «Что ещё я могу дать?» (*What more can I give?*).

Семнадцатого ноября Майкл снимался в клипе на песню «Ещё один шанс» (*One more chance*). Данная работа должна была открыть для Майкла Джексона новые горизонты. По словам менеджера Дитера Визнера, певец больше не хотел заниматься музыкой: его мечтой была работа, связанная с кино. Выпуском клипа он хотел закрыть кредитные обязательства перед «Сони» и «Си-Би-Эс» (*CBS*). После отъезда из Лас-Вегаса Майкл должен был отправиться в большой рекламный тур по Южной Америке, Европе и Африке. Но этого не случилось, потому что на следующий после первого съёмочного дня день его размеренная жизнь прервалась: на ранчо Неверленд нагрянул рейд полиции в количестве

70 человек. Знаменитые кадры с вертолётom облетели тогда весь мир. Снова были осмотрены личные покои певца, только с ещё более разрушительными последствиями. Во время обыска было изъято много вещей, среди которых простыни, бутылки, огромное количество книг, журналов и так далее. Однако если в 1993 году в шкафу якобы были обнаружены две книги, которые обвинители любят называть детской эротикой (подробнее о книгах позже), то здесь добычи для полиции было ещё меньше. Следователи не нашли того, что обычно находят у серийных педофилов, — детской порнографии. В большинстве случаев в материалах детей не было вообще.

Ужасную новость Майклу сообщил Дитер Визнер. «Майкл сидел в своей комнате, у камина. Когда я вошёл, он молчал. Я сказал ему о том, что случилось, а это очень нелегко было — сказать Майклу такие вещи, поскольку он был в отличном настроении. Он наконец-то видел будущее. Когда возникла ситуация с Баширом, он был в депрессии. А теперь всё изменилось, и Майкл был готов делать что-то новое <...> Я сказал ему: «Майкл, есть плохие новости, но, с другой стороны, есть и хорошие. Плохие новости в том, что на твоём ранчо сейчас полиция <...> Можно было видеть, как кровь отливает от его лица. Он был в глубоком шоке. Но я сказал ему: «Майкл, теперь у тебя есть шанс наконец-то всё исправить. Раз и навсегда, ты можешь всё исправить»». По воспоминаниям Визнера, Майкл плакал два дня — день и ночь, не

переставая. Девятнадцатого ноября он в истерике разрушил номер в гостинице, напугав детей. Когда он узнал, что обвинения пришли от семьи Арвизо, его обуяла ярость, и он произнёс: «Дитер, знаешь, а пусть они выведут этого парня куда-нибудь, пригласят всю прессу, и пусть он посмотрит мне прямо в глаза и скажет, что я действительно сделал это» [91].

Двадцатого ноября Майкл прилетел в Санта-Барбару, где сразу же сдался властям. Был арестован, но выпущен под залог 3 миллиона долларов после фотосъёмки и сообщения о выдвинутых против него обвинениях.

После того как на ранчо произошёл обыск, певец больше не воспринимал Неверленд как дом: покои были разгромлены, земля, которая 15 лет приносила ему радость, стала ассоциироваться с болью. Майкл с детьми и с няней переехал в арендованный дом в Беверли-Хиллз.

Двадцать пятого декабря Джексон дал знаменитое интервью Эду Брэдли. Будучи в болезненном состоянии, Майкл говорил о своей невиновности, о невинности детей, жадности взрослых, а также жаловался на плохое обращение с ним офицеров полиции (по его словам, полицейские вывернули ему плечо и заставили 40 минут сидеть в сортире, обманном фекалиями). Певец не только не отказался от своих убеждений, но и дополнил сказанное в фильме Башира. На очередной вопрос о разделении кровати с детьми Майкл ответил: «Конечно, если ты собираешься быть педофилом, если ты собираешься быть Джеком-Потрошителем, это нехо-

рошая идея... но я не являюсь им» и уточнил: «Я не спал в кровати, но даже если бы я спал в кровати, это нормально. Я не собираюсь делать что-либо сексуальное с ребёнком! Не это находится в моём сердце. Я бы скорее <способ самоубийства>. Это не Майкл Джексон, извините... Это кто-то другой» [92].

В марте начались заседания Большого жюри для вынесения обвинительного заключения. Важно отметить, что прокурор Снеддон запросил именно проведение заседаний Большого жюри вместо предварительных слушаний.

Есть существенные отличия:

- предварительное слушание обычно открыто для общественности и включает адвоката, прокурора и судью. Сторона защиты имеет право допрашивать обвинителя и представлять свои доказательства;
- заседания Большого жюри закрыты, в нём участвуют только члены жюри и прокурор; адвокат отсутствует на этих слушаниях. Прокурор должен предъявить обвинения и сообщить об оправдательных доказательствах, но последний пункт обычно игнорируется. Информация не может попасть в прессу, что выгодно для прокурора.

Таким образом, создаётся впечатление, что Снеддон не хотел, чтобы защита допрашивала мальчика до этапа судебного слушания: при проведении предварительного следствия информация о невиновности Джексона могла быстро

появиться в прессе, что для прокуратуры было нежелательно.

Во время заседания Большого жюри Гевин отказался от той версии, что сам просился спать у Майкла в спальне, и «провозгласил», что сам певец желал видеть ночью его у себя. Однако после окончания заседаний изменилось нечто более значимое: сроки растления! В первой версии период растления был с 7 февраля по 10 марта (это зафиксировано в первоначальной жалобе от 18 ноября), во второй версии — с 20 февраля по 12 марта. Это не просто забывчивость или ошибка. Время преступления поменялось после обнаружения обвинением, что Арвизо защищали Майкла на съёмках фильма-опровержения в ночь на 20 февраля и в беседе с сотрудниками Департамента 20 февраля.

Очевидно, было бы совсем идиотично для обвинителей защищать растлителя, который занимается сексом с Гевинком уже в течение двух недель. К тому же на суде выяснилось, что предполагаемого преступника и на ранчо часто не было (20 февраля Майкл был в Майами). Соответственно, поменялась и версия, объясняющая, почему в тот день семейство Арвизо отрицало обвинения, когда их допрашивали служащие Департамента по делам детей и семьи Лос-Анджелеса. Изначально братья утверждали, что они защищали артиста, потому что боялись его и Фрэнка Кассио из-за угроз (якобы Майкл даже угрожал их убить); а поздняя версия, представленная на суде, гласила, что Арвизо выступили в защиту, по-

тому что домогательства ещё не начались! На факте изменения версии само собой концентрировалась сторона защиты, так как с трудом можно представить, что преступнику пришла мысль приставать к подростку в день, когда официально началось расследование против него.

Двадцать первого апреля 2004 года Майклу Джексону было официально предъявлено обвинение, связанное с похищением ребёнка (с 1 февраля по 31 марта) в преступном сговоре, в котором участвовали его сотрудники (Винсент Амен, Фрэнк Кассио, Рональд Коницер, Дитер Визнер, Марк Шаффель); в незаконном лишении свободы семьи Арвизо и в развратных действиях по отношению к ребёнку 14 лет (попытка склонить его к сексуальному акту); в применении опьяняющего вещества для содействия совершению вышеуказанного уголовного преступления. Также был абсурдный пункт с обвинением Джексона в вымогательстве. Всего было 14 пунктов обвинения: 10 тяжких нарушений и четыре средней тяжести.

После оглашения заключения Снеддон подал ходатайство о разглашении стенограмм заседаний Большого жюри. Защита в лице Томаса Мезеро ответила своим ходатайством о требовании не обнародовать стенограмм до начала суда, потому что информация из них могла повредить Джексону (как раз в это время шёл отбор присяжных, и чтение ими стенограмм могло повлиять на их непредвзятость). Судья Родни Мелвилл одобрил требование защиты, однако в первый же

день отбора жюри транскрипты были переданы кем-то (явно из прокуратуры) в прессу. Конечно, показания тех, кто защищал Майкла, не были опубликованы.

До начала судебного разбирательства защита неоднократно подавала ходатайства, выражая недовольство тем, что сторона обвинения затягивает предоставление вещдоков в рамках процедуры «открытия». В первой половине 2004 года защита подала два ходатайства, напрямую касавшихся нарушения процедуры открытия (30 января и 14 мая 2004 года), а 26 мая подала отдельное «Ходатайство о понуждении» (*Motion to Compel*), поскольку обвинение продолжало задерживать материалы. В ответ прокуратура заявила, что вещдоки передаются по мере готовности, и приложила письмо от 12 марта, адресованное бывшему адвокату Майкла Марку Герагосу: «Я также сообщил Бобу Сэнгеру, что мы имеем 51 кассету, два видео и один диск с фотодоказательством, которое обсуждалось в среду... Боб может забрать это у моего секретаря в удобное ему время» [95].

Другим вопросом, затрагивающимся в обмене ходатайствами, было незаконное вторжение полиции в офис частного детектива Брэда Миллера, который работал на Джексона. В ответе прокурора, что они не знали о его работе на Джексона, содержалась наглая ложь, которая вскрылась позже, когда защита получила в руки «оперативный план».

В июле 2004 года защита Майкла Джексона обратила внимание суда на слова прокурора Тома Снеддона, прозвучав-

шие, по сообщению канадского журналиста Роберта Матаса, на закрытом заседании Национальной ассоциации окружных прокуроров в Ванкувере. Согласно этому сообщению, Снеддон говорил о практике рассылки писем людям, которых могли вызвать в суд в качестве свидетелей, что фактически удерживало их от общения с прессой. Защита сочла это возможной попыткой давления на тех, кто мог публично выступить в поддержку Джексона. Сам Снеддон отрицал, что его слова относились к делу певца, однако этот эпизод усилил обвинения защиты в предвзятости и злоупотреблении властью со стороны прокуратуры.

Третьего сентября защита потребовала от прокуратуры предоставить им все доказательства дела 1993 года, но обвинение обосновало отказ тем, что «доказательства не имеют отношения к текущему делу». Посмотрим документ, поданный судье защитой 16 сентября, в котором адвокаты певца говорят об ответе прокурора: «Запрошенное открытие имеет отношение к делу. Обвинение полагается на информацию, полученную в ходе предыдущего расследования, в том числе на письменные показания для оправдания обысков по этому делу. Этот материал также **может содержать оправдательные доказательства или, скорее всего, может привести к ним** <...> Стороны встретились, посоветовались, но зашли в тупик. Обвинение отказывается сделать это открытие» [96].

Таким образом, напрашивается вывод, что защита в лице

Мезеро была уверена в том, что из материалов дела 1993 года они могут вынести нечто полезное.

В целом изначально вырисовывается картина, показывающая, что Снеддон не собирался делиться с защитой материалами дела и даже не хотел использовать материалы прошлого дела в суде. Однако в январе обвинение выступило с ходатайством, в котором попросило предоставить присяжным материалы дела Чандлеров. Судья в тот момент не разрешил предоставить эти материалы, так как дело 1993 года не относилось к текущему делу. Однако через три месяца, когда уже был одобрен код №1108 (разрешающий привлекать вещдоки и свидетелей из прошлых дел), судья Мелвилл одобрил просьбу прокурора. Подробный анализ литературы, якобы найденной у Джексона, — позже.

Четвёртого декабря у подсудимого был взят тест ДНК. Это было сделано для исследования следов на вещдоках из дома обвиняемого. Хейтеров крайне интересуют результаты исследования веществ, найденных на матрасе и трусах; они яро настаивают на том, что найденное стопроцентно доказывает вину подсудимого, однако даже прокуратура не смогла из этих данных вывести что-то полезное для обвинения.

Итак, 18 ноября 2003 года при обыске были изъяты наматрасник, матрас, простыня и трусы. Согласно судебному документу (разговор полицейских), на наматраснике экспертами были обнаружены пятна, похожие на винные. Наматрасник ни в каких судебных документах больше не упоминал-

ся — видимо, ничего кроме виновных пятен там не нашли. На матрасе были «пятно крови и другие неизвестные типы пятен». В разговоре сотрудников полиции упоминалась сперма. Были обнаружены три мужских ДНК (одна — ответчика и две неопределённых). Кровь на матрасе также в документах больше не фигурировала, что говорит нам о том, что кровь принадлежала также обвиняемому или какой-то женщине. При этом из ответа Снеддона на ходатайство Мезеро мы знаем, что само обвинение отказалось использовать матрас в качестве улики. О простынях из спальни Джексона не было речи нигде; выходит, что они были абсолютно чистыми.

Из ходатайств сторон можно понять, что следствие не проводило исследования типа пятен; делался только анализ ДНК — то есть выяснялось, кто оставил эти следы. Ненавистники ссылаются на ответы прокурора, в котором он говорит об анализе спермы. Однако в ходатайстве защиты та же экспертиза называется анализом ДНК и указано, что «источники не определены». Если бы действительно проводилось исследование типа пятна, Снеддон обязательно указывал бы на это на суде, в других документах. Однако маловероятно, что на кровати в спальне мужчины будет отсутствовать сперма, учитывая и то, что Майкл с удовольствием предлагал её гостям, посещавшим его дом. В частности, мы должны учитывать, что во время обыска в его доме находились бывший маленький друг певца, тогда уже молодой человек, которого он считал почти членом семьи, — Омар Бхат-

ти с товарищами, которые наверняка были в покоях Майкла. ДНК брали только у жертвы и обвиняемого, несмотря на то что полиция заявляла о других предполагаемых жертвах: Уэиде Робсоне, Бретте Барнсе, Маколее Калкине, Джонатане Спенсе, Джеймсе Сейфчаке (все они тогда отрицали обвинения). ДНК истца и других членов Арвизо не было найдено ни на одном вещественном доказательстве, что очевидно является причиной того, что следователи не стали проводить экспертизы по выявлению типа пятна.

Исходя из ходатайства защиты, простыни и нижнее бельё подсудимого были изъяты из сумки для стирки в здании, которое находится довольно далеко от дома хозяина ранчо. На простыне были обнаружены следы ДНК неизвестного мужчины, на трусах — капля крови и <наркотическое средство>. В ответе на ходатайство защиты у обвинения вдруг вместо простыни с ДНК появились чужие трусы, которые они решили представить суду. Как так получилось, остаётся только догадываться.

Вот как об этом написано в ходатайствах обвинения:

- «ДНК на трусах предполагает, что Джексон хранил грязные трусы, принадлежащие другому мужчине, так же как он это сделал с трусами Гевина, что поддерживает показания Гевина. Мы намерены представить эти трусы и результаты ДНК» [97];

- «Одна пара трусов, изъятых из резиденции Джексона, имеет пятно крови. Кровь содержит <наркотическое сред-

ство> и <рецептурный препарат>. ДНК-профиль этого пятна принадлежит по факту подсудимому. Считают, что Джексон уже много лет как пристрастился к <рецептурный препарат>, и значительное число свидетельств поддерживают эту веру <...> Подсудимый предполагает, что пятно крови на его белье может быть результатом «медицинской инъекции», которую он получает от витилиго. Мы надёжно информированы, что нет лекарства от витилиго, которое вводится инъекцией. И это оправдание не объясняет <рецептурный препарат> в крови. Мы также будем просить представить свидетельства присутствия <наркотическое средство> на его трусах. <...> Самая вероятная причина того, что <наркотическое средство> был обнаружен на обоих образцах, — это то, что подсудимый выделил его с кровью и мочой. «Насколько под кайфом он был, когда забирался в кровать с теми двумя мальчиками за множеством закрытых дверей?» может быть самым актуальным вопросом <...>» [97].

Защита в лице Мезеро, безусловно, отметила в ответном ходатайстве абсурдность заявления Снеддона о том, будто чужие трусы могут служить доказательством слов Гевина Арвизо (якобы Джексон хранил его трусы у себя). Из этого документа мы узнали, что трусы певца с чистым <наркотическое средство> были обнаружены в здании Аркады и сторона обвинения умышленно это упустила. Действительно, непонятно, как чьи-то трусы, обнаруженные условно за километр от спальни Джексона, могут служить доказательством хране-

ния им трусов ребёнка.

По поводу крови на трусах обвиняемого адвокаты заявили следующее:

- « <...> Образцы крови, изъятые в ноябре 2003 года, через 8 месяцев после предполагаемых событий, не имеют никакой значимости. Использовал или нет мистер Джексон выписанный ему по рецепту <рецептурный препарат>, не имеет никакого отношения к обвинениям в феврале или марте 2003 года. Далее, свидетельства присутствия <наркотическое средство> на нижнем белье, изъятom из дома мистера Джексона, должны быть исключены. Во-первых, свидетельства были найдены спустя 8 месяцев после изучаемых событий. Во-вторых, нет утверждений, что мистер Джексон употреблял <наркотическое средство> во время предполагаемых событий или что употребление <наркотическое средство> имеет какое-либо отношение к обвинению в заговоре или к обвинениям в домогательствах. В-третьих, лабораторные данные прокуроров не подтверждают аргумента, который они желают представить присяжным <...> Согласно данным судебной экспертизы, на ткани нижнего белья и на пятне крови на нижнем белье был обнаружен настоящий <наркотическое средство>, но в крови мистера Джексона не было обнаружено никаких свидетельств употребления <наркотическое средство> (то есть метаболитов). Эти данные не свидетельствуют об употреблении <наркотическое средство> мистером Джексонem и не имеют отношения даже

к абсурдной теории прокуроров <...>» [97].

Информация о присутствии настоящего <наркотическое средство> на трусах певца наводит на мысль, что это не случайность. Как объяснили адвокаты в ходатайстве, чистый <наркотическое средство> не мог быть выведен обвиняемым: это научно невозможно. После попадания в организм человека <наркотическое средство> перерабатывается и уже не может выйти в первоизданном виде. Возникает вопрос: как он попал на трусы? Также важно учесть, что, несмотря на то что Снеддон в ходатайстве обвинил певца в употреблении тяжелейшего наркотика, он никогда не предъявлял ему обвинения в хранении <наркотическое средство>.

В итоге по результату заседаний суд принял сторону защиты, так как мы знаем, что ни одно из доказательств не было представлено в суде. Таким образом, идея ненавистников о том, что следы на матрасе являются красным флагом, была опровергнута самим прокурором, когда он решил не предоставлять их суду, а странная попытка ввести в качестве вещдока чужие трусы, скрыв при этом важную информацию о месте изъятия, свидетельствует о том, в насколько отчаянном положении были прокуроры.

Двадцать восьмого февраля состоялось первое заседание суда. Сначала судья Родни Мелвилл зачитал то, в чём обвиняют подсудимого; были оговорены все пункты с подробностями. Главным обвинением было то, что с 20 февраля по 12 марта Майкл Джексон несколько раз совершил непристой-

ный, похотливый акт с ребёнком до 14 лет.

После вступительной речи суда наступило время обмена вступительными заявлениями сторон: обвинения и защиты. Прокурор Том Снеддон произнёс красочную речь с эпитетами и сравнениями, чтобы убедить присяжных в том, что Джексон — хитрый и пошлый преступник: «Частный мир Майкла Джексона раскрывает, что вместо обсуждения перед сном детских книг и разговоров о Питере Пэне этот 44-летний мужчина делится с 13-летним Гевинном и 12-летним Старом своей коллекцией откровенных сексуальных журналов и разговаривает с Гевинном о мастурбации...» [101, 25]. Снеддон начал своё повествование с того, с чего всё началось: с фильма Башира, который, по его словам, произвёл на Майкла эффект, сравнимый с крушением поезда. Затем присяжные слышали, как певец обманул семейство, когда не упомянул, что интервью будет показано по мировому телевидению. В своей речи прокурор делал акцент на том, как певец добивался доверительных отношений, которые способствовали тому, чтобы дети называли его папой. Снеддон «провёл экскурсию» по Неверленду, представив ранчо воплощением зла, а потом рассказал, как певец мастурбировал перед мальчиками, говоря: «Это же естественно. Все делают это!» [101, 36]. Якобы Майкл показывал мальчикам журналы для взрослых, почти каждую ночь (когда был на ранчо) распивал с мальчиками алкогольные напитки и делил с ними постель. Прокурор подробно рассказал, что именно Стар

Арвизо увидел, когда случайно стал свидетелем растреления брата; затем изложил факты про конспирологический заговор Джексона и его сообщников по удержанию семьи около себя и их план об отправке семьи в Бразилию, чтобы спрятать концы в воду. В конце речи Снеддон описал состояние мальчика, со слов сестры Дэйвеллин, после окончательного возвращения с ранчо: Гевин якобы не хотел, чтобы кто-либо прикасался к нему, стал совсем для них чужим, — и ответственным за это объявил Майкла Джексона.

Затем слово взял адвокат подсудимого Томас Мезеро. Он сразу заявил, что семья Арвизо — мошенники и он собирается доказать это. Адвокат начал свой рассказ о том, как Джанет Арвизо обманула комика Луизу Паланкер. Мать мальчика попросила деньги на проживание и медицинские счета, не сказав, что эти расходы покрывает медицинская страховка; вскоре Паланкер узнала, что её деньги пошли на огромный телевизор и DVD-плеер. Далее Мезеро напомнил присяжным биографию Майкла и также рассказал про Неверленд, показав его местом, где певец мог отдыхать и помогать больным детям. Томас поведал присяжным о том, как Джексон помог подростку морально, когда тот был серьёзно болен: «Он отнял много времени у своей карьеры, чтобы помочь этому ребёнку и помочь его семье, так и не узнав, что была расставлена ловушка». [101, 75] Далее защитник подробно описал историю, которую обвинитель обошёл стороной, сделав замечание, что это была ошибка матери се-

мейства. В 1999 году Джанет Арвизо обвинила сотрудников безопасности магазина «Джей Си Пенни» (*J.C. Penney*) в побоях, в причинении ей эмоционального расстройства и в ложном заключении. Через год Джанет дополнила обвинения, заявив о сексуальном насилии со стороны сотрудников «Джей Си Пенни». Кроме того, она заявила, что и её дети стали жертвами побоев, а также незаконного заключения под стражу. Дело было урегулировано 24 сентября 2001 года: магазин заплатил семейству 152 500 долларов. Когда Джанет развелась с мужем Дэвидом Арвизо, она призналась сотруднице юридической компании, что врала о нанесённых побоях. Мезеро поведал, что мать Гевина также обвиняла бывшего мужа в домашнем насилии, хотя во время показаний по делу «Джей Си Пенни» отрицала всякие обвинения. Через некоторое время Джанет заявила полиции, что бывший муж растлевал их дочь, и выдвинула против него обвинения в лишении свободы её и детей. Таким образом, как заключил Мезеро, эти обвинения в насилии и в лишении свободы не были первыми от семьи Арвизо. Учитывайте, что это только самая малая часть того, что сообщил адвокат. Мезеро, конечно же, рассказал про названный период растления, опровергнув по ходу несколько тезисов прокурора. Томас пытался донести до присяжных мысль, что выбранное обвиняемыми время растления является самым неподходящим, учитывая, что именно в этот период на подсудимого охотилась полиция. Защитник коснулся также темы фильма Башира,

рассказав присяжным, как журналист обманным способом завладел доверием подсудимого: «Поскольку он музыкальный гений, поскольку он так хорошо известен, поскольку его считают таким успешным, люди всегда суетятся вокруг него, пытаясь влезть в его бизнес, пытаясь просто урвать что-то, что принесёт им славу и состояние» [101, 88]. Он подробно остановился на обмане Мартина Башира, который пытался лицемерием завоевать доверие певца. «Одна из вещей, которые я заметил в вас за последний год, — это ваши отношения с детьми <...> И я должен сказать вам, что я не знал вас раньше, но отношения с детьми у вас потрясающие. Я чуть не плачу, когда вижу вас с ними, потому что ваши отношения такие естественные, подразумевающие любовь и заботу, и каждый, кто вступает с вами в контакт, знает это» [101, 92], — именно это говорил журналист, пытаясь показать Майклу своё доброе отношение. Мезеро упомянул также видеоопровержение, которое, по словам Снеддона, было заранее сфабриковано, подготовлено: адвокат сказал, что на суде будет показана эта запись и присяжные сами смогут убедиться, что там не может быть сомнений в искренности чувств жертвы и его семьи. Таким образом, Томас Мезеро показал Майкла Джексона как беззащитного, доверчивого человека, которым все пользуются. На этом первое заседание завершилось.

На следующем слушании адвокат отметил, что Майкл не давал мальчикам алкоголя, потому что эпизод в самолёте, о котором говорил прокурор, — выдумка. Рассуждая о загово-

ре, Мезеро отметил, что никому из так называемых сообщников не было предъявлено обвинений: «Знаете ли вы, что единственный, кого они обвинили в заговоре, — это Майкл Джексон?» [102, 9]. Томас поведал, что идея обвинения, состоящая в том, что Майкл знал обо всём, чем занимались его сотрудники-заговорщики, и общался с ними каждый день, ложна. Эти люди имели доверенность от артиста на ведение бизнеса: «Майкл — артист, а не бизнесмен. Ему не нравится бизнес. Его не волнуют никакие формальности, надлежащие процедуры, подробные брифинги и так далее. Любой из этих элементов убивает его творческую энергию» [102, 11], — заявил Мезеро. Касательно шокирующего пункта обвинения в том, что исполнитель планировал вывезти семью Арвизо в Бразилию, адвокат заявил, что они действительно собирались туда лететь; Марк Шаффель убедил их совершить эту поездку, пообещав, что и Майкл будет там с ними. И Джанет была всеми руками за это — свидетели наблюдали её восторженное ожидание! Однако Джанет узнала, что сам Майкл в Бразилию не едет и вообще не собирается содержать их семью, поэтому отказалась от поездки. Она решила, что сотрудники Майкла сами хотели нажиться на его деньгах и решили на всякий случай отдалить её от певца. Защитник рассказал о творческой натуре артиста, представив его редким гением, необычным существом, которого многие люди не могут понять из-за своей приземлённости. Из-за постоянного творческого вдохновения певец не может часто за-

ниматься практическими делами, что делает его крайне уязвимым для мошенников. Томас упомянул, что в суде будут свидетели, которые подтвердят, что Майкл подписывал документы, даже не читая их.

Мезеро прочитал транскрипт беседы Фрэнка Кассио и Джанет Арвизо (она не знала, что разговор записывался) и таким образом опровергнул слова Снеддона о том, что Майкл заставлял детей называть его папой. Во время разговора мама мальчика, как и в видеоопровержении, восторженно говорила о Джексоне: «Если бы не было Майкла... если бы не Майкл, у нас бы не было образа отца в жизни» [102, 15]. В один момент Джанет осознала, что певец удаляется от них, совсем не воспринимает их как семью, и поэтому решила заработать деньги другим путём. Мезеро закончил вступительную речь на уверенном утверждении: «Дамы и господа, это будет долгий судебный процесс: вы увидите и услышите множество доказательств. Мы абсолютно уверены, что когда это произойдёт, вы признаете Майкла Джексона абсолютно невиновным» [102, 24].

После яркой речи защитника сторона обвинения получила право начать представлять своих свидетелей. Первым свидетелем дела 1 марта был журналист Мартин Башир. Когда Башир вошёл в комнату заседания, Кэтрин Джексон вышла оттуда: она не хотела смотреть в лицо человеку, который подставил её сына. Правда, вскоре она вернулась, но ей явно неприятно было смотреть на фильм Башира, прокручиваю-

щийся перед жюри в качестве вещдока.

Человек, который обманул артиста, не хотел свидетельствовать на суде. Он желал, чтобы его фильм послужил доказательством, но сам он предпочёл бы не смотреть в глаза Майклу и не отвечать на вопросы о нашумевшем фильме, так как понимал, какие вопросы ему будут задавать. Но Башир не смог избежать вызова в суд и теперь был вынужден стоять на месте свидетеля, избегая зрительного контакта с подсудимым.

В первую очередь журналиста попросили рассказать о себе и том, чем занимается телевизионный журналист. Башир поведал о своей работе в Соединённом Королевстве на канале «Би-Би-Си» (*BBC*). Затем начался показ, и присяжные увидели «внутренний мир» Майкла Джексона. Фильм был показан целиком, и, по впечатлению журналистки Афродиты Джонс, в душах присяжных он возбудил много эмоций. Присяжные увидели, как Башир пытался улестить Джексона, нахваливая его талант, доброту, родительскую заботу; было ясно, что он всеми силами пытался понравиться артисту. Для членов жюри открылся незнакомый, не «таблоидный» Майкл, который жаждет спокойствия и детских радостей в жизни. Им было очевидно, что певец так сильно доверился человеку, как никогда в жизни не делал. Доверился настолько, что осмелился показать ему своё любимое место — «дарующее дерево», куда он забирался и писал песни, сидя в одиночестве. Майкл в тот момент был похож на ребёнка, ко-

торый хвалится новой тайной игрушкой перед кем-то, кому доверяет. Он пригласил журналиста залезть наверх вместе с ним: «Это большой секрет. Я ещё никому не показывал моего „дарующего дерева“. Неужели ты не хочешь залезть на него?» [84] Башир отказался, такие детские забавы были ему не по душе. Он ещё больше удивился, когда Майкл сказал ему, что сексу он предпочитает бой водными шарами. Детская атмосфера, которая царила по всему дому Джексона, «шокировала» присяжных. Повсюду стоящие манекены, игрушки, картины с детьми: казалось, что нет даже особой роскоши, свойственной человеку с многомиллионным достатком. Кадры, где артист изливал душу, рассказывая о детстве — о применении насилия со стороны отца, — были тяжело восприняты членами семьи и самим Майклом. Во время показа эпизода с Гевинот Снеддон пытался привлечь внимание присяжных к тому, что мальчики спали в комнате Джексона. Безусловно, это смутило многих, и прокурор был крайне собой доволен. Мартин Башир, сидящий в зале, также выглядел крайне удовлетворённым и улыбался представителям прессы.

Прокурор был обрадован эффектом, который фильм произвёл на присяжных, поэтому отказался задавать свидетелю дополнительные вопросы. Когда настал черёд Томаса Мезеро провести допрос, выяснилось, что не все вопросы он сможет задать из-за того, что Башир привёл с собой юриста Теодора Бутро, отстаивающего его права и права канала «Би-Би-

Си». Большинство вопросов защиты были оспорены согласно закону Калифорнии о конфиденциальности информации. Мезеро был настойчив настолько, насколько мог, и выудил столько информации, сколько ему позволили. Адвокат задал Баширу вопросы, касающиеся работы на британском телевидении, чтобы показать присяжным, как «профессионально и честно» работал данный журналист:

Адвокат: Существует ли организация или административное учреждение, название которого чем-то напоминает Британский совет по стандартам вещания?

Мартин Башир: Есть организация, называемая «Комиссия по рассмотрению жалоб на вещание» <...>.

<...>

Адвокат: Были ли к вам применены санкции со стороны этой организации?

<...>

Мартин Башир: Комиссия по стандартам вещания не является юридическим органом, и у неё нет особых достоинств в правовом поле.

Адвокат: Тем не менее жалоба на вас как на журналиста была удовлетворена, верно?

Мартин Башир: Как я уже сказал, сэр, было подано три жалобы. Две ключевые жалобы были полностью отклонены. Из трёх жалоб одна была удовлетворена.

Адвокат: Давайте поговорим о том, которая была удовлетворена, сэр. На вас была жалоба, которая была удовлетво-

рена этим агентством, верно?

Мартин Башир: Была, сэр, да.

Адвокат: И на что они жаловались, мистер Башир?

Видимо, заданный вопрос поставил журналиста в ступор, ибо он не сразу ответил.

Мартин Башир: Речь идёт о чём? Вы имеете в виду конкретную программу? Извините, я не знаю, стоит ли... Извините, я прошу прощения... Вы спрашиваете меня о жалобе или об истории в репортаже, который я делал?.. [102, 37—38].

В итоге Башир поведал об удовлетворённой жалобе, которая касалась обвинения в том, что он не представил полной картины о человеке (к слову, именно это опять и случилось в передаче о Майкле Джексоне). Практически все вопросы касательно работы Башира с артистом были оспорены адвокатом свидетеля. Мезеро задавал вопросы, которые указывали на лицемерное поведение журналиста по отношению к Джексону, пытаясь получить подтверждение. Вот основные из них: писали ли вы ассистенту мистера Джексона, что хотели бы снять фильм с красивыми пейзажами, который поощрял бы всех нас снова стать маленькими детьми? Разрешили ли вы мистеру Джексону какой-либо редакционный контроль над этим фильмом? Вы написали помощнику мистера Джексона, что хотели бы показать Майкла с огромной группой детей, около 50, и чтобы они побыли в экстраординарном доме один день для того, чтобы их жизни ста-

ли интересней? Во время работы над фильмом, для лучшего контакта с мистером Джексон, вы сказали ему ложную информацию, что собираетесь с ним в поездку по Южной Африке, чтобы навестить в больнице детей? Чтобы получить интервью с мистером Джексон, вы сказали ему, что являлись другом принцессы Дианы?

Самым интригующим был вопрос про кровать:

Адвокат: Господин Башир, в программе, которую вы сделали и которую мы только что посмотрели, мистер Джексон сделал заявления о том, что в его постели не происходило ничего сексуального; верно?

Мартин Башир: Верно.

Адвокат: Чтобы получить интервью, которое у вас было с мистером Джексон, когда он делал это заявление, вы сказали ему, что его недооценили; верно? [102, 51].

На этот вопрос, как и на все остальные, журналист не ответил. Многие вопросы Мезеро задавал таким образом, что их нельзя было опротестовать, но Башир всё равно отказывался отвечать, ссылаясь на закон, защищающий журналистов. Эта «битва» защиты и свидетеля сильно раздражала всех на суде. Присяжные, не имеющие юридического образования, были в простратии. Майкл с отвращением смотрел на журналиста, предавшего его и отказывающегося отвечать на вопросы. В результате Томас Мезеро прекратил допрос свидетеля с условием повторного вызова, который не понадобился, так как основная цель адвоката была достигнута: члены

жюри поняли, что Башир завоевал доверие человека, обманул его, назвавшись другом леди принцессы Дианы.

Следующим свидетелем была Энн Мари Кайт (или Энн Гэбриел, как её зовут в профессиональном сообществе), которая должна была подтвердить обвинение в заговоре Джексона с сообщниками. Энн Кайт — специалист по связям с общественностью, нанятая командой Джексона через своего молодого человека Дэвида Легранда. Обязанностью Кайт была помощь в устранении последствий фильма Башира, «помощь в управлении имиджем». Во время допроса прокурором выяснилось, что Кайт действительно взаимодействовала с лицами, указывающимися в заговоре: с Коницером и Шаффелем. Также она была связана по работе с пресс-секретарём Майкла Стюартом Бакерманом и адвокатом по уголовным делам, предшественником Мезеро — Марком Герасом.

Допрос Энн Кайт продолжился на следующий день.

После того как мисс Кайт была нанята, Легранд заплатил ей 10 тысяч долларов авансом из 20 тысяч за месяц. Девушка рассказала о своём опыте работы в кризисном управлении: она высказала уверенность, что достойна занимать должность в команде Джексона, так как она способна создать комфортную для клиентов обстановку, тщательно анализировать как удачные, так и негативные результаты их деятельности и помогать им во всех вопросах. Кайт поведала, что когда она только говорила по поводу работы с Леграндом (с

27 января), то поняла, что в сторону Майкла Джексона льётся гора негатива и что главной её задачей будет попытаться отвлечь внимание общественности от Майкла и его человеческих слабостей. Фильм Башира, который вышел 6 февраля, ещё до её фактического найма на работу, был, по словам свидетельницы, катастрофой. Кайт консультировалась с фирмой «Белл Ярд» (Bell Yard Communications) (общественная организация по управлению кризисными ситуациями в Объединённом Королевстве), прорабатывала чёткий план «атаки» на общественность, чтобы защитить мистера Джексона. Однако вскоре после фильма в Сети появились публикации документов, касающихся дела против Джексона 1993 года (заявление Джордана Чандлера от 28 декабря 1993 года и статья «Говорящее пятно»). Кайт отметила, что это была уже «абсолютно невероятная катастрофа для мистера Джексона». Негативная информация появлялась во всех источниках: в интернете, газетах, телевизионных программах. Журналисты распространяли любые «факты» о Джексоне; дошло до того, что врачи-педиатры обсуждали, как Майкл кормит своих детей, смотря на кадры из фильма Башира. Свидетельница сказала, что считала Марка Шаффеля препятствием к достижению её цели — исправлению облика Майкла. Затем прокурор задал вопросы касательно создания фильма-опровержения. С трудом, из-за непрекращающихся возражений со стороны защиты, прокурор Очинклосс вывел у свидетельницы информацию про участие бывшей жены Майкла

— Дебби Роу.

Кайт поведала, что не была довольна фактом её участия, так как не была уверена, что Дебби может быть хорошим кандидатом для выполнения задачи. Когда Кайт сообщила, что Шаффель собирается заставить Роу говорить нужные вещи, прокурор был удовлетворён. Следующий вопрос обвинителя также был встречен отпором со стороны защиты: он касался электронного письма, отправленного свидетельницей Рональду Коницеру. Как сказал прокурор Очинкосс, содержание письма могло объяснить действия сообщников, связанные с негативным ореолом вокруг Майкла. В письме Кайт предупреждала, что в течение 72 часов появятся новые негативные новости о Майкле Джексоне, которые должны быть немедленно рассмотрены. В качестве вещдока была представлена и телефонная книга, где фигурировали имена «сообщников» и членов семьи Арвизо. Важными для стороны обвинения были слова свидетельницы о том, что она знала о проблеме с семьёй Арвизо. Кайт заявила, что 13 февраля ей позвонил Шаффель и с некоторой агрессией сообщил о том, что Джанет с детьми покинула ранчо; Кайт не поняла, что Шаффель собирается предпринять в ответ на это событие. В тот же день она получила звонок от того же сотрудника Джексона, в котором он отметил, что «ситуация была разрешена». Кайт призналась, что была обеспокоена этим событием, потому что «если кто-то забирает своих детей и покидает ранчо, то, должно быть, возникла какая-то проблема» [103,

62]. Она даже высказала своё беспокойство Легранду при звонке: «Не заставляйте меня верить, что на этих людей охотились как на собак, чтобы вернуть их на ранчо» [103, 65]. Далее присяжные узнали, что Энн, мягко говоря, не была довольна тем, как команда певца работала с проблемой кризиса: «Я думаю, что они оставляли мистера Джексона незащищённым, что негативно сказывалось на его имидже <...> Игнорировались вопросы, поднятые прессой» [103, 70].

Девушка была уволена 15 февраля без объяснения причин. Это случилось после того, как она должна была выступить с заявлением в поддержку Майкла на шоу «Акцесс Голливуд» (*Access Hollywood*), но недавно нанятый адвокат Джексона по уголовным Марк Герагос увёл её прямо со съёмочной площадки. На следующий день он попросил Кайт подписать конфиденциальное соглашение, но она наотрез отказалась это делать. «Я полагаю, это было сделано, чтобы заткнуть меня» [103, 77], — ответила Кайт на вопрос прокурора, почему она не подписала документа. После увольнения у свидетельницы состоялся разговор с Леграндом, в котором он якобы сказал, что не надо больше беспокоиться о Джанет, потому что у них есть записи и они выставят её «чокнутой шлюхой».

Ответный допрос свидетельницы Томасом Мезеро открыл новые для присяжных события и позволил посмотреть на случившееся с другой стороны. Сперва адвокат вспомнил представленную прокурором телефонную книгу: выясни-

лось, что там нет номера «руководителя заговора» — Майкла Джексона. Женщина призналась, что она никогда не видела его и даже не разговаривала с ним! Также Энн Кайт не связывалась с семьёй обвинителя. Она никогда не бывала в Неверленде и официально проработала на команду Джексона всего пять дней. Далее допрос адвоката помог присяжным уяснить, что Энн Кайт была ещё молодым специалистом, почти не имеющим опыта работы с таким сложным клиентом, как Король поп-музыки. На тот момент она являлась президентом компании «Вебкастерс Альянс» (*Webcasters Alliance*), которая занималась другой деятельностью — получением прав на трансляцию музыкальных произведений в интернете. До работы на Джексона Кайт имела только одного клиента, с которым работала как представитель по связям с общественностью; этот клиент не имел и сотой доли популярности Майкла Джексона:

Адвокат: Представляли ли вы кого-либо из знаменитостей до этого?

Энн Кайт: Да.

Адвокат: Кого вы представляли?

Энн Кайт: Что ж, я уверена, вы не сочтёте его знаменитостью, но он считает себя таковой. Это мистер Сильвер, Маршалл Сильвер, который живёт в Лас-Вегасе.

Адвокат: Кто он такой?

Энн Кайт: Он артист эстрады. Он также много сделал рекламных роликов. И он работал, вы знаете, на телевидение.

Он очень увлекался самогипнозом и подобными вещами.

<...>

Адвокат: Представляли ли вы кого-либо из других знаменитостей?

Энн Кайт: Нет, сэр, не так, как господина Сильвера.

Адвокат: На самом деле вы говорите, что он был единственной знаменитостью, которую вы представляли в качестве представителя по связям с общественностью?

Энн Кайт: Да, сэр, это верно.

<...>

Адвокат: Итак, вы сказали, что являетесь экспертом в кризисном управлении в СМИ; верно?

Энн Кайт: Вы спрашиваете меня, как я считаю?

<...>

Адвокат: Разве вы не сказали присяжным, что вы эксперт по кризисному управлению СМИ на данный момент?

Энн Кайт: Да, сэр.

Адвокат: Вы работали в кризисном управлении для мистера Сильвера?

Энн Кайт: Да.

Адвокат: Итак, на самом деле вы занимались кризисным управлением для одного человека, которого вы считаете знаменитостью, и это было до того, как вы присоединились к этой команде (Джексона)?

Энн Кайт: Для одного человека, которого я назвала бы знаменитым [103, 105—106].

Интересную информацию мы находим в показаниях Кайт полиции, которые были зачитаны адвокатом. Будучи подозрительной, она настояла на проведении исследования дел членов команды Джексона. В результате открылось, что Коницер с адвокатом Визнером совершили много дурных сделок и обманули людей на миллионы долларов, а лично Коницер уже присвоил себе 980 тысяч долларов из кармана мистера Джексона. Также любопытно было мнение Кайт о возможном заговоре со стороны корпорации «Сони»: она рассказала о том, что компания уже несколько лет нацеливается на приобретение остальной части каталога, принадлежавшей Майклу.

Адвокат: Вы сказали шерифам, что эти источники, являющиеся членами компании «Сони», сообщили вам, что они годами ожидают возвращения каталога «Сони» от Майкла Джексона, правильно?

Энн Кайт: Да, сэр, это верно [103, 171].

Томас Мезеро указал, что Кайт даже сделала громкое заявление о Коницере и Визнере, получающих деньги от корпорации для обеспечения падения Майкла Джексона, которое вынудит его продать каталог! Свидетельница отказалась подтверждать эти слова в суде.

Выяснилось, что дело Арвизо с точки зрения Кайт было сфабриковано с помощью Шаффеля и Коницера (о Визнере она тогда не слышала), но она не знала, был ли сам Майкл Джексон в курсе этого. Своими подозрениями она подели-

лась с полицией при допросе.

Адвокат: Вы сказали шерифам Санта-Барбары, что вы считаете, что Коницер, Визнер и Шаффель сфабриковали дело с Джанет Арвизо; верно?

<...>

Свидетельница отрицала, что она произносила фамилию Визнера.

Энн Кайт: Полагаю ли я, что они сфабриковали дело вместе с ней? <...> Да.

Адвокат: И это было вредно для Майкла Джексона, верно?

Энн Кайт: Да.

С другой стороны, свидетельница считала, что «сообщники» также что-то замыслили и против Джанет Арвизо:

Адвокат: И вы были обеспокоены тем, что Шаффель и Коницер также совершили какие-то действия и в отношении Джанет Арвизо, верно?

Энн Кайт: Да, сэр, это верно.

Адвокат: Итак, по сути, вы говорили шерифам, что считаете жертвами этих парней и Майкла Джексона, и Джанет Арвизо; верно? [103, 176—177].

Ответа на этот вопрос Мезеро не смог получить.

Также из зачитанного полицейского допроса мы узнаём, что Энн встречалась со старшим братом певца — Джермейном Джексоном. У них был длинный многочасовой разговор, в котором Кайт рассказала о сотрудниках Майкла, рабо-

тающих во вред ему. Свидетельница показала, что Джермейн не был согласен с оценками, которые она давала сотрудникам брата.

А говорила она многое, например:

Адвокат: Вы сказали Джермейну Джексону, что Майклу нужно быть рядом со своей семьёй и держаться подальше от таких людей?

Энн Кайт: Да [103, 214].

При повторном допросе со стороны прокурора затрагивались те же темы. Сторона обвинения уточняла информацию о сотрудниках Майкла Джексона. Прокурор спросил о том, говорили ли сотрудники певца ей напрямую, что собираются причинить вред начальнику; Кайт отрицала.

Также задавался такой вопрос:

Прокурор: В чём вы видите проблему того, что Майкл Джексон был связан с Шаффелем? Давайте рассмотрим, какая информация появилась в том месяце (в феврале 2003 года. — *Прим. авт.*).

Энн Кайт: Это была информация, что Шаффель был продюсером порнографических фильмов для геев [103, 259—260].

Такой же вопрос прокурор задал про друга адвоката певца — Эла Малника. Энн ответила, что в тот период вышли статьи, где мистера Малника назвали «мафиози»²⁶. Свиде-

²⁶ Он был адвокатом владельца казино и члена мафии Меера Лански, что абсолютно не указывает на то, что сам Малник — мафиози.

тельница подтвердила слова прокурора, что эта информация очень негативно отразилась на образе Майкла Джексона.

На повторном допросе целью Мезеро было установить, знала ли свидетельница что-либо о связях подсудимого с деятельностью сотрудников, которая неожиданно всплыла при повторном допросе прокурора. В заключение Кайт ещё раз подтвердила, что она никогда не видела Джексона рядом с этими людьми; она считала, что ему надо держаться подальше от них, так как они его эксплуатируют. На этом допрос Энн Кайт был закончен.

После ухода бывшей сотрудницы пиар-компании Джексона, в зал заседания вошёл Альберт Лаферти — помощник шерифа полицейского отделения Санта-Барбары, который был участником обыска в Неверленде 18 ноября 2003 года. Его задачами были: сделать фотографии и снять видео перед обыском с целью сохранить вид помещения до обыска; сделать аэросъёмку, чтобы задокументировать местоположение зданий ранчо и их вид; после ухода шерифа он также должен был задокументировать, как выглядели помещения ранчо после обыска. Любопытно, что в общем доступе нет фотографий, сделанных до обыска, но пресса получила фотографии, сделанные явно после обыска. Майкл говорил, что это место было осквернено, разрушено и поэтому больше не могло служить ему домом. Действительно, фотографии с обыска производят удручающее впечатление: всё перевёрнуто вверх дном, одежда на полу, ящики открыты, кровать

Джексона разрезана, крючки для полотенец оторваны, манекены находятся в странных позах. Удивительно, что ещё находятся ненавистники, которые утверждают, что эти манекены были в таком положении во время присутствия на ранчо хозяина и якобы певец жил в таком бардаке! Однако, как уже говорилось, Джексона около месяца (с 25 октября) не было на ранчо и его дом посещало огромное количество гостей (в том числе в его отсутствие), а спальня была открыта для многих (показания свидетелей на суде), и при этом никто не говорил о каких-то подозрительных позах манекенов.

Третьего марта для подсудимого настал ключевой момент. Время допроса обвинителей — семейства Арвизо.

Первой из семьи на место свидетелей села Дэйвеллин Арвизо (18 лет). Начался прямой допрос Томом Снеддоном. Сестра обвинителя рассказала, что они жили все вместе (пять человек) в восточном районе Лос-Анджелеса в одной квартире (свидетельница показала приблизительные размеры в зале, добавив, что площадь была небольшой).

Снеддон спрашивал о знаменитостях, с которыми познакомились члены семьи Арвизо в лагере «Фабрика Смеха»; это были Пол Родригес, Джордж Лопес и, как уже говорилось, Джейми Массادا, который и познакомил Арвизо с Джексоном и другими звёздами.

Сестра Гевина рассказала, как они познакомились с Майклом Джексоном, после чего прокурор начал спрашивать об их первом визите в Неверленд летом 2000 года. В одно

утро их забрал огромный лимузин и привёз на ранчо, там их встретили повара и сам Майкл Джексон. Они провели день, отдыхая на ранчо: смотрели на животных, играли игры в Аркаде, катались на тележках. В первую ночь все члены семьи ночевали в разных гостевых комнатах. Во время пребывания в гостях, в семье случился неприятный инцидент между родителями: отец во время ссоры швырнул в Джанет бутылкой и выбежал из комнаты.

Затем выяснилось, что отец семейства бил по очереди всех членов семьи и, видимо, из-за этого в доме часто были конфликты. Где-то в 2000 году Джанет разошлась со своим мужем Дэвидом, и у семьи стало ещё меньше финансов, чем было до этого.

Конечно, Том Снеддон спросил о ночи, когда предположительно Стар и Гевин ночевали в комнате певца. Сестра поведала, что в гостевом номере их не было и Гевин потом рассказал ей, где они провели ту ночь. Следующий её визит на ранчо был не скоро. Она посетила Неверленд вместе с Крисом Такером (он также был в списке людей, с кем хотел познакомиться Гевин, и, со слов Дэйвеллин, потом стал другом семьи): первый раз она была на ранчо, когда хозяина дома не было, во второй раз — когда Джексон был там на съёмках с Баширом. При этом её братья с отцом посещали дом певца намного чаще её.

Затем разговор пошёл о событиях, связанных с фильмом Башира. В тот день на ранчо присутствовали только Дэйвел-

лин с братьями. Она показала, что никто из них не знал о настоящей цели поездки на ранчо в тот день. Съёмки в фильме они приняли за обычную частную запись Майкла для домашнего видео. Когда они только приехали, Гевин имел личный разговор с Джексоном в течение 10 минут. В общей сложности ребята находились в окружении артиста от силы 45 минут. Они переночевали и на следующий день покинули Неверленд.

Вскоре последовали события, которые послужили основой для обвинения в заговоре. Дэйвеллин с братьями и матерью доставили на частном самолёте Криса Такера в Майами, где в богатом отеле они встретились с мистером Джексоном, Визнером, Коницером и с семьёй Кассио (Фрэнк, Мари-Николь и Альдо). Семье якобы сказали, что во Флориде они будут давать пресс-конференцию; очевидно, связана она должна была быть с фильмом «Жизнь с Майклом Джексоном». Дэйвелллин указала, что два или три раза её брат Гевин имел личные разговоры с подсудимым в его спальне при закрытых дверях. Она сказала, что Джексон запретил им смотреть фильм Башира, который как раз показывали в тот момент по телевидению, и заставил их сидеть в его номере. Они якобы просидели весь день в номере Майкла с задёрнутыми шторами и очень устали; Гевин при этом был очень взволнован, взвинчен. Однако Джанет Арвизо всё-таки нарушила запрет артиста и спустилась в свой номер, после чего её силой вернули. Заговорщики переговаривались в закры-

той комнате, обсуждая дальнейшие действия. На следующий день Дэйвеллин с матерью на деньги Джексона сделала маникюр и педикюр, а мальчики сходили на массаж. Всего пребывание в Майами длилось не больше двух дней.

После все (Джанет, Дэйвеллин, её братья, Пэрис и Принс, Бланкет, мистер Джексон, няня Грейс, ещё одна няня, Мари-Николь и Альдо Кассио и врач певца) отправились в Неверленд на частном самолёте. Дэйвеллин неожиданно поведала, что кто-то из команды Джексона не хотел, чтобы Джанет Арвизо летела с ними (дети были свидетелями её разговора с кем-то по телефону).

В самолёте якобы происходило следующее: Гевин пил напиток из банки колы, перешёптываясь с Майклом Джексонном. Затем артист вдруг подарил ему шикарные часы и куртку, украшенную горным хрусталём. Девушка доподлинно не знала, какой напиток пил её брат, но из её рассказа члены жюри понимали, на что намекает молодая особа. Том Снеддон предоставил суду схему внутреннего убранства салона самолёта, чтобы наглядно показать участникам процесса, как располагались пассажиры авиалайнера и кто мог или не мог физически увидеть с кресла происходящее. После приземления Джексон привёз их на ранчо.

Семья гостила у Джексона примерно около недели. Свидетельница говорила, что вся семья чувствовала себя заложниками в Неверленде, заявляла, что они были напуганы и хотели уехать с ранчо. Однако это не касалось Гевина:

Дэйвеллин Арвизо: <...> То, как проходили разговоры с Дитером... они были очень агрессивны, и... мы были напуганы и хотели уехать, так что... Конечно, Гевин не хотел уезжать. <...> В основном это моя мама хотела забрать нас отсюда» [104, 92].

И в один момент 12 февраля они собрали вещи и якобы тайком уехали с помощью Хесуса Саласа — управляющего ранчо²⁷.

Шестнадцатого февраля к семье Арвизо в дом Джея Джексона (человека, ухаживающего в тот момент за Джанет) приехал Брэд Миллер — детектив, работающий на Майкла Джексона. Он попросил их рассказать, что они думают о своём отце и какие чувства испытывают к Майклу; якобы всё было срежиссировано. Детектив предупреждал: «Это вам не нужно говорить. В этом нет необходимости» [104, 96] и выключал запись, чтобы перезаписать.

Через некоторое время семья Арвизо снова прибыла на ранчо: их попросили записать видеоопровержение в защиту Джексона. Оно снималось в доме Хамида Мослехи, у которого позже полиция и обнаружила эту запись при обыске. Им якобы было дано указание «говорить только приятные вещи и не упоминать, что происходит вокруг ранчо». Видео снималось с вечера до утра, после чего их доставили обратно в дом отчима. Прокурор обратил внимание, что Дэйвел-

²⁷ Благодаря дальнейшим показаниям мы знаем, что семья Арвизо вернулась на ранчо через день-два, а Джанет почти сразу покинула ранчо, оставив там детей.

лин была запечатлена во время съёмок плачущей; она ответила, что плакала из-за Гевина, который жаловался ей, что его обзывали педиком. Снеддон упорно допрашивал свидетельницу, пытаясь показать присяжным, что видеоопровержение было срежиссировано и чувства участников не были истинными. Дэйвеллин показала, что на самом деле Майкл Джексон не помогал им с домашним заданием, как это было сказано в фильме. Также она сказала прокурору, что на момент съёмок она уже не считала певца близким человеком, хотя в фильме они все хором называли его отцом.

На следующий день в дом их будущего отчима, Джея Джексона, явились сотрудники Департамента Лос-Анджелеса по делам детей и семьи (Арвизо говорили тогда о Джексоне только хорошее). После данных событий семья снова отправилась в Неверленд, видимо забыв, как плохо им было на ранчо.

Далее была наиболее важная часть допроса, потому что она касалась времени, когда случились предполагаемые преступления.

В первую очередь Снеддон спросил, видела ли свидетельница, как её братья пили, что могло подтвердить обвинения в развратных действиях (предоставление алкогольных напитков). Дэйвеллин отметила, что однажды увидела Альдо Кассио и своих братьев в погребке, где они пили вино, а мистер Джексон им его наливал. Дэйвеллин предложили выпить, и она согласилась. На вопрос, какой напиток это был, девушка

сказала, что, должно быть, вино, но точно она не знает. Далее свидетельница поведала, что, будучи один раз в спальне подсудимого вместе с братьями, она видела пустые и полупустые алкогольные бутылки. В тот единственный раз она якобы попала в спальню вместе с мальчиками, потому что одна проникнуть внутрь не могла, так как не знала кода. После просмотра фильма она покинула покои певца одна.

Дэйвеллин упомянула, как Дитер и Фрэнк говорили им об угрозах убийства и таким образом принуждали их к выезду из страны. Речь шла о действиях «сообщников», связанных с подготовкой их отъезда. В частности, свидетельница описала их пребывание в гостинице Калабасаса, куда они отправились, чтобы получить паспорта и визы. Дэйвеллин говорила, что им снова не давали дышать свободно, однако они всё-таки один раз вышли в магазины, чтобы купить одежду и чемоданы для поездки. После этого семья вернулась на ранчо.

Прокурор попросил свидетельницу описать поведение Гевина после всех событий: он хотел знать, изменилось ли оно по сравнению с прошлым. Как и говорил Снеддон во вступительном слове, сестра жертвы сказала, что её брат дистанцировался от семьи. Именно поэтому вскоре они собрали вещи и навсегда уехали с ранчо.

Снеддон закончил допрос вопросом, видела ли свидетельница, как Майкл Джексон касался неподходящим образом её брата. Дэйвеллин рассказала, якобы она видела, как подсудимый постоянно целовал и обнимал Гевина.

Свой допрос Мезеро начал с обсуждения разговора с социальными работниками из Департамента Лос-Анджелеса по делам детей и семьи. Дэйвеллин не знала, из-за чего их допрашивали. Адвокат спросил, говорил ли кто-то заранее об этой встрече с ней; якобы кто-то из команды Джексона подходил и просил говорить социальным работникам об артисте только приятное. Далее защитник выяснил, насколько правдивы были хорошие слова о подсудимом, сказанные на той встрече; по её словам, тогда чувства были искренними.

Стало ясным, что Дэйвеллин встречалась с Томом Снеддоном и его сотрудником до допроса. С главным прокурором были одна или две встречи, где он помогал ей «освежить» память (дал стенограммы её показаний перед Большим жури).

Дэйвеллин упорно отрицала обсуждения дела со своими родственниками, ответив на все вопросы адвоката об этом отрицательно.

Адвокат сосредоточился на обсуждении визита девушки к врачу, который произошёл вскоре после встречи с юристами Уильямом Дикерманом и Ларри Фельдманом. Видимо, Мезеро был уверен, что плохое самочувствие девушки было связано с формированием обвинения против его подзащитного, а скрывающиеся факты могли пояснить некоторые моменты. У Мезеро явно была информация из клиники, в которую Дэйвеллин обратилась в связи с нарушениями сна и головной болью. Свидетельница подтвердила, что визит к

врачу был вскоре после разговоров с юристами, но заметила, что это не имеет значения. На приёме доктор попросил рассказать о причине стресса, но пациентка ответила, что их юрист запретил ей говорить об этом; при этом какой именно юрист поставил запрет, свидетельница не помнила. Однако на суде заявила, что она сказала это, потому что боялась отца.

Адвокат: И когда он (врач. — *Прим. авт.*) попросил вас объяснить ситуацию в вашей семье, вы сказали, что не можете сделать этого, потому что адвокат сказал вам не объяснять этого; верно?

Дэйвеллин Арвизо: Ну да. Я испугалась, что мой отец что-то сделает, поэтому я просто сказала это [105, 33].

Защитник несколько раз спрашивал о том, кто именно сопровождал Дэйвеллин к врачу; она всегда отвечала: бабушка. Однако адвокат имел на руках документ, в котором было чётко указано, что присутствовала мать. Когда Мезеро указал на свои данные из клиники, девушка вдруг заметила, что там она назвала свою бабушку мамой; причина якобы крылась в том, что она была несовершеннолетней, а врачи должны делиться информацией с родителями, а не с бабушкой.

Адвокат коснулся темы съёмок фильма-опровержения. Дэйвеллин говорила в показаниях, что она и члены её семьи никогда не смотрели фильма Башира. Мезеро решил взять сестру обвинителя на «удочку», спросив:

Адвокат: Помните ли вы, как на видеозаписи ваша мать

сказала о том, что она хочет держать Гевина за руку, как они (Гевин и Майкл. — *Прим. авт.*) делали в документальном фильме Башира?

Дэйвеллин Арвизо: Да.

Адвокат: Она, должно быть, узнала об этом, посмотрев документальный фильм Башира; верно?

Дэйвеллин Арвизо: Нет.

Адвокат: Ну а как она узнала об этом, знаете ли вы?

Дэйвеллин: Дитер сказал нам сделать это, потому что они хотели сгладить впечатление от того, что люди увидели в документальном фильме Башира.

Адвокат: Но её комментарий, похоже, был спонтанным: «Мы хотим взяться за руки, как в документальном фильме Башира»; верно?

Дэйвеллин Арвизо: Ну да... Дитер сказал ей сделать это <...> [105, 36].

Свидетельница отреклась от своих слов, сказанных работникам Департамента по защите детей. Они сообщили, что их мать всегда знала, где они и с кем; что Майкл был для них как родной отец, всегда добрый и любящий; а также что на ранчо её сопровождала подруга.

Интервью Брэду Миллеру также не было забыто адвокатом. Свидетельница повторила то, что говорила прошлым днём на прямом допросе прокурора: всё было срежиссировано, запись много раз стиралась и заново создавалась, что было странно для них. На вопрос, как члены семьи Арвизо

понимали цель беседы, Дэйвеллин ответила, что они были уверены, что разговор касался отца — Дэвида. В суде была прокручена запись беседы семьи Арвизо с детективом Брэдом Миллером. У присяжных не возникло сомнений, что воспоминания, высказанные в разговоре, подлинные — уж слишком они были яркими и подробными. Джанет Арвизо подробно рассказала о насилии со стороны супруга, с которым она жила в браке 17 лет: все они страдали от постоянных побоев. Джанет призналась, что Майкл был настолько добрым и нежным, что заменил им отца; она надеялась, что он сможет защитить их от Дэвида. Гевин говорил, что несколько раз был с отцом на ранчо, но порой оставался ночевать в спальне Майкла, потому что там ему было спокойнее. Часто Джексон спал на полу, а иногда они все вместе со Старом спали на большой кровати (согласно книге Афродиты Джонс «Заговор»). Гевин с восторгом говорил о певце только хорошее, повторял, как Майкл любит его и желает, чтобы рак отступил навсегда.

Важным вопросом для Мезеро был: знала ли девушка о том, кто в семье старался получить деньги на лечение Гевина. Дэйвеллин уверяла, что не кто иной, как отец, старался добыть деньги, при этом мать была почему-то расстроена этим. Однако адвокат имел другие сведения; он задал вопрос, знала ли девушка, что её мать обращалась в газету с просьбой объявления о сборе денег. Сестра обвинителя отрицала, что знала об этом.

По сведениям адвоката, Дэйвеллин жаловалась другу семьи Кэрол Ламир, что мать их бьёт, что Джанет подговаривала её напасть на отца и в реальности именно Джанет была Дэвида, а не наоборот! Девушка отказалась это подтверждать.

Защитник затронул тему спаивания подростков в погребке. Мезеро заметил, что свидетельницей на допросе шерифа Санта-Барбары не было сказано о том, что лично подсудимый разливал им вино. На вопрос, как она узнала, что в стаканах было вино, Дэйвеллин уверяла, что в погребке содержится этот напиток. Томас спросил, почему она даже не упомянула, что Джексон лично в погребке раздавал им вино; сестра обвинителя ответила, что её об этом не спрашивали... При этом Мезеро, ссылавшись на документ, уверял её, что спрашивали. Также защитник поинтересовался у девушки, видела ли она лично или слышала от кого-то, что её братья самовольно заходили в винный погреб; девушка ответила, что нет.

Томас сделал акцент на том, что, общаясь с адвокатом Дикерманом и имея возможность обратиться к федеральным служащим и агентам (когда они забирали паспорта для отъезда в Бразилию), члены семьи Арвизо так и не обратились за помощью. Не было сказано ни слова о том, что их держат взаперти против их воли!

Мезеро имел сведения, что Майкл, Дэйвеллин, Джанет, Гевин и Стар были в кинотеатре и Джанет попросила всех

присесть и помолиться за «папочку» (за Джексона). Но Дэйвеллин этого не помнила и настаивала, что её мать никогда не выходила из собственного коттеджа Неверленда.

Заседание закончилось предостережением от суда присяжным: запрещалось смотреть и слушать новости, обсуждать дело в течение выходных, чтобы сохранять непредвзятость.

На заседание 7 марта снова (третий раз) была вызвана Дэйвеллин, теперь вместе со своим братом Старом.

Перекрестный допрос стороны защиты продолжился. Томас Мезеро спрашивал Дэйвеллин про поведение Гевина (адвокат знал, как плохо подросток вёл себя на ранчо, и хотел получить подтверждение). Сестра обвинителя заявила на прошлых заседаниях, что у Гевина с дисциплиной всё было в порядке; единственным, что могло вызывать вопросы, была разговорчивость; его якобы не ловили и не наказывали за драки, не выгоняли из школы. Однако Мезеро напомнил свидетельнице, что она только что призналась в том, что была рядом с Гевинком, когда тот давал показания по делу «Джей Си Пенни», и слышала, как он под присягой говорил, что имел много драк в школе и был выгнан оттуда.

Дэйвеллин Арвизо засвидетельствовала, что когда подсудимого не было на ранчо, она с братьями не расставалась. Все вместе они спокойно заходили в главный дом (Майкла), чтобы посмотреть телевизор и поесть. Был ли у её братьев ключ от спальни певца, девушка не знала.

Снова была прослушана запись интервью семьи Арвизо с Миллером (другой отрывок), после чего Мезеро затронул тему восхваления Майкла как отца. Девушка не отрицала, что все они хвалили его и называли папочкой. Дэйвеллин сказала, что лично сама это делала только потому, что копировала маму и никогда не знала, как это — иметь настоящего отца. Затем адвокат спросил про услышанное в записи: Джанет говорила, что она довольна, когда её дети остаются с Майклом на ночь, она поощряла общение с ним.

Адвокат: Ваша мать поощряла ваших братьев ходить в главный дом и быть с Майклом Джексоном, верно?

Дэйвеллин: <...> я бы так не сказала. Она никогда не поощряла. Это мальчики хотели быть там.

Адвокат: Разве она не сказала это в записи?

Дэйвеллин: Если это делает нас счастливыми, она будет настаивать на этом. Она любит видеть нас счастливыми <...> [106, 20].

Том Снеддон на повторном допросе спросил, почему Дэйвеллин лгала в беседе с Миллером. Она назвала несколько причин: якобы ей тогда ещё нравился Майкл Джексон и она не хотела для него неприятностей; в то же время её пугал телохранитель, который там присутствовал.

На место свидетеля встал брат девушки — Стар Арвизо (14 лет). До начала разбора есть нечто, о чём следует сказать: немногие знают, что изначально обвинение заявляло, что Джексон также приставал и к этому мальчику. Об этом

было написано в «Заявлении о вероятной причине» от 17 ноября 2003 года: по словам Стара, он управлял гольф-каром, а Майкл сидел рядом с ним и якобы прикасался к нему в интимной области поверх одежды [110, 50]. Почему прокуратура решила в итоге отказаться от рассмотрения якобы данных имевших место событий, неизвестно.

Мальчик вторил сестре, рассказывая о семье и о знакомстве с певцом. Он рассказал прокурору о посещении комедийного лагеря, о ссорах родителей. Мальчик засвидетельствовал, что два раза присутствовал при звонке Майкла Джексона его брату: в госпитале и в доме бабушки. Далее мальчик рассказал про первый визит на ранчо. Он дал более подробное описание первого дня в Неверленде: он помнил, как после встречи персоналом они ждали хозяина на кухне в течение 30 минут, помнил, во что Майкл был одет (красная рубашка и чёрные брюки), и заметил, что у него был пластырь на носу. Также он помнил, как они катались на тележках (он был с Джексонсом, а Гевин — с Кассио). Первую ночь все Арвизо провели в гостевых коттеджах. Во второй день, как и утверждала Дэйвеллин, в семье произошёл скандал; при этом так же, как и сестра, Стар не сказал, что стало причиной большой ссоры.

Следующий вопрос касался дня, который мальчики провели в доме Джексона. Стар был уверен, что это было при втором визите. По просьбе Снеддона он подробно описал, как он мог входить в спальную — Майкл сказал ему код от

двери. Также мальчик упомянул систему тревоги (она включается, когда кто-то идёт по коридору к спальне). Данный факт активно используют хейтеры в своих аргументах, не зная, что на суде именно эта система помогла выявить ложь Стара Арвизо (об этом позже). В тот день Стар, Гевин, Фрэнк Кассио и Майкл Джексон много разговаривали, ели, а потом Фрэнк принёс компьютер и они смотрели порнографические сайты. Якобы Майкл комментировал фотографии мерзкими словами и даже шептал на ухо спящему Принсу: «Тебе не хватает <...>» Затем все заснули, Джексон спал на полу вместе с Фрэнком, мальчики лежали на кровати. Здесь есть небольшое противоречие: в заявлении обвинения «О вероятной причине» от 17 ноября 2003 года сказано, что изначально Арвизо говорили о том, что порнографию им показывал лично Майкл на компьютере, который был уже подарен Гевину.

Стар подтвердил слова сестры, что после ночи, проведённой в спальне Майкла, он посещал Неверленд с Гевинном и отцом; при этом когда они были вместе с отцом, Джексона не было на ранчо. Подросток указал, что четыре раза они посещали ранчо с Крисом Такером; во всех этих случаях Джексон также якобы отсутствовал.

Стар рассказал более детально про поездку в Майами. Ночью после прибытия в штат Калифорния они заселились в отель «Тёрнбери Резорт» (*Turnberry Resort*) этажом ниже номера Майкла. На следующий день семья проснулась в 14 ча-

сов и поднялась в номер певца. Как и рассказала Дэйвеллин, там они встретились с Визнером и Коницером, а потом Джексон якобы уводил Гевина в отдельную комнату. Один раз туда вошёл Стар и стал свидетелем игры с использованием матерных слов; Майкл якобы пригласил его присоединиться. Это длилось минуты две, пока не зашла Грейс — няня детей певца.

В отличие от Дэйвеллин, её брат заметил, что Майкл и Гевин уединялись только один раз, а не два или три раза, хотя, возможно, он мог пропустить, потому что проводил время с детьми артиста — Принсом и Пэрис. На исходе дня он, как и сестра, якобы заметил странное поведение брата и стал подозревать, что дело в алкоголе. Он увидел у него в руке банку, а в ней было нечто красное, при этом Гевин бормотал странные вещи. На следующий день он чувствовал нечто похожее на похмелье: у него болела голова, и его тошнило.

Стар не был так эмоционален, как Дэйвеллин, говоря о дне с закрытыми окнами в номере певца, хотя подтвердил, что Майкл запретил им смотреть выпуск фильма Башира и выходить из номера.

Подросток уверенно заявил, что во время перелёта из Майами Джексон поил Гевина алкоголем и пытался передать его и ему.

Стар Арвизо: Он наклонился и протянул это мне. Я подумал, что это диетическая кола. Я не хотел казаться грубым, так что я взял напиток. На запах это был алкоголь, и я вернул

его назад. Спросил его, что это, и он ответил: вино [106, 75].

Потом свидетель якобы увидел как Майкл сделал нечто ужасное...

Прокурор: Расскажите, что ваш брат и мистер Джексон делали во время полёта.

Стар Арвизо: <...> спустя некоторое время он (Гевин. — *Прим. авт.*) почувствовал себя нехорошо и склонился на грудь Майкла, и... он... я увидел, как Майкл лизнул макушку моего брата [107, 76].

На ранчо после прибытия из Майами Стар с Гевинном, Альдо Кассио и Майкл спали в комнате хозяина на кровати. Снеддон попросил свидетеля рассказать про употребление алкоголя на ранчо в этот промежуток времени (до отъезда с Хесусом). Мальчик сказал, что в погребе, в спальне и в офисе пил только он с Джексоном.

Стар утверждал, что Майкл любил делать хулиганские звонки (*crank-calls* в оригинале): якобы он звонил девушкам и задавал им вопросы о размере их интимных частей тела. По словам Стара, в Неверленде Майкл велел ему и его брату делать то же самое, а если девушки не брали трубки, то заставлял мальчиков пить вино.

Подросток более подробно говорил об угрозах со стороны Фрэнка Кассио. Заметьте, что это относится ко времени, когда домогательства, согласно их истории, ещё не начались:

Стар Арвизо: Когда я направлялся к моей маме в гостевой номер, ко мне приблизился Фрэнк... <...> Он сказал,

что может сделать так, что мои бабушка и дедушка исчезнут [106, 85].

Касательно съёмок фильма опровержения Стар, как и его сестра, опроверг сказанное им в фильме:

Прокурор: Там было заявление, что ответчик мистер Джексон помогал вам делать домашнюю работу. Это правда?

Стар Арвизо: Нет.

Прокурор: Там было заявление, что вы всегда имели его телефон и могли связаться с ним. Это правда?

Стар Арвизо: Нет [106, 88].

На вопрос, какие чувства испытывал свидетель к Майклу во время съёмок, мальчик ответил, что он не помнит, но, возможно, они всё ещё были позитивными.

Стар Арвизо: Я не помню, но, вероятно, в тот момент я думал, что он нормальный парень [106, 88].

Стар, как и Дэйвеллин, настаивал на том, что его мать никогда не покидала гостевого коттеджа. Даже прокурор задался вопросом:

Прокурор: В течение времени, когда вы были на ранчо Неверленд после прибытия из Майами, до того, как последний раз покинули ранчо, видели ли вы когда-либо вашу мать в спальне Майкла Джексона?

Стар Арвизо: Нет. Она никогда не выходила из гостевого номера.

Прокурор: А как же она ела?

Стар Арвизо: Я не знаю. Пару раз я приносил ей еду, но...

[106, 90].

Снеддон прервал свидетеля, не дав ему закончить мысль.

В числе прочего Стар сказал, что Джанет никогда не спрашивала кода от двери спальни хозяина, где каждую ночь провозили её мальчики. Также он подтвердил, что их сестра никогда не оставалась спать вместе с ними.

Ответы на некоторые вопросы указывали на испорченную натуру певца (якобы Майкл научил мальчиков подслушивать телефонные разговоры, делал неуместные при детях комментарии при просмотре фильма, называл мальчиков разными прозвищами вместо имён).

Далее прокурор спрашивал о событиях, произошедших после прибытия из Калабасаса.

В данный период, по словам подростка, они с братом пили вино вместе с Майклом и неким Рио (он якобы однажды стал свидетелем того, как Джексон спросил Стара о том, мастурбирует ли он).

Прокурор обратил внимание Стара на фотографию, где изображён манекен, и брат жертвы поведал, что Джексон якобы делал с ним (при этом отвратном действии якобы присутствовали всё те же лица).

Стар Арвизо: <...> Однажды он дёргался из стороны в сторону, потом схватил манекен и притворился, будто вступает с ним в половую связь [106, 118].

Ещё одним пунктом в обсуждении стал вопрос показа «материала для взрослых». Все журналы лежали в чемода-

не в ванной комнате; якобы Майкл показывал их мальчикам (братьям Арвизо и Алдо Кассио). Это было примерно 10 минут, в дни на ранчо после приезда из Калабасаса. Показывая журналы, Майкл не делал никаких комментариев. Вторым чемодан с такими же материалами находился в спальне певца, и оттуда подсудимый тоже якобы показывал подросткам материалы. Мальчик указал, что между демонстрациями прошло несколько дней. Во время просмотров они посмотрели не всё: первый раз — два журнала, второй раз — три или четыре.

Потом прокурор перешёл к наиболее важным темам — к тому, что Стар якобы видел. Свидетель сказал, что после прибытия из Калабасаса он сначала спал с братом у Майкла, однако потом якобы вдруг стал спать в гостевом коттедже (почему он перестал спать в спальне хозяина, не оглашается). Согласно показаниям Стара, он был неоднократным свидетелем неподобающего поведения Джексона по отношению к брату. Получается, видя и понимая, в каком положении находится его брат, он просто оставил его «на растерзание монстру».

О первом случае неподобающего поведения Майкла Снеддону пришлось напомнить свидетелю:

Прокурор: <...> После того как вы вернулись из Калабасаса <...> был ли необычный случай между вами и вашим братом и ответчиком?

Стар Арвизо: Вы имеете в виду после пребывания в <...>

Прокурор: Да. Было ли что-то необычное, связанное с ответчиком Майклом Джексонем?

Стар Арвизо: Нет.

<...>

Прокурор: Вы помните случай, когда он вошёл в комнату, а вы с вашим братом были на кровати?

Стар Арвизо: А!

<...>

Стар Арвизо: Я с братом смотрел фильм, и Майкл вошёл голый. И он подошёл к углу комнаты, что-то взял. Мне и моему брату стало противно. И он сел на кровать и сказал нам, что это естественно, а затем ушёл... [106, 97—98].

Данное зрелище мальчики якобы наблюдали целых две минуты.

Так как Стар заявил, что он увидел Джексона полностью голым, прокурор спросил его о каких-либо особенностях интимных частей тела подсудимого; свидетель заметил только, что орган был в положении эрекции (хотя, если бы это было правдой, в первую очередь он бы увидел ужасное состояние кожи Майкла)²⁸

Другой инцидент, рассказанный мальчиком, был ещё более пикантным. Якобы в одно утро, когда братья ещё спали на кровати в спальне певца, в комнату вошёл Майкл и залез

²⁸ В последние годы жизни заболевание Майкла витилиго покрыло практически всю кожу. Однако, по воспоминанию Джермейна Джексона в книге «Майкл, ты не один», на груди и спине его брата ещё была сильная пятнистость, словно на скатерти разлили кофе. Это не могло быть незамеченным.

к ним под одеяло. Он стал заниматься сексом со спящим Гевинном в присутствии его брата! Стар указывает, что когда он пошевелился, Джексон сразу прекратил приставания.

Был также ещё один случай. Мальчик возвращался в спальню Майкла и якобы увидел Джексона со спящим Гевинном. Майкл якобы совершал действия сексуального характера. Отвечая на уточняющие вопросы прокурора, мальчик описал движения Джексона и продемонстрировал их жестом.

Мальчик заметил, что его брат спал (он утверждал, что тот храпел). Наблюдал он данное зрелище несколько секунд, после чего убежал в спальню, где спала сестра, никому ничего не сказав.

Похожий эпизод повторился. Он увидел почти ту же самую картину. Опять Стар не проронил ни слова до беседы с доктором Катцем.

На следующий день было укороченное по времени заседание. Том Снеддон продолжил допрос. Свидетель подтвердил, что подсудимый велел им никогда никому не говорить о том, что они делали, «даже под дулом пистолета».

На перекрёстном допросе Томасом Мезеро Стар отметил, что до отъезда в Майами он побывал на ранчо приблизительно 10 раз, при этом Майкл присутствовал там больше двух раз. Это важно отметить, потому что здесь слова Стара подтверждают, что в большинстве случаев они отдыхали в Неверленде в отсутствие хозяина. Мальчик сказал, что после

приезда из Майами он получил полноценный доступ во все уголки Неверленда, включая спальню хозяина; код ему дал один из охранников. Безусловно, узнав этот код, мать Арвизо могла проникнуть в спальню Джексона, но она якобы не считала нужным это сделать.

Адвокат большое внимание уделил теме сигнализации, которая включалась, когда кто-то приближался к спальне, потому что факт с сигнализацией обнаруживал собой дыру в, казалось бы, плавном, логичном повествовании стороны обвинения. Томас Мезеро хотел, чтобы присяжные задали себе вопрос: как мальчик мог спокойно обойти систему сигнализации?

Стар Арвизо подтвердил, что она была для того, чтобы Майкл знал, что кто-то приближается к его спальне.

Адвокат: По вашему пониманию, цель сигнализации была в том, чтобы Майкл Джексон знал, что кто-то идёт по коридору; верно?

Стар Арвизо: Да [107, 10].

Она включалась каждый раз, когда кто-то входил в коридор, ведущий к спальне:

Адвокат: Вы знали, что если вы входите в любое время в коридор, там что-то включается, верно?

Стар Арвизо: Да [107, 9].

Мальчик указал, что в тех двух случаях, когда он увидел мастурбирующего Майкла, звонок также прозвенел:

Адвокат: Сейчас вы утверждаете, что в те два раза, когда

Майкл Джексон касался вашего брата в постели, звонок прозвенел, не так ли?

Стар Арвизо: Да.

Защитник напрямую спросил, в курсе ли подросток, что в спальне слышен этот звонок:

Адвокат: Хорошо. Вы заявляете, что если вы находитесь наверху в спальне Майкла Джексона, вы слышите этот звонок?

Ответ был удивительным:

Стар Арвизо: Когда двери открыты.

Адвокат: Вы говорите, что когда двери были закрыты, Майкл Джексон не мог слышать звонка?

Стар Арвизо: Нет [107, 13—14].

Иными словами, мальчик утверждал, что система была бесполезна, если двери спальни были закрыты. Уже одни только ответы свидетеля говорят нам о том, что версия сомнительна. Мы должны поверить, что Майкл держал дверь закрытой, но закрытой не на ключ («дверь была вроде как заперта, поэтому я толкнул её, и она открылась»):

- во-первых, это позволяло кому угодно войти в любой момент;
- во-вторых, Майкл лишал себя возможности услышать сигнализацию;
- для Джексона логичней было бы закрывать дверь спальни на ключ или вообще держать дверь открытой;
- позже защита доказала, что система работала и Майкл,

будучи занят мастурбацией с Гевином, никак не мог пропустить звука сигнализации; это стало результатом эксперимента режиссёра, нанятого Мезеро.

Адвокат интересовался, обсуждал ли свидетель с кем-либо то, что он будет говорить на суде. Стар уверял, что он не разговаривал об этом с семьёй, но неожиданно признался, что обговаривал свои будущие показания вместе с «Томом, Гордоном и Роном» (с Томом Снеддоном, Гордоном Очинклоссом и Роном Зеноном). Для автора книги было трудно поначалу догадаться, кого именно имел в виду свидетель, учитывая, что английское слово *attorney*, которое использовал Томас Мезеро в вопросе, переводится на русский в первую очередь как «адвокат». Семья Арвизо настолько была на «ты» с прокурорами, что мальчик называл их просто по имени! При этом Стар не помнил, что он обсуждал дело с Ларри Фельдманом, и вообще не знал, кем тот является, хотя именно с него началось формирование обвинения (именно Фельдман направил Гевина к психиатру Стэнли Кацу, который и услышал первый раз его историю).

Мезеро уточнил, почему Стар на всех допросах давал разные описания того, что он увидел в спальне Джексона. Он был допрошен шерифами Санта-Барбары, Большим жюри, а также рассказал о том, что видел, психологу Стэнли Кацу. На что тот только ответил: «Я не помню точно, что я говорил».

Оказалось, что версии были разными:

- Майкл совершал неуместные действия, то когда Гевин был одет, то когда был в нижнем белье;
- то физический контакт был будто случайным, поверх одежды, то носил более интимный характер;
- Майкл касался то одной интимной части тела, то другой.

Адвокат обратился к показаниям Стара по делу магазина «Джей Си Пенни», которые могли выявить лживость, свойственную семье Арвизо. Обнаружилось, что ничего из того, что он говорил тогда на допросе, мальчик или не помнил, или говорил, что этого не было. Согласно показаниям Стара, он был моделью в магазине. В день инцидента, когда его матери якобы помогали на парковке, он также был в магазине. Однако на суде Стар сначала не помнил, что был моделью именно в этом магазине; после показа адвокатом стенограммы допроса по делу «Джей Си Пенни» он также продолжал отрицать, что в день инцидента на парковке он был моделью. «Мы просто ждали маму с собеседования по работе» [108, 23], — отметил Стар. В показаниях по делу магазина Стар рассказывал, что в тот день его брат Гевин взял неоплаченную одежду:

Адвокат: Вы помните, как давали показания о том, что ваш брат пошёл на парковку с одеждой, за которую не было заплачено, чтобы обманом заставить вашего отца купить её?

Стар Арвизо: Я не помню [107, 23].

После показа стенограммы мальчик вспомнил, что он и правда говорил это, но сообщил в качестве оправдания, что «отец взял это и отнёс обратно» [107, 24]. В стенограмме по делу «Джей Си Пенни» Стар также заявил, что его брат не стал бы воровать, потому что хотел быть священником, и свидетельствовал, что в тот день он увидел, как к его маме подбежали охранники:

Адвокат: Вы дали показания под присягой, что охранники из «Джей Си Пенни» подошли к вашей матери на парковке и сказали: «Я собираюсь <нецензурное слово> тебя» и назвали вашего отца <нецензурное слово>; верно? [107, 25].

Прокурор и судья не дали свидетелю ответить на вопрос. Далее Мезеро вынудил свидетеля признаться, что он лгал на суде по делу «Джей Си Пенни»:

Адвокат: Когда вы заявили под присягой в допросе по делу «Джей Си Пенни» в 2000 году, что ваши мать и отец никогда не ругались, говорили ли вы правду?

Стар Арвизо: Нет.

<...>

Адвокат: Вас спрашивали, бил ли вас отец когда-либо, и вы сказали — никогда.

Стар Арвизо: Да.

Адвокат: Было ли это правдой?

Стар Арвизо: Нет [107, 28].

На вопрос, почему он лгал под присягой, он только говорил: «Это было очень давно, я не помню» [107, 28]. Члены

жюри удивлялись, насколько быстро Стар сознался во лжи под присягой.

Томас Мезеро более подробно, чем Снеддон, спрашивал об использовании мальчиками кодов, которые они получили после прибытия из Майами. Стар конкретизировал информацию: они узнали два кода; один — общий код, открывающий все двери Неверленда (его дал некий охранник), другой — дающий доступ только в спальню Майкла (этот им сказал сам Джексон). Стар сказал, что использовал коды свыше ста раз и побывал однажды во всех комнатах Неверленда. Адвокат хотел добиться признания Стара в том, что они обследовали разные уголки ранчо, когда Майкла там не было, однако мальчик это яро отрицал.

Мезеро имел свидетеля, который видел мальчиков одних в погребе, и пытался добиться от Стара признания, но тот упорно отнекивался, говоря, что в погреб нельзя просто так попасть: там нет кода. Нужен был ключ, который висел где-то в фойе, но Стар никогда его не просил.

Зато Стар признался, что однажды их с братом застали спящими в комнате хозяина, когда его самого не было на ранчо!

Стар Арвизо: Да, Майкл открыл эту комнату для нас, и мы могли спать там, пока его нет [107, 54].

При этом мальчик отрицал, что это именно они просили Майкла сделать это, и также опроверг утверждение Мезеро о том, что они рылись в вещах хозяина.

Далее разговор был о журналах, скрытых в чемоданах. Адвокат показал фотографию журнала, которую прокурор показывал свидетелю днём ранее на допросе. Стар снова подтвердил, что именно этот журнал показывал им Майкл, и упорствовал в этом, пока вдруг ко всем не пришло понимания, что это невозможно:

Адвокат: Вы сказали прокурору Снеддону, что Майкл Джексон показал вам эти журналы, так?

Стар Арвизо: Да.

Адвокат: Майкл Джексон никогда не показывал вам этого журнала «Барели Лигал» (*Barely Legal*), так ведь?

Стар Арвизо: Что?

<...>

Стар Арвизо: Он действительно показывал нам. Он сделал это.

<...>

Адвокат: Так, Стар, посмотрите на дату выпуска журнала. Это август 2003 года, не так ли?

В августе семья Арвизо уже не была на ранчо. После того как Мезеро указал на ошибку прокурора, свидетель пошёл на попятную:

Стар Арвизо: Что ж, я никогда не говорил, что это был тот самый журнал [107, 55—56].

Мальчик продолжал настаивать, что он с братом вёл себя на ранчо хорошо: якобы они никогда не были пойманы ни за употреблением алкоголя, ни с журналами, ни за просмотром

порнографии на сайте. Он заявил, что на ранчо не было компьютеров, кроме компьютера брата, который сломался ещё в первые их визиты в Неверленд, а Фрэнк всегда носил с собой устройство, с которого они якобы смотрели порнографию с Майклом. Мальчик лгал. Компьютеры были. Однако откуда тогда в файлах ФБР информация о проверке дисков, изъятых из 16 компьютеров в Неверленде, на которых, кстати, не было обнаружено ничего незаконного? Единственным запросом, касающимся детей, был сайт про усыновление.

Стар в показаниях перед Большим жюри утверждал, что в Неверленде Майкл держал их семью «подальше от часов и времени». Адвокат был уверен, что это маловероятно, потому что повсюду в Неверленде есть часы, а мальчики бегали по всему ранчо. Стар этого даже не отрицал. Он сказал, что часы были неточными, они все показывали разное время.

Адвокат: Если часы висят по всему Неверленду, если на холме с видом на город есть большие цветочные часы и если вы и ваш брат бегали свободно по Неверленду, почему вы тогда сказали шерифам Санта-Барбары, что вас держали подальше от часов и времени?

Стар Арвизо: Потому что они шли неправильно и нас держали подальше от них. Мы не могли знать время.

<...>

Адвокат: Но если вы не знали, какое было время, как вы могли понимать, что оно неправильное?

Стар Арвизо: Потому одни часы показывали время пять

часов, а другие — девять часов. Вот откуда я знал, что они плохо ходили [107, 64—65].

Защитник внедрил на заседании в качестве вещдока открытку, в которой мальчиком было написано поздравление с Днём отца для Майкла Джексона. Там было сказано: «Когда сердце твоё разбито на мелкие кусочки, мы продолжаем любить тебя, нуждаться в тебе и заботиться о тебе. Каждой частичкой наших сердец» [107, 66]. Стар отметил, что он списал это с другой карточки. Там были и другие слова, где было в том числе сказано, что Майкл — часть их семьи; был указан телефон Стара и стояли подписи его, Дэйвеллин, Гевина. Томас Мезеро хотел знать, исходила ли инициатива называть Майкла отцом и считать его частью семьи от мальчика. Выяснилось, что да.

Ближе к концу защитник вернулся к теме якобы увиденного мальчиком. Видимо, он захотел уточнить информацию:

Адвокат: Вы сказали, что звонок прозвенел, так?

Стар Арвизо: Когда я вошёл в коридор, да.

Адвокат: И даже несмотря на это, вы продолжили подниматься по лестнице, правильно?

Стар Арвизо: Звонок звенел, пока я шёл по коридору...

Адвокат: Он звенел, когда вы открыли дверь, не так ли?

Стар Арвизо: Нет, он прекратился [107, 74—75].

Как же вовремя для свидетеля преступления звонок прекратил звучать, однако!

Стара попросили ещё раз рассказать о том, что произошло

в спальне. Днём ранее мальчик по просьбе прокурора продемонстрировал присяжным движение рукой, которое можно было понять как указание на действие сексуального характера со стороны Джексона в отношении Гевина. Однако теперь Стар уточнил свою версию: по его словам, Джексон якобы прикасался к его брату, одновременно совершая действие сексуального характера в отношении самого себя.

Чем ближе к концу шёл допрос, тем яснее для присяжных было, что Стар прижат к стенке продолжительным напором Томаса Мезеро. Было видно, что мальчик сбит с толку; история разваливалась на глазах. Стар отказался подтверждать свои слова относительно отдельных сексуальных действий Джексона по отношению к его брату и то, что Джексон давал им нюхать марихуану, несмотря на то что это было зафиксировано в стенограмме допроса психиатра.

Подросток отрицал, что когда-либо стремился быть актёром, хотя учился в школе танцев и в комедийном классе, а на одном видео, просмотренном присяжными позже, он красовался, пытаясь казаться хорошим гидом-рассказчиком. На суде Стар утверждал, что это не он жаждал стать героем видео: сам Майкл Джексон предложил ему участвовать в съёмках. Стар согласился; но в день съёмки он якобы ничуть не волновался, потому что был сонным... (этого на кадрах не было видно).

Стар сказал, что его мама была в кинотеатре Неверленда, хотя днём ранее говорил, что она никогда не выходила из

гостевого коттеджа...

Адвокат: Вы когда-либо были в театре с вашей мамой, Майклом, Дэйвеллин и Гевином?

Стар: Да, смотрели фильм.

Адвокат: Как часто вы делали это?

Стар: Моя мама редко выходила.

Адвокат: Но вы говорили сначала, что она никогда не выходила. Теперь вы признаёте, что она была в театре, верно?

Стар: Я думал о чём-то другом [107, 82].

В конце заседания Томас Мезеро снова вернулся к обсуждению того, якобы Арвизо не имели возможности узнавать время. Для этого адвокат спросил мальчика об использовании телескопа на холме.

Адвокат: <...> Вы и ваш брат использовали телескоп на холме, верно?

Стар Арвизо: Мы дважды смотрели в него.

Адвокат: И телескоп двигается?

Стар Арвизо: Да. Двигается во все стороны [107, 82].

Подросток отметил, что можно было заметить одни часы в телескоп, но они были слишком маленькими, чтобы увидеть стрелки. Огромные, знаменитые цветочные часы на лужайке перед вокзалом увидеть было якобы тоже невозможно, только уже из-за деревьев. Томас Мезеро ему не поверил, чем явно ещё больше ввёл свидетеля в смятение.

Адвокат: А как насчёт больших цветочных часов? <...> Можете ли вы увидеть их в телескоп?

Стар Арвизо: Нет, деревья мешают.

Адвокат: Ты уверен в этом?

Стар Арвизо: Да.

<...>

Адвокат: Вы выдумываете, что деревья загораживают обзор через телескоп, не так ли?

Стар Арвизо: Я просто говорю...

Адвокат: Стар...

Стар: Я никогда по-настоящему не ожидал, что буду искать часы. Я только смотрел в него... Я помню деревья и, возможно, да... Я помню деревья, но я никогда действительно... Телескоп был там наверху, так что мой брат и я пытались смотреть в него [107, 83].

Весь этот разговор показывает, насколько семья Арвизо была неспособна продумать свою историю в мелочах. Известно, что на ранчо было много часов, и почти невозможно, чтобы все они показывали неправильное время. Главные же часы у вокзала практически не окружены деревьями, в чём может убедиться каждый человек, взглянув на фотографии.

На следующем заседании присяжные узнали, что на допросе Большого жюри в марте 2004 года Стар как-то умудрился забыть, что Джанет хотела покинуть Неверленд, но на заседании, прошедшем спустя год, он ясно помнил, как мать говорила ему об этом:

Адвокат: Значит, сейчас ваша память лучше, чем была раньше, когда вы давали показания перед Большим жюри в

Санта-Барбаре?

Стар Арвизо: Нет, после того, как даёшь показания, ты вспоминаешь некоторые вещи, о которых ты не сказал [108, 11—12].

Томас Мезеро вернулся к теме полёта из Майами. Стар, как и Дэйвеллин, показал места, на которых сидели все во время полёта. Защитник обнаружил несоответствие с показаниями мальчика перед Большим жури. На допросе Снеддоном два дня назад мальчик показал, что Джанет сидела ближе к левой стороне и прямо напротив неё сидел доктор Фаршьян. Кто сидел и сидел ли вообще напротив Джексона и Гевина, из стенограммы понять нельзя, однако на заседаниях Большого жури Стар заявил, что напротив подсудимого сидел доктор Фаршьян.

Адвокат: Вы сказали Большому жури Санта-Барбары, что во время полёта из Майами доктор Фаршьян был лицом к лицу с Майклом Джексонном?

Стар Арвизо: Да.

Когда Мезеро высказал предположение, что доктор должен был видеть, как артист лизал голову его брата, Стар постарался исправить свою ошибку, но его заставили ответить на вопрос.

Адвокат: Значит, он находился рядом с Майклом Джексонном, и, по вашим словам, именно Майкл лизал волосы вашего брата; верно?

Стар Арвизо: Нет, моя мама была повёрнута большинство

времени...

Адвокат: Я говорю о докторе Фаршьяне.

<...>

Адвокат: Он был лицом к лицу с Майклом Джексонem всё время?

Стар Арвизо: Да [108, 14—15].

Таким образом, инцидент в самолёте с облизыванием головы представляется крайне маловероятным.

Снова прокрутили фрагменты видеоопровержения. На экране мальчик говорил: «Моё первое впечатление было, что он как отец. На самом деле он казался более больше похож на отца, чем мой биологический отец. Он просто <...> вот какое было моё первое впечатление о Майкле». Томас Мезеро собирался выяснить, насколько искренни были эти слова, но внезапно Стар ответил, что это были слова о Джее Джексоне, а не о певце:

Адвокат: Сейчас, Стар, когда вы делали эти комментарии, говорили ли вы правду?

Стар Арвизо: Нет.

Адвокат: Вы лгали?

Стар Арвизо: Я на самом деле говорил об отчине.

Замечание Мезеро, что имя Майкл прозвучало на видео, явно не помогло Стару осознать свою глупую оплошность, и его ответ только ещё яснее дал понимание, что Стар выкручивается как может.

Томас Мезеро: Почему вы использовали имя Майкл?

Стар Арвизо: Ну, потому что он (из слов свидетеля неясно, кого он имеет в виду, а адвокат это не уточнил) сказал нам говорить только хорошие вещи о Майкле [108, 35—36].

Далее Стар отказался от всех своих хороших слов о Джексоне, которые слышали от него присяжные на видео, отметив, что это было сказано, потому что Дитер Визнер просил это сделать. В другом отрывке прозвучали такие слова свидетеля: «Раньше, до того, как он (Гевин. — *Прим. авт.*) впервые поехал на ранчо, он всегда был грустным, он всё время плакал, он был подавлен. Когда он ездил на ранчо, он был всегда счастлив. Он всегда был дурашливым. Он был снова беззаботным, весёлым. Он всегда ждал с нетерпением возвращения на ранчо». Стар сказал, что это было правдой: Гевин действительно был очень печален всё время и веселел он только в начале общения с Майклом, когда прибывал в Неверленд.

Стар так же, как и Дэйвеллин, утверждал, что именно отец искал деньги на лечение Гевина, а не мать. Этот вопрос задал адвокат после того, как на суде были продемонстрированы многочисленные письма семейства с признанием в любви Луизе Паланкер; при этом дети иногда называли её «мамочка», обращались к ней «дорогая», называли семьёй. Например, имелось письмо с таким содержанием: «Нашей Луизе, Уизи. Мы нежно любим и заботимся о вас. Наша любовь бесконечна (в оригинале используется английская метафора, дословно „любим до Луны и обратно“). Любим самозаб-

венно. Твои друзья, твоя семья — Дэйвеллин, Дэвид, Гевин, Стар» [108, 56].

Идея Томаса Мезеро, очевидно, состояла в показе того, как Джанет любила втираться в доверие к известным людям, чтобы они давали им деньги на лечение Гевина.

Во время повторного допроса прокурором выяснилось, что Стар сам готовил на кухне, потому что повара, по его мнению, были неквалифицированными. Мальчик сказал, что приготовление еды — его хобби. Томас Мезеро в ответном допросе также обратился к этой теме. Он заметил, что Стар не должен был на самом деле работать на кухне. У адвоката были сведения, что однажды рабочая по дому Кики Фурнье увидела Стара на кухне и предъявила ему претензии, а тот в ответ угрожал ей ножом, — Стар это отрицал.

Следующим человеком на месте свидетеля стал обвинитель — Гевин Арвизо (15 лет). Как и других его родственников, Снеддон спрашивал Арвизо о взаимоотношениях внутри семьи. Тот подтвердил, что родители ругались каждый день. Дэвид чаще всего бил супругу, но и детям также доставалось. После того как отец покинул семью, Гевин его не видел.

Затем Гевин подробно поведал о своей учёбе в лагере «Фабрика Смеха». После окончания обучения у каждого участника был наставник, у него — Джордж Лопес. Гевину нравилось учиться; там он, как уже говорилось, познакомился с учителями, которые стали друзьями семьи. Был у него

и любимый комедиант — Джей Лено, но он очень редко появлялся, и поэтому общения не было. В то же время Гевин выделил основателя организации — Джейми Массаду, который якобы очень помогал ему во время болезни (после химиотерапии «кормил его ананасами, дынями и всякой всячиной») и стал самым близким другом. В больнице Гевина также посещали Джордж Лопес и Луиза Паланкер. Снеддон поинтересовался, в каком состоянии он был в тот момент, когда составлял список людей, с которыми хотел встретиться: критично ли было его состояние или всё было относительно неплохо. Гевин ответил, что он никогда не собирался умирать, но разговоры такие были; однажды доктора сказали родителям готовиться к похоронам. В списке мальчика в первую очередь был Джордж Лопес, а также, как мы уже знаем, Крис Такер и Майкл Джексон. Как и Дэйвеллин, Гевин назвал Такера близким другом семьи и с восторгом о нём рассказывал:

Гевин Арвизо: В канун Нового года мне было очень грустно, потому что я должен был остаться в госпитале. Я набрал Криса и оставил сообщение: «Крис, чувак, мне нужен мой брат. У меня здесь никого нет». Он даже не перезвонил мне, но в полночь он был у меня в больнице. Он был в лифте, когда прозвенели куранты! <...> [108, 99].

Крис Такер так полюбил Гевина, что в канун Нового года приехал к нему в палату вместе со своей возлюбленной Айджей Прайор и ребёнком! Для прокурора было выгодно,

чтобы мальчик рассказал, как о нём заботился знаменитый комик: ведь потом Гевин заявил, что вклад Джексона в его восстановление от рака практически ничего не значил, и таким образом создавалось впечатление, что Майклу Арвизо ничем не обязаны, так как другие знаменитости заботились о нём больше. Впрочем, Гевин признал, что к настоящему моменту они уже давно не разговаривали и он не знает, хочет ли Крис всё ещё быть ему другом. Безусловно, обвинитель не знал, что Крис Такер уже был тогда в списке свидетелей защиты, так как собирался заступиться за своего настоящего друга — Майкла Джексона.

Гевин рассказал, как он познакомился с певцом. Однажды он ему позвонил, и они разговаривали около пяти минут. Майкл сразу же пригласил его на ранчо, и через некоторое время они приехали. Удивительно, но мальчик не знал про Неверленд, он думал, что это обычное ранчо с лошадьми! Гевин, в отличие от брата, не помнил, что они ждали Майкла на кухне около 30 минут. По его воспоминаниям, певцу сказали, что они уже приехали, когда он ел, и тогда он выбежал и поприветствовал их. Затем, как и рассказывал Стар, они пошли кататься на тележках для гольфа. Однако Гевин утверждал, что именно он был в одной тележке с певцом (якобы Майкл хотел посмотреть, сможет ли он водить), а не его брат. Фрэнк Кассио, который был в версии Стара, у Гевина отсутствует.

Как и другие члены семьи, Гевин помнил ссору родителей

в первый приезд:

Гевин Арвизо: Они вроде как снова подрались. Моя мама сделала макияж, а мой отец высмеял её и сказал, что она выглядит как клоун, и швырнул бутылку из-под газировки ей в лицо [108, 114].

Снеддон перешёл ко дню, когда мальчики первый раз остались в спальне Майкла на ночёвку. Как и на допросе Большим жури, Гевин сказал, что именно певец был инициатором того, чтобы он с братом спал у него.

Гевин Арвизо: <...> И тогда Майкл сказал, что мы должны спать в его комнате. И я такой «ок», потому мы как бы тоже хотели спать в его комнате. И он сказал спросить разрешения у родителей [108, 115—116].

Позже в тот день, как и говорил ранее Стар, мальчики якобы смотрели порносайты на компьютере Кассио. Гевин запомнил ещё один мерзкий комментарий, якобы сказанный Майклом. «Хочешь молока?» — спросил он. После все смеялись.

Гевин сказал в суде, что после той ночи остальные ночи они оставались в гостевых коттеджах.

После первого визита Гевин в основном ездил на ранчо с отцом и с братом. Было около 10 визитов. Примерно в это время было снято видео, как Стар, Майкл и Гевин гуляют по Неверленду; оно было после показано присяжным. Стар вёз своего старшего брата в коляске; Майкл шёл рядом, держа зонт в руке, он пел песню времён «Пятёрки Джексонов» —

«Я буду рядом» (*I will be where*). Видео вызвало слёзы у всех членов жюри, никто не остался равнодушным.

Гевин утверждал, что после ночи, проведённой в спальне хозяина, с Майклом они не общались вплоть до дня, когда они прибыли на съёмку фильма Башира осенью 2002 года (то есть почти через два года). Гевин, правда, отметил, что иногда артист был на ранчо, но явно не хотел с ним общаться, отдалился от него. Майкл говорил, чтобы мальчикам сказали, что его нет на ранчо. Но один раз он столкнулся с Гевин-ом, и мальчик был разочарован:

Гевин Арвизо: Когда у меня был рак, я не знаю, что случилось, но Майкл как бы прекратил общаться со мной и всё такое <...>

Прокурор: И был случай, когда вы случайно увидели его? <...>

Гевин Арвизо: Ну, я играл с Принсом и Пэрис снаружи, в задней части дома, где была Аркада. И тогда мы пошли в главный дом. Я мог это сделать, потому что они (видимо, телохранители или Майкл. — *Прим. авт.*) дали мне коды. И я вошёл в дверь с Принсом и Пэрис за руки <...> и увидел Майкла, идущего ко мне. Я полагаю, он не видел, как я завернул за угол, а потом повёл себя как «о чёрт», ну вы понимаете, что я имею в виду? <...> [108, 122—123].

Гевин сказал, что Майкл действительно дал им свой телефон, но позже стал недоступен.

Касательно съёмок: Майкл очень хотел увидеть Гевина и

позвонил ему домой. Когда мальчик приехал, Майкл объяснил, что хочет дать ему возможность сняться в кино, о чём Гевин мечтал. При этом Джексон не сказал, что это будет большой, настоящий фильм, который будет показан по всему миру. Во время съёмок мальчик должен был рассказывать о том, как певец помогал ему бороться с болезнью и стал для него почти отцом. После съёмок мальчик опять не мог дозвониться до Майкла.

На следующий день все люди, пришедшие на заседание, заметили отсутствие подсудимого. Стоит сказать, что непоявление на суде грозит обвиняемому большими последствиями; в случае Майкла Джексона это грозило ему аннулированием залога и тюремным заключением до окончания следствия, оглашения приговора. Судья Мелвилл, который изначально не был позитивно настроен в отношении певца, передал ему через адвоката Мезеро требование явиться в суд в течение часа, иначе он выдаст ордер на арест.

Судью Мелвилла не интересовали причины нарушения, поэтому Томас Мезеро явно переживал за своего клиента, у которого неожиданно возникли существенные проблемы со здоровьем: Майкл упал в ванной и сильно повредил спину и лёгкие, после чего надо было срочно ехать в госпиталь.

Снаружи, у здания суда, творился хаос. Снующие журналисты наперебой спорили, приедет ли Майкл, аннулируют ли его залог, если он не успеет; вокруг были крики и вопли волнующихся фанатов, ожидающих у ограды кортежа со сво-

им кумиром. Наконец, с опозданием в пять минут, прибыл долгожданный автомобиль. Из машины медленно показался Джексон — для всех стало шоком, что он был одет в белую рубашку и пиджак, пижамные штаны и шлёпанцы.

Он шёл к залу, еле передвигая ногами, его держали под руку телохранители, на лице была гримаса боли. Медицина и ненавистники обвинили артиста в притворстве, в давлении на жалость присяжных... Однако члены жюри обратили внимание больше не на одежду, а на то, что перед ними на скамье подсудимых сидел человек с явным недомоганием, который иногда плакал от боли в последующие заседания суда.

В этот день обвинитель Гевин Арвизо продолжал давать показания. Они, само собой, были ключевыми для прокуратуры.

В допросе Гевина появилась тема отлучения детей от родителей. Намёк на это был ещё у Дэйвеллин, которая говорила, что кто-то не хотел брать Джанет на самолёт из Майами. Теперь Гевин упомянул, что Майкл вообще неохотно взял его мать в поездку во Флориду.

Гевин Арвизо: <...> И он стал типа злой немного насчёт того, что моя мама поедет с нами. Но я сказал, что не могу без неё. Моя мама, возможно, не отпустит меня. И он такой «ладно» — говорит. И моя мама поехала [109, 11].

В Майами, будучи в номере певца, он якобы заходил в отдельную комнату, где разговаривал с Майклом, Дитером и

Рональдом. Там Дитер и Рональд говорили ему, что они собираются остановить «все эти вещи, крутящиеся в СМИ». Правда, Гевин толком не понял, как они собирались это сделать. Во время другой встречи певец якобы устроил мальчику нечто вроде проверки актёрских способностей, мальчик называет этот момент «прослушиванием».

Гевин Арвизо: Он был типа директором школы, а я был студентом, у которого были неприятности из-за девушки, которая сказала, что я типа украл у неё что-то или вроде того [109, 15].

В Майами Майкл якобы заставлял Гевина пить вино, говоря, что это «сок Иисуса»²⁹. У них было несколько разговоров об этом. На следующий день у мальчика болела голова и он хотел лежать.

Другим важным пунктом был полёт из Майами, где певец предположительно лизал голову жертвы. Прокурор снова задал вопрос касательно занимаемых мест в самолёте; Гевин сказал, что напротив него и Майкла сидели Принс и Пэрис, а не доктор Фаршьян, как указывал Стар. Певец опять заставлял его пить «сок Иисуса» (в банке колы), убеждая, что это расслабит его. Гевин якобы выпил всю банку. В тот день, как и говорила сестра мальчика, Майкл подарил ему куртку и часы, говоря, что это символ их вечной дружбы.

После прилёта из Флориды до отъезда с Хесусом Саласом братья Арвизо якобы всегда проводили ночи в спальне хо-

²⁹ Интересно, что Стар никогда не называл вино «соком Иисуса».

зьяина, когда он там присутствовал. Более того, каждый раз Майкл якобы давал им алкоголь, притом чаще он давал алкоголь больному мальчику. Слова Гевина о том, что у него только одна почка, на певца не действовали: он убеждал его, что ничего страшного не случится.

Затем Том Снеддон уточнял информацию про посещение мальчиками винного погреба. Как и Стар, Гевин отмечал, что их туда водил Майкл Джексон, и отрицал, что они когда-либо пили там без него. Однако Гевин рассказал о случае, когда один раз они зашли в погреб без Джексона, что не согласовывается с тем, что рассказывал его брат о том, что нельзя просто так попасть в это место без ключа.

Прокурор: Вы когда-нибудь спускались туда без мистера Джексона?

Гевин Арвизо: Нет. Ну, мы однажды туда ходили. Это было просто потому, что мы хотели типа посмотреть на маленькую зелёную штучку, которая у них там была, со всеми этими деревьями и прочим. Это было что-то вроде модельной штуки [109, 28].

Также Майкл якобы давал пить ему водку и напиток «джин бим».

Гевин вспомнил, что навещал мать в гостевом коттедже три раза за неделю во время того пребывания и мать говорила об отъезде, была напугана, но ему не хотелось уезжать, потому что было весело.

Гевин Арвизо: Она говорила мне о страхе, что нас хотят

убить, и она хотела уехать [109, 33].

После того как семья покинула ранчо, Гевин разговаривал по телефону с Фрэнком Кассио. Тот якобы говорил ему, что «они» (по-видимому, люди из окружения Джексона) волнуются за их семью, и просил вернуться на ранчо, но Гевин не хотел из-за того, что Дитер и Рональд очень пугали Джанет. Семье было обещано, что они никогда больше не увидят Визнера и Коницера, но заверение не было исполнено. Джанет почти сразу уехала с ранчо, оставив детей. В зачитанных судьёй актах обвинения было сказано, что Визнер и Коницер не позволили детям покинуть ранчо.

Том Снеддон предоставил в суде в качестве доказательства добрых отношений между певцом и Гевинем записку, написанную рукой Майкла, где было сказано: «Я хочу, чтобы ты провёл прекрасное время во Флориде. Я счастлив быть твоим папой». До этого прокурор предоставил записку Гевина, адресованную певцу; таким образом выходит, что послание Майкла было ответом. Гевин отметил, что действительно называл Джексона папой, потому что у него не было настоящего отца.

Жертва подтвердила слова сестры и брата о съёмках фильма-опровержения, добавив, что у них был час до съёмок, где они даже прорабатывали ответы на вопросы, которые будут задаваться. При этом Гевин сказал, что Майкл ему нравился, но в общем он говорил неправду; главным образом это касалось того, что Джексон не очень ему и помогал

во время болезни. После было интервью с социальными работниками, где говорилось то же самое.

Гевин также отчётливо помнил эпизод с манекеном, о котором красноречиво рассказал его брат.

Гевин Арвизо: Ну, я и мой брат смотрели на манекен и смеялись, потому что он был в смешной позе. И мы показали его Майклу, и он тоже начал смеяться. Затем он стал показывать, будто занимается с ним сексом, потому что тот имел забавную позу [109, 67—68].

Далее Том Снеддон перешёл к вопросам, касающимся показа журналов для взрослых. Мальчик не помнил, кто именно принёс журналы в спальню певца к моменту второго просмотра. Также мальчик сказал следующее:

Гевин Арвизо: Он как бы накладывал макияж или что-то такое <...> а потом он схватил чемодан и сказал мне, что это Френка (Кассио. — *Прим. авт.*) <...> И он такой: «Посмотри сюда... это вонючая задница Фрэнк».

<...>

Прокурор: Как много журналов вы видели?

Гевин Арвизо: Мы посмотрели практически все. Было мало тех, которые мы не видели.

Прокурор: Как долго вы смотрели эти вещи?

Гевин Арвизо: От 30 минут до часа, возможно. <...> Это было в тот же самый день, что мы вернулись из Майами.

Прокурор: Хорошо. Что насчёт второго случая, когда вы были наверху? Когда это было по отношению к Калабасасу?

Гевин Арвизо: Несколько недель после, возможно, через две недели.

Прокурор: Вы можете сказать нам: это имело место до или после поездки в Калабасас?

Гевин Арвизо: До Калабасаса [109, 69—70].

Здесь каждое предложение, сказанное обвинителем, противоречит словам его брата:

- по воспоминаниям Стара, Майкл не делал никаких комментариев, пока они смотрели;
- Стар уверял присяжных, что они посмотрели далеко не всё. Как уже говорилось, в первом случае они пролистали два журнала, во втором — три или четыре;
- у Стара по времени они смотрели около 10 минут, а не от получаса до часа;
- у Гевина первый случай был в день приезда из Майами, то есть 7 или 8 февраля, а следующий случай был через неделю или две. У Стара же оба инцидента произошли после прибытия из Калабасаса, что, согласно хронологии из перечисления пунктов обвинения на первом заседании, было примерно через две или три недели после прибытия из Флориды (между 25 февраля и 2 марта).

Гевин также помнил, как Майкл их учил подслушивать разговоры охранников. Он рассказал, как певец признался ему, что прослушивал разговоры его мамы с Джемом Джексонном.

Том Снеддон аккуратно подводил мальчика к эпизоду, ко-

гда Майкл, как говорил Стар, вошёл в спальню голым, пока братья смотрели фильм. Гевин помнил, что они два раза смотрели какой-то старый фильм ужасов про призрака (второй раз — вместе с артистом), но он совсем не помнил, чтобы голый Майкл явился во время просмотра, как рассказывал Стар.

Прокурор: Во время просмотра входил ли мистер Джексон в комнату или он смотрел с вами?

Гевин Арвизо: Ну, я уверен, что первый раз мы смотрели фильм вместе с ним <...> Я не помню, как он входил в комнату, пока мы смотрели фильм. Я думаю, второй раз он тоже смотрел с нами. Но я не уверен в этом.

Видимо, Том Снеддон понял, что показания опять будут отличаться, и задал вопрос, который прямо выводил жертву на необходимую тему:

Прокурор: Вы когда-либо имели разговоры с мистером Джексонном о том, что быть обнажённым естественно?

Вопрос был оспорен адвокатом как наводящий, поэтому прокурор задал вопрос по-другому: был ли какой-то случай, связанный с Джексонном, поднявшимся по лестнице?

<...>

Гевин Арвизо: Я думаю, мы просто лежали на кровати.

Прокурор: Хорошо. Когда мистер Джексон поднялся, вы заметили что-то?

Гевин Арвизо: Да, он был голым.

<...>

Прокурор: Сделал ли или сказал что-то мистер Джексон в тот момент?

Гевин Арвизо: Нет, он просто вбежал, что-то взял и спустился вниз.

<...>

Прокурор: И какой была ваша реакция на это?

Гевин Арвизо: Никакой. Мы просто с братом такие: «Оу!» Вы поняли, что я имею в виду <...> Мы никогда не видели взрослого человека в таком виде [109, 72—74].

Есть отличия от рассказа Стара:

- Стар помнил, что это было во время просмотра фильма;
- у Стара Майкл сел на кровать и сказал, что быть обнажённым естественно, и действие заняло около двух минут;
- Гевин ни слова не сказал об эрекции, которая якобы была у Майкла, когда он вошёл к мальчикам;
- во вступительном слове Снеддона версия частично совпадает со словами Стара. «Стар скажет, что ему было противно, когда ответчик изрёк: „Это естественно. Почему бы вам не делать то же самое?“» Прокурор, однако, добавил, что мальчишки, которые не хотели лицезреть подобное, решили притвориться, что им нужно в туалет.

Следующим пунктом обсуждения был эпизод, участниками которого были Гевин, Джанет и «заговорщик» Винсент Амен. Винсент должен был отвезти Гевина и его мать к врачу-урологу, который должен был проверить, как работает

почка мальчика. Согласно источнику прокуратуры, Винсент нарочно избавился от экземпляра мочи, который Гевин вёз к врачу, чтобы никто не узнал, что мальчик употреблял алкоголь. Якобы за день до инцидента Гевин имел разговор с Джексон: он спросил певца, как поступить с анализом, в котором может быть обнаружен алкоголь; Майкл сказал: просто не сдавать этого теста. На этом разговор завершился. Затем в погребке Майкл якобы снова поил Гевина вином, о чём тот рассказал матери (как отреагировала на это Джанет, он якобы не совсем помнил). Утром они поехали в госпиталь на приём. Во время поездки они вынуждены были остановиться у ресторана, чтобы Гевин сходил в туалет. Подъезжая к больнице, Джанет якобы обнаружила, что бутылка с уриной, лежавшая на полу перед ней, пуста, хотя была совершенно полной.

Неожиданно Том Снеддон вернулся к эпизоду, когда мальчики якобы увидели голого Джексона. Это выглядит так, будто прокурор вспомнил, о чём свидетельствовал Стар Арвизо (о комментариях ответчика о наготe), и решил исправить (напомнить) Гевину об этом. Он ещё раз спросил мальчика, говорил ли что-либо Джексон, когда входил голым. Этого Гевин по-прежнему не помнил. Снеддон вознамерился показать обвинителю его показания перед Большим жюри. После многократных возражений со стороны Томаса Мезеро суд всё-таки позволил прокурору это сделать. Гевин «вспомнил».

На вопрос, действительно ли подсудимый помогал ему с домашним заданием, мальчик ответил утвердительно! Правда, это было только один раз.

В окончание допроса Том Снеддон перешёл к основным пунктам обвинения — актам растления.

Гевин рассказал, что было только два случая приставания со стороны Майкла, которые он отчётливо помнил. Первый случай произошёл в тот период, когда Стар перестал спать в спальне Джексона.

Гевин Арвизо: Мы только пришли из Аркады, где мы выпивали, в его спальню. И тогда, посидев немного, Майкл начал говорить со мной о мастурбации <...> Он сказал, что если мужчины не мастурбируют, то они могут дойти до того, что изнасиловать девушку, или они могут быть, например, немного неуравновешенными. Итак, он говорил мне, что парням приходится мастурбировать [109, 90—91].

Также жертва поделилась неподтверждённой историей о том, как Майкл убеждал его в необходимости своевременного онанизма; однажды певец был свидетелем ужасной сцены: мальчик изнасиловал собаку. После этого Джексон якобы совершил в отношении Гевина действия сексуального характера и сделал это под одеялом. [109, 91].

Эпизод продлился примерно пять минут, после чего мальчик почувствовал смущение; артист сказал, что это нормально. Повторилось то же самое приблизительно через сутки.

Что сразу бросается в глаза? Те случаи растления, о кото-

рых рассказал Гевин, не могут быть теми же, о которых говорил Стар:

- Стар утверждал, что Гевин в обоих случаях спал (он храпел);
- у Стара Гевин лежал поверх одеяла, благодаря этому он и смог увидеть, что якобы делал Майкл.

После повествования Гевина о втором эпизоде растления Снеддон спросил его:

Прокурор: Были ли другие случаи, когда ты чувствовал, что мистер Джексон пытался сделать с тобой что-то неуместное?

Гевин Арвизо: Нет [109, 93].

Отметим, что два описанных Гевином на суде эпизода предполагаемого растления противоречат тому, что Арвизо заявляли на досудебной стадии процесса. В заявлении прокуратуры о «вероятной причине» от 17 ноября 2003 года приводились различные версии Гевина относительно количества и обстоятельств предполагаемых действий сексуального характера. В одном случае речь шла как минимум о пяти эпизодах в период с 7 февраля по 10 марта (изначальные даты преступления. — *Прим. авт.*).; кроме того, упоминались ещё два эпизода, которые якобы наблюдал Стар [110, 3—4]. В другой беседе Гевин утверждал, что подобное происходило каждый раз, когда Стар не оставался в спальне Майкла, однако вспомнил «менее пяти раз» [110, 56]. Позднее он говорил уже о «пяти» таких эпизодах [110, 62], а в другом

показании — примерно о «семи» [110, 63].

Как видите, Гевин и прокуратура никак не могли определиться с количеством случаев растления. Пять или семь инцидентов, которые описал Гевин, как-то превратились в два на суде.

Заседание продолжилось перекрёстным допросом адвоката.

С самого начала Мезеро уточнил у свидетеля, действительно ли случаи растления были после того, как у семьи состоялась беседа с работниками департамента. Защитник пытался выяснить, когда приблизительно произошли акты растления, ведь сроки, объявленные обвинением, приходились на суматоху в прессе после фильма Мартина Башира и полицейское расследование. Жертва заявила, что это было уже ближе к концу общения с Майклом.

Адвокат: Итак, вы говорите присяжным, что после того, как вы были опрошены тремя социальными работниками, расследующими дело Майкла Джексона, и после всей суматохи, последовавшей за документальным фильмом о Башире, мистер Джексон каким-то образом начал неподобающим образом прикасаться к вам; верно?

Гевин Арвизо: Нет, это было ближе к концу. Ближе к тому моменту, когда мы уже собирались уезжать, после того как мы пили алкоголь и всё такое прочее. Это было не сразу после Департамента по защите детей. Это было ближе к концу.

<...>

Адвокат: За несколько дней до того, как вы покинули Неверленд навсегда?

Гевин Арвизо: Да, потому что... да [109, 96].

Адвокат обращал внимание присяжных, что эпизоды неподобающего поведения якобы случились уже после всех событий и вскоре после встречи с адвокатом Уильямом Дикерманом.

Томас Мезеро считал, что обвинения в растлении возникли не только от жадности Джанет Арвизо, но и от обиды на что-то; сама жертва также имела какой-то зуб на Джексона. И, возвращаясь к теме прекращения общения артиста с семьёй с конца 2000-го по 2002 год, он, казалось, нащупал одну из причин формирования иска.

Томас Мезеро: Вы сказали жюри вчера, что Майкл Джексон не делал много для вашей болезни, так?

Гевин Арвизо: Да <...> потому что я не видел его часто. Он говорил мне, что его не было, а на самом деле он был на ранчо. И из-за этого мне становилось грустно, так как в моём понимании он был моим лучшим другом в целом мире, и мой лучший друг избегал меня, пока у меня был рак [109, 99].

Майкл часто общался с Гевинном, пока тот проходил лечение в больнице (примерно трижды в неделю от часа до трёх часов), приглашал семью Арвизо на ранчо, дарил подарки, катал их на лимузине, а также открыл сбор крови для Гевина. Оплачивал их нужды. Позволял им находиться на ранчо

неограниченное время, пользоваться всеми услугами и развлекаться, но только в течение нескольких месяцев. Как указывает Фрэнк Кассио, артист действительно стал удаляться от этой семьи после ночи, когда мальчики ночевали у него в комнате. Гевин отрицал хорошее отношение к нему со стороны Джексона после фильма Башира.

Гевин был уверен, что проявление симпатии к нему и его семье со стороны Майкла было связано исключительно с желанием использовать Арвизо для повышения лояльности к собственному образу в среде обывателей.

Мезеро был уверен, что с его подзащитным мальчик так или иначе имел более близкие отношения, чем с другими звёздами: ведь никто из селебрити не брал семьи с собой в поездки, не позволял неделями жить у себя и не дарил так много подарков.

Адвокат: Нет ни одной знаменитости, которая позволила вашей семье переехать в её дом, кроме Майкла Джексона; это правда?

<...>

Гевин Арвизо: Я никогда не переезжал в дом Майкла. Я никогда не перевозил туда свои вещи и не жил там постоянно. Я останавливался там и навещал его [109, 105].

Защитник перешёл к теме дела «Джей Си Пенни». Ещё в начале допроса адвокатом Гевин заявил, что говорил правду, будучи под присягой на допросе по тому делу. Сейчас Мезеро решил расспросить об этом более подробно. подро-

сток рассказал, что иск магазину был составлен от всей семьи и что у него показания были взяты в больнице, потому что он не смог появиться в суде из-за болезни. Томас Мезеро у каждого члена семьи Арвизо интересовался, готовили ли их к допросу (все они отрицали этот момент). В случае с Гевином этот вопрос был наиболее оправдан ввиду того, что тот показал по делу магазина.

Адвокат: Помните, вы ответили под присягой на вопрос, говорил ли вам кто-нибудь, о чём вы должны давать показания здесь сегодня или что вы должны говорить?», и ваш ответ был таким: «Только наш адвокат»? [109, 107].

Разумеется, Гевин об этом не помнил. Даже после того, как ему была показана стенограмма допроса, он продолжал настаивать, что никто ему не указывал, что говорить по тому делу.

На этом очередное заседание завершилось, но допрос Гевина не был закончен. Он снова был вызван после выходных.

Томас Мезеро спросил мальчика о несоответствии, которое он видел в истории о мастурбации. В показаниях детективам Зелису и Робелю Гевин сказал, что бабушка ему говорила, будто мастурбация необходима для мальчиков, иначе они будут склонны к насилию. На суде Гевин сказал, что то же самое ему внушал Майкл Джексон, притом практически слово в слово как бабушка!

Адвокат: Помните, вы произнесли: «Моя бабушка объяснила это мне. Она сказала <...> если мужчины этого не дела-

ют, они могут дойти до точки, когда они могут пойти дальше и изнасиловать женщину». Вы помните, как говорили это?

Гевин Арвизо: Думаю, да.

Адвокат: Почему ваша история изменилась между этим интервью и вашими показаниями в прошлый четверг?

Гевин Арвизо: Что вы имеете в виду под «изменилась»?

Адвокат: Вы заявили полиции, что ваша бабушка говорила вам эти слова, и вы пришли в суд и сказали жюри, будто мистер Джексон говорил вам то же самое.

Гевин: Ничего не менялось. Это потому что Майкл пытался объяснить мне первым. Он больше внушал мне, что мужчины должны мастурбировать. Сейчас, когда я покинул Неверленд, я полагаю, моя бабушка видела, что я очень смущался в сексуальных вещах, и... моя бабушка объясняла мне очень многое.

Адвокат: Итак, это случилось после того, как мистер Джексон сказал вам, что если мужчина этого не сделает, он может дойти до того, что изнасиловать женщину? Ваша бабушка привела вам почти идентичную цитату?

Гевин Арвизо: Нет, в действительности она не сказала то же самое, что Майкл. Я не помню точно, что она говорила. Я знаю, что бабушка объясняла много вещей мне [111, 3—4].

Томас Мезеро сослался только на показания жертвы шерифам, не обратив внимания жюри на показания Гевина Большому жюри, ведь там тоже поднималась эта тема. На том допросе Гевин заявил следующее:

Гевин Арвизо: Это было после всего (всех событий в Неверленде. — *Прим. авт.*) <...> Меня усадила бабушка и по-настоящему поговорила со мной о подходящем для секса времени.

<...>

Прокурор: Она когда-нибудь говорила вам, что иногда мужчины насилуют женщин, если они этого не делают?

Гевин Арвизо: Нет, я не помню.

Прокурор: Но она сказала, что от недостатка секса их желания сильно возрастают?

Гевин Арвизо: Да.

<...>

Прокурор: Разговор с вашей бабушкой, о котором вы нам сейчас рассказали, был первой беседой со взрослым человеком, где обсуждались сексуальные вопросы и воспитание?

Гевин Арвизо: Да [112, 29—30].

Итак, сравнивая показания Гевина перед Большим жури и на суде с данными допроса офицерами полиции Зелиса и Робеля, можно вывести следующие заключения:

- на допросе полиции Гевин сказал, что бабушка говорила о возможном изнасиловании женщин мужчинами, которые не мастурбируют;
- на заседании Большого жури Гевин почему-то не помнил, что бабушка говорила про изнасилование. Он заявлял, что разговор с бабушкой был после всех событий, даже после

вмешательства полиции; это была его первая в жизни беседа о сексе;

- на суде, на прямом допросе, Гевин повторяет практически ту же фразу, что и на допросе, но относит её к Майклу Джексону. На перекрёстном допросе, когда Мезеро напоминает ему о том, что раньше Гевин относил эти слова к бабушке, мальчик заявляет, что разговор с бабушкой был позже: Майкл учил его науке мастурбации первым.

Томас Мезеро добился признания Гевина о разговоре с прокурором Снеддоном за день до суда. На вопрос, о чём они говорили, жертва отвечала неохотно, пыталась отделаться общими словами. Мезеро настойчиво продолжал задавать однотипные вопросы, надеясь вывести Гевина на нужную мысль, из-за чего Гевин стал раздражаться. Скорее всего, он понимал, к чему ведёт защитник. За два дня до заседания, 12 марта, Том Снеддон провёл встречу с учителем средней школы Дином Алпертом, в которой учился Гевин, а потом беседу с Гевинком по поводу его общения с обозначенным учителем, которому подросток два раза признался в том, что ничего плохого Майкл ему не делал. Гевин был вынужден признать, что он на самом деле сказал Алперту, что он не был растлён Джексонком.

Защитник большое внимание уделял тому, насколько Гевин был привязан к Джексону. Он просил у него телефон, жаждал общения с ним, писал карточки о том, что скучает

по «папочке» и благодарит за помощь в борьбе с раком, посылал открытки, где называл детей Майкла лучшими друзьями (Гевин почему-то это отрицал). Гевин подтвердил, что переживал о Майкле и писал ему, когда тот сломал ногу (видимо, речь шла о начале 2001 года). В том письме мальчик сказал о том, что его семья молится за Майкла, желает ему скорее поправиться, а также о том, что он не может дождаться, когда снова будет играть с ним в Неверленде. Гевин называл певца «самым милым, самым любящим человеком в мире». Мальчик сознался, что желал поехать с Майклом в Нью-Йорк и посмотреть, как артист записывает свой альбом *Invincible* («Непобедимый»). Этого не случилось, потому что с 2001 года Майкл уже отделился от семьи Арвизо.

Гевин подтвердил слова брата, что они могли заходить во все уголки ранчо без проблем; они даже имели возможность вдвоём смотреть фильмы в кинотеатре ранчо по заказу.

Томас Мезеро попытался узнать у Гевина, помнит ли тот своё ложное заявление в 1996 году о жестоком обращении с ним матери (мальчику тогда было 6 лет). Вопрос был оспорен Снеддоном, и возражение было принято.

Далее адвокат спрашивал о подарке Гевину компьютера в первый приезд в Неверленд. Жертва рассказала, что артист отдал ей устройство, потому что хотел, чтобы у неё был интернет. Надо было создать AOL-аккаунт, ввести любой пароль. Мальчик решил его настроить через несколько дней; для этого он позвонил секретарю Джексона — Эвви Таваши.

Мезеро имел информацию, видимо от Таваши, что Гевин просил изменить пароль на «секси». Это говорит нам о том, что дети Арвизо с самого начала, до встречи с Джексонном, были развращёнными: разве будет десятилетний мальчик с нормальным воспитанием и чистыми мыслями вводить такой пароль? Вряд ли Джексон мог поменять образ мальчика за несколько дней.

Защитник пытал Гевина относительно его походов с братом по уголкам ранчо в отсутствие хозяина. Он назвал помещения, в которых они побывали: Аркада, театр, главный дом, вокзал, гостевой коттедж, где они останавливались, библиотека. Заметьте, что среди названных не было винного погреба, где его с братом однажды застали. Мезеро спросил, заходил ли Гевин когда-либо в комнаты детей артиста — Принса или Пэрис; оказалось, что однажды он присутствовал на обучении детей Майкла няней Грейс. Мальчик сказал, что помогал няне с обучением!

Один из ключевых вопросов был связан с сигнализацией. Адвокат: Вы помните, как когда-либо вы были в спальне Майкла Джексона и слышали систему сигнализации?

Гевин: Да <...> Я имею в виду, что когда ты наверху его спальни, ты как бы слышишь её; не так хорошо, как внизу, но всё-таки слышишь [111, 53].

Ответ Гевина противоположен ответу Стара, который уверял, что сигнализация не слышна, когда двери закрыты.

Следующей темой допроса стало общение Гевина с коми-

ком Джеем Лено, его любимым артистом. Мезеро знал, что с этим человеком связана одна история, о которой он поведал во вступительном слове. Гевин позвонил Лено и сказал: «Я люблю тебя, я смотрю на тебя допоздна ночью» (на заднем фоне Джанет нахваливала артиста). Джей понял, что они хотят обобрать его, давят на жалость, и повесил трубку.

Отвечая на вопросы, Гевин врал относительно разговора с Лено:

Адвокат: Вы когда-либо пытались созвониться с Джеем Лено по телефону?

Гевин Арвизо: Да <...> Я звонил по номеру, который мне дали.

<...>

Адвокат: Вы набирали этот номер?

Гевин Арвизо: Да.

Адвокат: Была ли мать с вами?

Гевин Арвизо: Нет.

Адвокат: Был ли кто-то с вами?

Гевин: Ну, когда я звонил ему, я был в госпитале, так что это мог быть мой отец или, возможно, медсестра, которая приходила проверить жизненные показатели.

<...>

Адвокат: И вы поняли, кто ответил на звонок?

Гевин Арвизо: Автоответчик.

Адвокат: Вы когда-либо дозванивались Джею Лено?

Гевин Арвизо: Нет.

Адвокат: Так что вы отрицаете, что когда-либо разговаривали с ним, так?

Гевин Арвизо: Я никогда не говорил с Джем Лено [111, 56—57].

Томас Мезеро вернулся к теме сигнализации. Жертва сказала, что никогда не обсуждала показаний брата и самого звонка с ним. Гевин ещё раз подтвердил, что звук был слышен из спальни.

Защитник спросил, заходили ли братья в спальню певца в его отсутствие:

Адвокат: Сколько раз вы заходили в спальню мистера Джексона, когда его там не было?

Гевин Арвизо: Я никогда не был в комнате, когда его там не было.

Адвокат: По вашим сведениям, ваш брат входил в спальню, когда его там не было?

Гевин Арвизо: Я не думаю, что мой брат заходил туда, когда Майкла там не было [111, 58—59].

Здесь Мезеро опять поймал Гевина на противоречии своему брату, который заявлял, что они спали на хозяйской кровати, когда певца не было на ранчо.

Темой перекрёстного допроса снова был просмотр порнографии в интернете в первую ночь в спальне Джексона. Гевин сказал, что он точно не помнит, на каком устройстве они смотрели порносайты, но предположил, что ввиду того, что он ещё не создал тогда аккаунт в AOL, это был компьютер

Кассио. Однако Стар уверял, что это был именно тот ноутбук, который был подарен Гевину, и интернет уже был подключён.

Следующий разговор на заседании сыграл большую роль в решении присяжных. Гевин говорил о том, как ему было обидно, что Майкл оборвал с ним общение, когда болезнь ушла в ремиссию.

Адвокат: Вы хотели посетить Неверленд, когда наступила ремиссия, верно?

Гевин Арвизо: Да.

Адвокат: Вы чувствовали, что Майкл прекратил дружбу, так?

Гевин Арвизо: Да.

Адвокат: Вы чувствовали, что он бросил вашу семью, верно?

Гевин Арвизо: Да [111, 64].

После Гевин утверждал, что Майкл перестал реагировать на его звонки ещё во время лечения, когда он проходил третий или четвёртый цикл химиотерапии, и это очень расстраивало его.

Адвокат попросил рассказать про первую ночь, проведённую в спальне хозяина.

Гевин Арвизо: Мы были в офисе Майкла и говорили о всяком, и Майкл сказал спросить (родителей. — *Прим. авт.*), могу ли я переночевать в его спальне, чтобы мы посмотрели фильмы и всё такое.

<...>

Адвокат: Ваши родители одобрили, и вы с братом остались в комнате Майкла Джексона?

Гевин Арвизо: Да.

Адвокат: И это была та ночь, о которой вы говорили, когда Майкл и Фрэнк спали на полу; верно?

Гевин Арвизо: Да [111, 71].

Рассказ Гевина противоречит версии Фрэнка Кассио из его книги и интервью, а также версии Дэйвеллин. Сестра обвинителя говорила, что предложение ночевать у певца поступило от Гевина, что почти согласуется с версией Кассио («Наступила ночь, когда Гевин и его брат Стар стали умолять Майкла позволить им спать с ним»):

Прокурор: Где разговор был?

Дэйвеллин Арвизо: В столовой.

Прокурор: Кто присутствовал при беседе?

Дэйвеллин Арвизо: Мои отец, мать, братья и мистер Джексон.

<...>

Прокурор: Кто поднял тему?

Дэйвеллин: Гевин.

Мезеро продолжал пытать Гевина. Теперь он снова спрашивал его о том, когда, по его мнению, произошли эпизоды растления. Ко всем пришло понимание, что Гевин не может с этим определиться.

Адвокат: Вы рассказывали шерифам Санта-Барбары, что

Майкл Джексон первый раз неподходящим образом прикоснулся к вам в течение последних дней в Неверленде?

<...>

Гевин Арвизо: Это было за неделю или две, прежде чем Винни (Винсент Амен. — *Прим. авт.*) отвёз нас обратно.

<...>

Адвокат: Вы заявляете, что продолжали оставаться в его спальне, так?

Гевин Арвизо: Ну, я думаю, он уехал после второго эпизода <...> Да, через несколько дней после второго раза. Вот почему я уверен, что это случилось за несколько... за две недели до (отъезда. — *Прим. авт.*) [111, 76, 89].

Данный ответ вывел из себя Томаса Мезеро, он стал очень эмоционально (так что судье пришлось его успокаивать) напоминать мальчику о том, что он не только шерифам, но и ему на прошлой неделе говорил, что эпизоды растления произошли за несколько дней до отъезда с ранчо. Ответ на следующий вопрос прозвучал неожиданно. Оказывается, мальчику было весело, когда его растлевали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.